This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

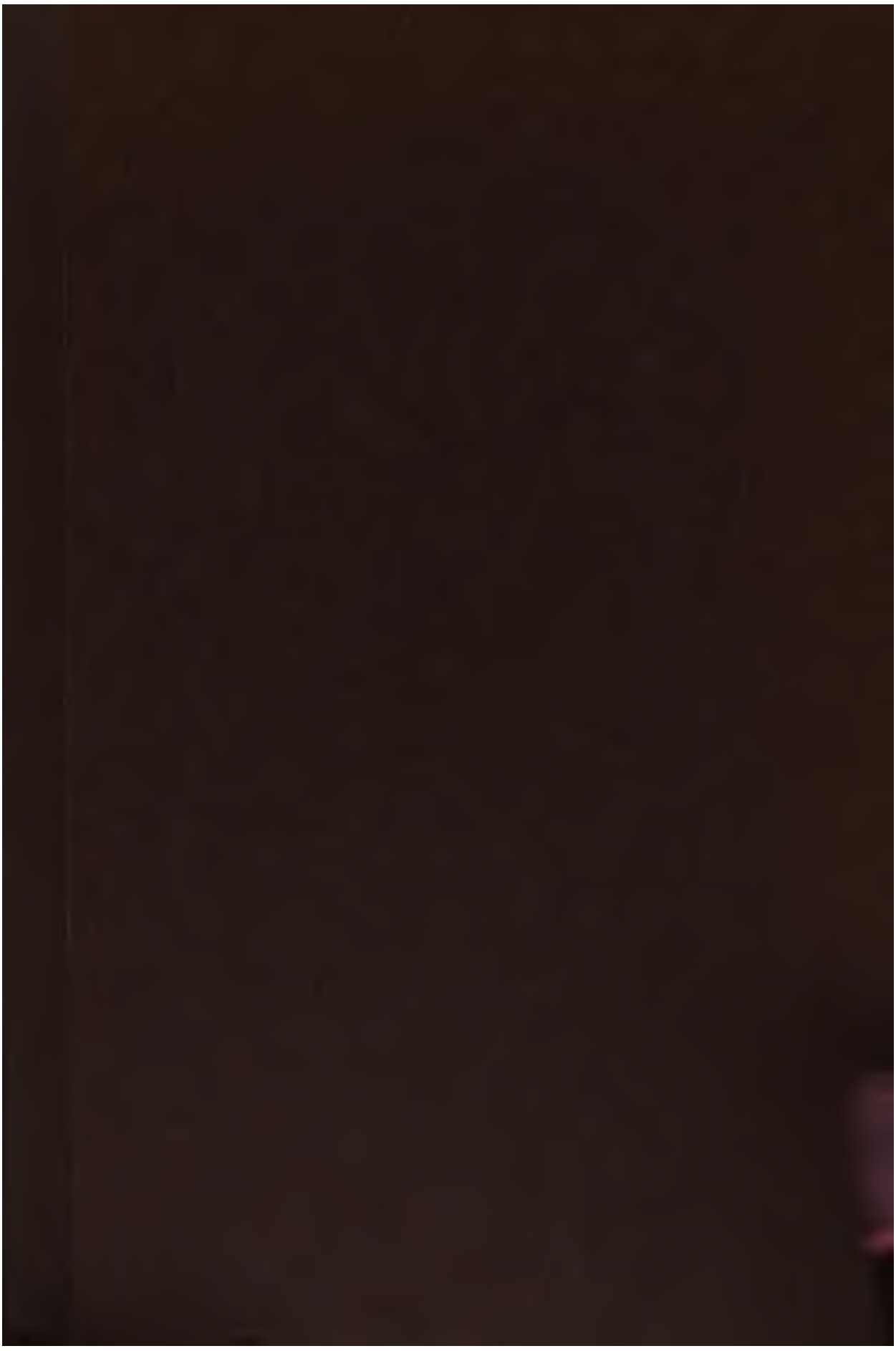
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

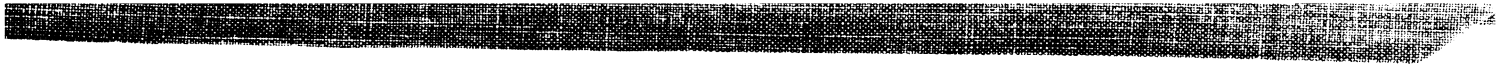
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES



Famitsyn, A.S.

СКОМОРОХИ

НА

РУСИ.

„Веселые скоморохи
Садилися на лавочки,
Заиграли во гусельцы,
Запѣли они пѣсеньку...“

К. Даниловъ. *Древ. Росс. стих.: „Гость Терентьище“.*

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Ал. С. Фаминцына.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Э. Арнгольда, Литейный просп. № 59.
1889.

GV1805
R9S55

Оглавленіе.

	стр.
ТУПЛЕНІЕ	1
1. Скоморохи—«веселые люди»	3
2. Искусство скомороховъ.	
а. Играютъ и поютъ въ домахъ, въ особенности на пирахъ.	6
б. Участвуютъ въ свадебныхъ торжествахъ.	17
в. Великая игра.	
аа. Боянъ-гудецъ и скоморохи. Повѣствованія про страны далекія и времена стародавнія. Повѣствованія сказочныя и шуточныя. Величаніе и славленіе. — Бахари. Домрачеи.—«Пѣсни царскія»	27
бб. Игроки непрофессіональные. Дружинники. Добрыня Никитичъ. Ставръ Годиновичъ. Соловей Будимировичъ. Садко. Разные игроки-любители.	54
г. Веселая игра.—Плясовая игра	64
д. Скоморохи—плясуны.	75
е. Увеселяютъ народную толпу.	
аа. Играютъ на улицахъ и площадяхъ городовъ и селъ, на кладбищахъ и поляхъ.	78
бб. Переряживаются: Москолудство. — Окрутники. — Скоморохи и русальи	83
вв. Скоморохи — глумцы и смѣхотворцы. — Позоры. — «Пещное дѣйство» и «Халдеи». — Скоморохи-кукольники. Кукольный ящикъ. Вертепъ (Ясли). Раёкъ.— Шуты (дураки). Ерема и Замазка. Ѳома и Ерема.	91
гг. Скоморохи и вожаки медвѣдей и другихъ ученыхъ звѣрей.—Плясуны на канатѣ	118
ж. Скоморохи—кудесники, знахари	129
3. Скоморохи — люди прохожіе, голыши, пьяницы. — Скоморохъ побѣждаетъ жида-философа. — Скоморохи — проказники, воры, грабители. (Волочебники. Колядовщики.)	133
4. Скоморохи осѣдлые.	149
5. Награжденіе скомороховъ и презрѣніе къ нимъ, какъ къ слугамъ антихристовымъ.	
а. Щедрыя награды.—Плата гудочная (мзда)	156
б. Скоморошество во служеніи дьявола.	159
аа. Игра и музыкальные инструменты.	160
бб. Пляски и пѣсни	162
вв. Переряживанія	164
гг. Глумы, медвѣжья комедія и проч.	165
в. Скоморохи и ихъ слушатели на томъ свѣтѣ	166
г. Презрѣніе къ скоморохамъ	167
6. Конецъ скоморохамъ	174

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

					Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*
Страница	17	строка	3	снизу:	XII.	VII.
»	61	»	3	сверху:	«веселой»	«великой»
»	77	»	11	»	Москвѣ	Новгородѣ
»	89	»	4	»	54	93
»	91	»	2	»	«Русали»	«Русали
»	129	»	10	снизу:	дд. Скоморохи—кудесники, знахари.	ж. Скоморохи—кудесники, знахари.
»	136	»	13	»	напаивать	попаивать
»	141	»	13	»	въ подпольс	въ подпольѣ
»	178	»	2	»	дихъ	нихъ
»	181	»	5	сверху:	своим	своими
»	182	»	10	снизу:	«кабылками»	набылками
»	187	»	7	сверху:	Арбатской	Ирбитской

Вступленіе.

Представителями свѣтской музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ, въ теченіи многихъ столѣтій, служили скусники или потѣшники, издавна носившіе названіе скоороховъ. Весь продолжительный періодъ исторіи свѣтской музыки въ Россіи съ XI вѣка (раньше этого времени ы не имѣемъ письменныхъ свидѣтельствъ о музыкантахъ пѣвцахъ русскихъ) до средины XVII столѣтія можетъ, о справедливости, быть названъ эпохою скомороховъ.

Скоморошество—явленіе, общее всѣмъ европейскимъ наодамъ въ средніе вѣка; скоморохи—преемники греко-римкихъ скиниковъ или мимовъ, народныхъ потѣшниковъ, одвизавшихся частью на сценѣ или просценіумѣ театра, астью на пирахъ и попойкахъ, на улицахъ, площадяхъ въ питейныхъ домахъ. Откуда бы ни пришло въ Росію искусство скомороховъ, съ юга ли (изъ Византіи) или ъ запада,—но уже въ XI вѣкѣ оно оказывается привиымъ и укоренившимся въ обиходѣ народной жизни русой; съ этой поры оно можетъ быть разсматриваемо какъ вленіе, на русской почвѣ вполнѣ акклиматизовавшееся и инявшее здѣсь самостоятельное развитіе, сообразное съ ѣстными условіями и характеромъ русскаго народа. Скоорохи—древнѣйшіе представители народнаго эпоса, наодной сцены, народнаго музыкальнаго искусства.—Расолагая въ хронологическомъ порядкѣ дошедшія до насъ вѣдѣнія о скоморохахъ, мы можемъ прослѣдить и потепенное обогащеніе состава находившихся въ распоряженіи ихъ музыкальныхъ орудій. Къ первоначальному, ревнѣйшему инструменту скомороховъ—гуслямъ, о котоыхъ почти исключительно упоминается въ русскихъ бы-

линахъ Владимірова цикла и преимущественно — въ с
ринныхъ народныхъ пѣсняхъ, сперва присоединяются т
бы, бубны, сопѣли, позже — сурны, домры, волынки или
ды, гудки (смыки), лиры, органы, свирѣли и т. п. инст
менты. Предоставляя себѣ въ особой статьѣ разсмотрѣть
музыкальныя орудія, обращаюсь теперь къ носителям
представителямъ ихъ — «гудцамъ» или «игрецамъ» — с
морохамъ; постараюсь изслѣдовать, въ чемъ именно зак
чалось искусство скомороховъ, разсмотрѣть характеръ и
разносторонность потѣшной ихъ дѣятельности, отноше
къ нимъ народа, наконецъ — гибель и замѣщеніе ихъ инь
представителями музыкальнаго искусства.

Глава первая.

Скоморохи—„веселые люди“.

Музыкальные искусники—скоморохи, соотвѣтственно отѣшной ихъ дѣятельности, на народномъ языкѣ, какъ въ бсняхъ, такъ и въ историческихъ памятникахъ, нерѣдко именуются «веселыми людьми», «веселыми молодцами». ь былинѣ о гостѣ Терентьищѣ описываются

Веселые скоморохи,
Скоморохи люди вѣжливые,
Скоморохи очестливые.

Терентьева жена, завидѣвъ ихъ изъ окошечка, завоитъ съ ними рѣчь:

«А и вы гой еси, веселые молодцы!»

вслѣдъ за тѣмъ приглашаетъ войдти къ себѣ въ домъ:

«Веселые скоморохи!
Вы подите во свѣтлую гридню»... [1])

Въ былинѣ о Ставрѣ Годиновичѣ, Ставрова жена спрашиваетъ князя Владиміра:

Чѣмъ ты, Владиміръ князь, въ Кіевѣ потѣшаешься?
Есть ли у тебя веселые молодцы? [2])

Въ другой пѣснѣ изображается толпа «веселыхъ», т. е. скомороховъ, съ музыкальными инструментами своими расхаживающихъ по улицамъ:

---

[1]) Кирша Даниловъ. Древнія россійскія стихотворенія. 1878 г. Стр. 10, 12, 13.
[2]) Тамъ же: стр. 91.

Веселые по улицамъ похаживаютъ,
Гудки и волынки понашиваютъ,...

и далѣе:

Веселые-то ребята злы, догадливы... [1])

Еще въ одной пѣснѣ:

Какъ шли прошли веселые
Два молодца удалые,
Они срѣзали по пруточку,
Они сдѣлали по гудочку... [2])

Въ варіантѣ этой пѣснѣ вмѣсто «веселые» поется «с
морохи»:

Ужъ какъ шли прошли скоморохи,
Срѣзали по пруточку и т. д. [3])

Въ другихъ пѣсняхъ встрѣчаемъ соединеніе обоихъ
званій: «скоморохи» и «веселые», напр.:

Прошли скоморохи, прошли молодые,
Молодые веселые...[4])

Въ одномъ изъ пересказовъ былины о Добрынѣ Ни
тичѣ, читаемъ:

Обрядился Добрыня скоморошкою веселою...

и далѣе:

Заигралъ тутъ скоморошка да веселая
А во тѣ ли звонцаты гусли. [5])

По словамъ народной пѣсни:

Сватался на Дунюшкѣ веселый скоморохъ. [6])

Въ заключительной припѣвкѣ къ былинѣ о Михаи
Скопинѣ встрѣчается стихъ:

Еще намъ веселымъ молодцамъ (т. е. скоморохамъ) на потѣшени

---

[1]) Сахаровъ. Сказанія русскаго народа. 1841—1849 г. I. III, стр. 221.
[2]) Тамъ же: I. III, 87.
[3]) Шейнъ. Русскія народныя пѣсни. 1870. I. Стр. 218.
[4]) Бѣляевъ. О скоморохахъ. Временникъ Импер. Москов. Общества истор
древностей. 1854 г. Стр. 73.— Ср. выше стр. 3: «веселые скоморохи».
[5]) Гильфердингъ. Онежскія былины. 1873 г. Стр. 1324.
[6]) Якушкинъ. Народныя русскія пѣсни. 1865 г. Стр. 191.
[7]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 193.

Во второй Новгородской лѣтописи подъ 1571 годомъ читаемъ, между прочимъ: «втѣ поры въ Новгородѣ, и по всѣмъ городамъ и по волостемъ, на Государя брали веселыхъ людей»..., а вслѣдъ за тѣмъ говорится, что «поѣхалъ изъ Новгорода на подводахъ, къ Москвѣ, Субота (дьякъ) и съ скоморохами», т. е. съ набранными для Государевой потѣхи «веселыми людьми» [1]). Въ любопытной челобитной, поданной царю Михаилу Ѳедоровичу крестьянами села Ширинги Ярославской губ., въ 1625 году, на помѣщика, князя Артемія Шейдякова, обвиняемаго ими въ разныхъ неблаговидныхъ поступкахъ, между прочимъ говорится, что онъ «веселыхъ (т. е. скомороховъ) держалъ у себя для потѣхи безпрестанно» [2]). Наконецъ въ одной старинной рукописи читаемъ о пошлинѣ (головщинѣ), взятой въ 1656 году съ «веселыхъ гулящихъ людей», т. е. со скомороховъ [3]).

---

[1]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей. III, стр. 167.

[2]) См. у Соловьева. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. IX (1866 г.), стр. 429—430.

[3]) Извѣстія Императорскаго Археологическаго Общества. VI, стр. 67.

Глава вторая.

Искусство скомороховъ.

а. Играютъ и поютъ въ домахъ, въ особенно на пирахъ.

Въ чемъ же заключалась доставлявшаяся скомороx народу утѣха? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ много сленные историческіе памятники, народныя пѣсни и говорки, а также наши былины, въ которыхъ скомор являются въ большинствѣ случаевъ еще въ древнѣйш своемъ образѣ, въ видѣ гусельниковъ. Послѣдніе игра на своихъ «звончатыхъ» или «яровчатыхъ» (= яровы гусляхъ и поютъ пѣсни, а иногда и пляшутъ для раз ченія слушателей; по одиночкѣ или толпами, облекаяс особое «скоморошье платье»[1]), они посѣщаютъ пиры, к жескіе или частные, и народные праздники, присутству на свадьбахъ, всюду внося удовольствіе и веселье.

Терентьева жена, въ упомянутой выше (стр. 3) были приглашая скомороховъ къ себѣ въ гридню, обращае

---

[1]) Лѣтописецъ Переяславль-Суздальскій (XIII в.) сравниваетъ одѣяніе Латин платьемъ скоморошескимъ: «начаша пристроати собѣ кошюли, а не сраш межиножіе показывати и протополіе носити, и аки гворъ (= мѣшокъ) въ не створше образъ килы имуще и не стыдящеся отынуд, аки скомраси». Изъ э ключаютъ, что скоморохи, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, носили короткое платье и узкіе штаны съ нашивкою на межиножьи. Сходный въ общи тахъ костюмъ представляютъ скоморохи игрецы и плясуны на древней фрескѣ К Софійскаго собора (см. ниже, стр. 10). (Ср. Бѣляевъ. О скоморохахъ. 80). О с рошескомъ платьѣ упоминается въ былинѣ о Добрынѣ Никитичѣ, въ пов пляшущемъ бѣсѣ (XVI в.), въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича (1648 г. (см. ниже); изображенія скомороховъ и плясуновъ въ шутовскихъ костюмах чаются на русскихъ народныхъ картинкахъ (см. у Ровинскаго. Русскія народ тинки. 1881 г. №№ 102, 103 и др.).

ъ нимъ съ просьбой, «сѣсть на лавочки, поиграть во гусельцы и пропѣть пѣсеньку», и «веселые скоморохи»

Садилися на лавочки,
Заиграли во гусельцы,
Запѣли они пѣсенку...

Такимъ же гусельникомъ, призываемымъ въ дома для тѣхи слушателей, былъ первоначально и герой былинъ, адко, сдѣлавшійся потомъ богатымъ гостемъ (купцомъ); перва Садко не имѣлъ другаго имущества, кромѣ гуслей, ь которыми и ходилъ по пирамъ; когда же его не звали а пиръ, онъ скучалъ безъ дѣла:

А прежде у Садкé имущества не было:
Одни были гусли яровчаты.
По пирамъ ходилъ—игралъ Садкé.
Садкé день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ,
Потомъ Садкé соскучился.

Садкé отправляется къ Ильменю-озеру, играетъ на его ерегу и приводитъ въ восторгъ морскаго царя, который бѣщаетъ ему счастье и богатство. Какъ вернулся Садкé гъ Ильменя-озера,

Позвали Садкé на почестенъ пиръ. [1])

Имѣются разныя свидѣтельства о зазываніи скомороовъ въ дома. Такъ въ поученіи Григорія Черноризца XIII в.) предписывается не вводить въ домъ скомороховъ: скомороха,... и гудьця и свирця нѣ уведи у домъ вой глума ради» [2]). Въ словѣ о русаліяхъ, приписываемъ Нифонту, говорится о мужѣ, который, завидѣвъ изъ алаты своей толпу пляшущихъ вокругъ пляшущаго же опѣльника (скомороха), останавливаетъ ихъ и велитъ грать, плясать и пѣть передъ собой [3]). «Кто ихъ скомороховъ) пуститъ на дворъ добровольно, и они

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. 1861 г. I, стр. 370, 371.—Ср. Гильфердингъ. Онеж. л. 384.

[2]) Срезневскій. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. 1867. Гл. VII, стр. 56.

[3]) Памятники старинной русской литературы, изд. подъ редакц. Костомарова. 60—1862. I, стр. 207.

тутъ играютъ», говорится въ уставной грамотѣ бобров деревень крестьянамъ (1509 г.) [1]). «Въ домъ свой, женѣ и къ дѣтемъ приводили скомрахи, пля сквернословци», читаемъ въ одномъ изъ словъ ми полита Даніила (XVI в.)[2]). Въ царской грамотѣ 1648 г. казывается, чтобы скомороховъ съ домрами и съ гус и съ волынками и со всякими играми «въ домъ къ не призывали» [3]). «Буде учнутъ... мірскіе люди скомороховъ (съ гуслями, домрами, сурнами и волынк и медвѣжьихъ поводчиковъ съ медвѣдьми въ домы своя скати», читаемъ въ памяти митрополита Іоны (1657 г.

Въ одной изъ былинъ о Добрынѣ, послѣдній явля на циръ, наряженный скоморохомъ:

Накрутился молодецъ скоморошиной,
Пошелъ какъ на хорошъ почестенъ пиръ.

Его привѣтствуютъ Владиміръ князь и Опраксія ролевична и упрекаютъ, что онъ раньше не заходил напрасно проживался:

Ай же ты, дѣтина пріѣзжая,
Скоморошная, гусельная!
Для чего же ты долго проживаешься,
Проѣдаешься, пропиваешься,
Нейдешь къ намъ на почестенъ пиръ. [5])

Въ той же былинѣ, въ разныхъ ея пересказахъ, минается и о цѣлой толпѣ «гусельниковъ», «игроко «гудочниковъ», или «скомороховъ», присутствующихъ пиру. Добрыня проситъ князя, дать ему —гусельник мѣстечко; на это князь отвѣчаетъ, что всѣ мѣста зан гусельщиками:

Еще всѣ мѣста да попризаняты
У молодыихъ да у гусельщиковъ. [6])

---

[1]) Акты историческіе, собранные и изданные археографическою коммиссіею. 1842. I, № 150.
[2]) Бѣляевъ. О скоморохахъ. 78.
[3]) Ивановъ. Описаніе государственнаго архива старыхъ дѣлъ. 1850 г. Стр.
[4]) Акты, собранные и изданные археографическою экспедиціею. 1836. IV, №
[5]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 135, 143.
[6]) Гильфердингъ. Онежск. был. 1029.

Какъ заигралъ Добрыня «въ гуселышки яровчаты» и запѣлъ пѣсню,

На пиру игроки всѣ пріумолкнули,
Всѣ скоморохи пріослушались. [1])

Или:

Еще вси то скоморохи пріумолкнули,
Еще вси то игроки то призаслухались. [2])

Въ другомъ пересказѣ Добрыня застаетъ на пиру толпу «гудосьниковъ»:

Вси въ гудки играютъ, вси увеселяютъ. [3])

Въ былинѣ о Ставрѣ Годиновичѣ, во время пира, который князь Владиміръ устроилъ въ честь мнимаго посла,

Собрали веселыхъ молодцовъ на княженецкой дворъ [4])

или, по другому пересказу: «выпускаютъ загусельщиковъ», которые «всѣ играютъ» [5]).

Древнѣйшее историческое свидѣтельство о присутствіи и игрѣ гусельниковъ на княжескихъ пирахъ представляютъ Несторовы слова о Святополкѣ (подъ 1015 г.): «лютѣ бо граду тому и земли той, въ немъ же князь юнъ, любяй вино пити съ гуслми», восклицаетъ лѣтописецъ [6]). Въ житіи преп. Ѳеодосія, игумена Печерскаго, читаемъ, что однажды Ѳеодосій пришелъ къ великому князю Святославу Ярославовичу (въ XI вѣкѣ) и увидѣлъ въ палатѣ, гдѣ находился князь, «многихъ играющихъ передъ нимъ: овыхъ гуслныя гласы испускающихъ, иныхъ органьныя писки гласящихъ, иныхъ же мусикіискія (по другимъ спискамъ: «замърныя»), и тако всѣхъ веселящихся, яко же обычай есть предъ княземъ». Блаженный поникъ головой и потомъ сказалъ князю: «такъ ли будетъ на томъ свѣтѣ?» Князь, умилившись словами Ѳеодосія и немного прослезившись, приказалъ играющимъ прекратить

---

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 166.
[2]) Гильфердингъ. Онеж. бы. 498.—«Игроки» и «скоморохи»—понятія тождественныя: Добрыня самъ называется княземъ то «скоморошиной», то «игрокомъ».
[3]) Кирѣевскій. Пѣсни. 1860—1870. Вып. II, стр. 13.
[4]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 91.
[5]) Рыбниковъ. Пѣсни. II, 110.
[6]) Полн. собр. русс. лѣт. IX, 74.

игру. Съ того времени, когда играли передъ княземъ, и князь слышалъ о приходѣ Ѳеодосія, онъ приказывалъ прекращать игру [1]). Изъ этого разсказа убѣждаемся, что при Святославѣ игра, т. е. музыка и пѣніе [2]), была въ обычаѣ при княжескомъ дворѣ и, разумѣется, сопровождала княжескіе пиры.—Такой же обычай существовалъ въ старину и при сербскомъ царскомъ дворѣ: «егда же бо и на трапезѣ прѣдьсѣдѣще, тумьпани и гусльми *яко обычай* самодержцемь благородныхъ веселяще», читаемъ въ житіи св. Саввы: рѣчь идетъ о дворѣ перваго царя сербскаго, Стефана (1195 — 1228) [3]). Подходящей иллюстраціей къ разсказу Нестора можетъ служить старинная фреска Софійскаго Собора въ Кіевѣ, относимая къ 1073 г.: здѣсь изображены игроки на флейтѣ, на длинныхъ трубахъ, на арфообразномъ и гитаровидномъ инструментахъ, наконецъ, на тарелкахъ. Флейтщикъ и тарелочникъ изображены, кромѣ того, пляшущими [4]). Придворная обстановка требовала, конечно, возможнаго блеска, и упомянутые игроки Святославовы, равно какъ и музыканты-плясуны и потѣшники, изображенные на фрескѣ Софійскаго собора, и сербскіе придворные игрецы на тимпанахъ и гусляхъ вѣроятно заимствованы были отъ византійскаго двора [5]).

---

[1]) Печерскій Патерикъ. 1806 г. Стр. 55.

[2]) Подъ словомъ игра слѣдуетъ понимать не одну игру на инструментѣ, но и тѣсно связывавшееся съ нею въ старину пѣніе,—такъ въ былинахъ обыкновенно понимается игра скомороховъ; извѣстно также народное выраженіе «пѣсни играть». Ср. Терещенко. Бытъ русскаго народа. 1848 г. II, 146.—Аѳанасьевъ. Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. 1865—1869. I, стр. 337.

[3]) См. у Kuhač. Opis i poviest narodnich glasbala jugoslovjena (оттискъ изъ кн. XXXVIII журнала: Rad jugoslav. akad.). Str. 50.

[4]) Закревскій. Описаніе Кіева. 1868 г. Табл. XII.

[5]) Считаю нелишнимъ, вслѣдствіе того, привести описаніе торжественной царской трапезы въ Византіи, устроенной въ честь русской княгини Ольги. Вовремя обѣда, кромѣ двухъ хоровъ соборныхъ пѣвчихъ, воспѣвавшихъ гимны въ честь императорской фамиліи, разыгрывались разныя представленія, состоявшія изъ плясокъ и другихъ игръ. Это происходило такимъ образомъ: какъ только царь и всѣ прочіе садились за столъ, въ палату вступали дружины актеровъ и танцовщиковъ со своими распорядителями. Дѣйствіе открывалось хвалебнымъ въ честь императора гимномъ. Послѣ этой пѣсни префектъ, дворецкій, подавалъ знакъ правою рукою, то распуская пальцы на подобіе лучей, то сжимая ихъ. Начиналась пляска и трижды обходила вокругъ стола. Потомъ плясуны удалялись къ нижнему отдѣленію стола, гдѣ и становились въ своемъ порядкѣ. Тогда пѣвцы съ хоромъ пѣли духовную пѣсню съ провозглашеніемъ многолѣтія особамъ царскаго дома. Съ такими пѣснями и представленіями продолжалась церемонія столоваго кушанья до конца. Каждая перемѣна кушанья сопровождалась новою плясною или новою пѣснью. (Забѣлинъ. Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ.

Картину пировъ князей Кіевскихъ,—пировъ, на которыхъ собиралась и потѣшалась княжеская дружина, рисуютъ наши былины, относя эти пиры постоянно къ великому князю Владиміру:

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова Осударь Князя Владиміра,
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ
На многи князи и бояра
И на Рускіе могучіе богатыри
И гости богатые.
Будетъ день въ половина дня,
Будетъ пиръ во полу пирѣ;—
Князи и бояре пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются,
И Великимъ Княземъ похваляются [1]).

На такихъ пирахъ Владиміръ, по словамъ былинъ, обращается къ дружинѣ, поручая дружинникамъ найдти ему невѣсту, или самъ заботится о сватовствѣ своихъ дружинниковъ; здѣсь вызываетъ князь охотниковъ «вырубить Чудь бѣлоглазую» и другіе враждебные народы; держитъ совѣты съ дружинниками («Гой еси, Илья Муромецъ, говоритъ Владиміръ, пособи мнѣ думушку подумати, здать ли мнѣ, не здать ли Кіевъ градъ...», или: «Какъ во славномъ было городѣ Кіевѣ, у ласкова князя Владиміра, собирались князья и бояре, сильные могучіе богатыри, собирались думушку думати»); поручаетъ дружинникамъ «настрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей, малыхъ уточекъ» къ своему «столу княженецкому»; съ дружиной князь забавляется охотой, борьбой, стрѣльбой въ цѣль, ристаніемъ [2]); здѣсь же, на княжескихъ пирахъ, раздается игра скомороховъ-гусельниковъ. Разсказы былинъ о дворѣ и пирахъ Владиміровыхъ въ общихъ чертахъ совпадаютъ съ историческими

1879 г. II, стр. 197—198). — Пляска, разумѣется, происходила подъ звуки инструментальной музыки. Что же касается музыкантовъ византійскихъ, то имѣемъ извѣстіе, что въ числѣ ихъ, во времена императора Константина Порфиророднаго (въ X в.), были Славяне: «въ день народныхъ игръ — писалъ Константинъ — долженъ былъ чиностроитель каждаго наряжать къ своему дѣлу и приказать Славянамъ, которые употреблялись при инструментальной музыкѣ, чтобы, оставивъ входы, пошли на ѳеатръ. (Штриттеръ. Извѣстія византійскихъ историковъ. 1770 г. I, стр. 120).

[1]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 85; ср. 36 и др.

[2]) Тамъ-же: 36 и сл., 58 и сл., 88 и сл., 93 и сл., 133, 141, 147—148, 155, 168.

лись или пополнялись, соотвѣтственно условіямъ русск жизни, изъ чего видно, что духовные наставники русск не смотря на заимствованія изъ византійской литерат ры, имѣли въ виду дѣйствительныя обстоятельства, и ч поученія ихъ имѣли дѣйствительное отношеніе къ русско народной жизни.

XI вѣкъ (на Руси)—замѣчаетъ г. Забѣлинъ — жилъ е полною силою народнаго творчества и мало сознавалъ, ч вѣщая пѣсня баяна (т. е. пѣвца-гусельника) есть бѣсов ское угодіе, есть идольская служба. На это указываетъ даж и самое посѣщеніе князя Святослава преподобнымъ ино комъ (Ѳеодосіемъ) во время веселаго пѣснотворства, кото рое было остановлено... лишь изъ особой любви къ нему продолжалось по обычаю въ его отсутствіи. Жившій въ томъ же вѣкѣ, послѣ Ѳеодосія, митрополитъ Іоаннъ, мужъ хитрый книгамъ и ученью, точно также въ своихъ наставленіяхъ не мнитъ нарушать обычая мірскаго устава и запрещаетъ только мнихамъ и іерейскому чину присутствовать лишь на такихъ пирахъ, гдѣ начиналось играніе, плясаніе, гуденіе... Но то, что въ началѣ предписывалось только иноческому и іерейскому чину, въ послѣдствіи стало обязательнымъ и для всего мірскаго чина[1]). «Іерѣйскому чину повелѣваютъ святіи отцы благообразно и съ благословеніемъ пріимати предьлежащая», говоритъ митрополитъ Іоаннъ; «**играніе и плясаніе и гуденіе** входящемъ въстати всемъ, да не осквьрнять имъ чювьсва видѣніемь и слышаніемь, по очкому повелѣнію или отинудь **отмѣтатися тѣхъ пировъ**, или въ то время отходити, аще деть **соблазнъ** великъ и вражда несмѣрена...». Далѣе говорится, что не возбраняется духовнымъ лицамъ **обѣдать** съ мірянами, «**кромѣ нацинанія играніяи бѣсовьскаго пѣнья и блуднаго глумленія**»[2]). Свидѣтельство

---

[1]) Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII стол. 1872 г. Стр. 409—410.

[2]) Русскія достопамятности. Изд. Имп. общества исторіи и древн. 1815—1844 г. I, стр. 95, 98.—«Аще кто клирикъ на браки званъ будетъ, егда прелестныя (=бѣсовскія игры) и введутся, да востанетъ и абіе да отходитъ... Яко не подобаетъ священникомъ и клирикомъ нѣкихъ видѣній позоровати на брацѣхъ и на вечеряхъ; но прежде входа игрецовъ встати имъ и отходити», говоритъ митрополитъ Даніилъ (1522—1539 г.), цитируя прав. 20-е и 80-е Трулльскаго собора (691—692 г.). (Пам. стар. русс. лит. IV, 202). Первообразъ этого постановленія находимъ въ прав. 54-мъ Лаодикійскаго (364 г.) собора: «не подобаетъ освященныхъ или причетникамъ зрѣти по-

то доказываетъ, что на пирахъ въ то время происходили граніе (пѣсень), плясаніе и гуденіе; дѣйствующими лицами были конечно скоморохи-игрецы и -плясуны. Кириллъ Туровскій (XII в.) порицаетъ «плясаніе еже на пиру, на свадьбахъ и въ павечерницахъ» [1]); Кириллъ митрополитъ Кіевскій (1243—1250) въ числѣ мытарствъ между прочимъ, называетъ: «плясаніе въ пирахъ... и басни дающе сопѣли сатанинскія» [2]). Плясаніе, разумѣется, происходившее подъ звуки инструментальной музыки, въ послѣднемъ случаѣ, можетъ быть, сопровождалось тутъ же названными сопѣлями. Въ словѣ Христолюбца (по рукоп. XV в.) называются игры бѣсовскія на пирахъ (и свадьбахъ), игры же эти суть: плясьба, гудьба, пѣсни, сопѣли, дубны [3]). По словамъ «устава людемъ о велицемъ постѣ» (изъ Дубенскаго сборника правилъ и поученій XVI в.), «грѣхъ есть... пиръ сотворити съ плясаніемъ и смѣхомъ въ постныя дни» [4]). Въ Домостроѣ (XVI в.) говорится о трапезѣ, сопровождаемой звуками музыки, пляской и глумленіемъ: «и аще начнутъ... смѣхотвореніе и всякое глумленіе или гусли, и всякое гудѣніе, и плясаніе и плесканіе и всякія игры бѣсовскія, тогда якожъ дымъ отгонитъ пчелы, такожъ отыдутъ ангели божія отъ тоя трапезы и смрадные бѣсы предстанутъ» [5]). О пированіи Іоанна Грознаго со скоморохами говоритъ князь Курбскій: «упившись началъ (царь Іоаннъ) со скоморохами въ машкарахъ (=личинахъ) плясать и сущіе пирующіе съ нимъ» [6]). Въ XVII столѣтіи скомороховъ во время

зорищныя представленія на бракахъ или на пиршествахъ: но прежде вхожденія позорищныхъ лицъ (т. е. комедіантовъ и музыкантовъ) вставати имъ и отходити». (См. Книга правилъ Св. Апостолъ).

[1]) Памятники россійской словесности XII вѣка, изд. Калайдовичемъ. 1821 г. Стр. 94.

[2]) Филаретъ. Обзоръ духовной литературы. 1884 г. Стр. 59.

[3]) Тихонравовъ. Лѣтопись русской литературы и древностей. VI. III, 94.—Ср. тамъ-же: 90.

[4]) Срезневскій. Свѣд. и замѣт. LVII, 312.

[5]) Домострой. 1867 г. Гл. 15, стр. 38.—Подходящей иллюстраціей къ этому тексту можетъ служить старинная народная картинка, содержаніе которой видно изъ слѣдующихъ словъ сопровождающей ее надписи: «Сія трапеза неблагодарныхъ людей и празнословцевъ; кащуниковъ (кощунниками называются нерѣдко скоморохи, см. ниже), скверни голющихъ словесъ бѣсовскихъ... ангелъ Господень отврати лице свое, отъиде стоя плачетъ, видитъ бѣсы съ ними...» (Ровинскій. Русскіе граверы и ихъ произведенія съ 1564 года до основанія Академіи художествъ. 1870 г. Стр. 139).

[6]) Сказанія. 1868 г. Стр. 81.

пировъ царскихъ и знатныхъ особъ стали вытѣснять хо
духовой (и ударной) музыки, состоявшіе изъ трубъ, сур
накровъ, бубновъ, набатовъ и т. п. Пиръ у Никиты Ю
новича Романова-Юрьева, шурина Іоанна Грознаго, по с
вамъ былины, оглашался звуками трубъ и барабано

А пиръ пошелъ у него на радостяхъ,
А въ трубки трубятъ по ратному,
Барабаны бьютъ по воинскому [1]).

Описаніе это возникло вѣроятно въ позднѣйшее вр
подъ впечатлѣніемъ какъ царскихъ, такъ и частныхъ
ровъ и празднествъ XVII вѣка. Объ игрѣ въ сурны, тр
и накры во время празднованія свадьбы царя Мих
Ѳедоровича см. ниже (стр. 22). Царь Алексѣй Миха
вичъ въ 1674 г., по случаю торжественнаго объявл
Ѳедора Алексѣевича наслѣдникомъ престола и рожденія
ревны Ѳеодоры, задалъ большой пиръ: «а послѣ куш
изволилъ великій государь себя тѣшить всякими игр
читаемъ въ Дворцовыхъ разрядахъ: и его, великаго
даря тѣшили и въ арганы играли, а игралъ въ ар
нѣмчинъ, и въ сурны и въ трубы трубили, и въ су
ки играли, и по накрамъ и по литаврамъ били во всѣ

Впрочемъ, объ игрѣ скомороховъ на пирахъ, въ
бенности частныхъ лицъ, и въ XVII столѣтіи имѣемъ
ныя свидѣтельства. Маскѣвичъ въ дневникѣ своемъ (
1611 г.) пишетъ, что на московскихъ вечеринкахъ
являются шуты («блазни»), которые тѣшатъ при
ствующихъ русскими плясками, кривляніями и пѣ
ми, большею частью весьма безстыдными; иногда же
казываютъ играть на лирахъ, подъ звуки которыхъ иг
щіе припѣваютъ [3]). «Въ домахъ, особенно во время св
пиршествъ, Русскіе любятъ музыку», писалъ Оле
посѣтившій Россію въ 30-хъ годахъ XVII столѣтія.
же авторъ упоминаетъ о двухъ русскихъ музыкан
пѣвцахъ-плясунахъ, т. е. скоморохахъ, которые з
ляли своимъ искусствомъ прибывшихъ въ Ладогу пос

---

[1]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 230—231.
[2]) Дворцовые разряды. 1850—1854 г. III, стр. 1081.
[3]) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. 1831 г. V, стр. 61.

ихъ обѣдомъ [1]). Пиры у москвичей, по свидѣтельству
изека, описавшаго посольство отъ римскаго императора
эопольда къ царю Алексѣю Михайловичу (1675 г.),
лашались звуками органа (organum pneumaticum) съ
умя регистрами [2]). Въ повѣсти о прекрасномъ Девгеніи
о рукоп. XVII в.) читаемъ: «Девгеній... нача весе-
ятися во всю нощь (т. е. пировать) и повелѣша
одямъ своимъ (т. е. игрецамъ) въ тимпаны и въ
абаты бити, и въ сурны играти, сіи рѣчь трубить,
въ гусли играть». Въ «притчѣ о старомъ мужѣ
молодой дѣвицѣ» (XVII в.) старику влагаются въ
та слѣдующія слова, обращаемыя имъ къ молодой дѣ-
ицѣ, за которую онъ неуспѣшно сватается: «и сотворю
бѣ пиръ великій, и на пиру велю всякую потѣху играти
сельникомъ и трубникомъ и пляску» [3]). Въ Требникѣ, по рукописи библіотеки проф. Тихонравова, встрѣ-
ается такой вопросъ священника на исповѣди: «сотво-
илъ еси пиръ съ смѣхотвореніемъ и плясаніемъ?» [4]).
въ всѣхъ послѣднихъ свидѣтельствъ, относящихся до
VII вѣка, ясно видно дѣятельное въ увеселеніи и потѣ-
еніи пирующихъ гостей участіе скомороховъ: гусельни-
въ, трубниковъ, сурначеевъ, органниковъ, лирниковъ,
сценниковъ, плясуновъ. На лубочныхъ картинкахъ встрѣ-
аемъ изображеніе пировъ, на которыхъ присутствуютъ
звецъ или пѣвцы, гитаристъ, балалаечникъ и т. п. [5]).

б. Участвуютъ въ свадебныхъ торжествахъ.

Какъ пиры вообще украшались и оживлялись присут-
віемъ скомороховъ-игроковъ и пѣвцовъ, такъ въ особен-

[1]) Подробное описаніе путешествія въ Московію. Перев. Барсова. 1870 г. Стр. 26, 9.

[2]) Lyseck. Relatio eorum quae circa Sac. Caes. Maiest. ad Magn. Mosc. Czarum legatos... gesta sunt. 1676. Pag. 97. Рѣчь идетъ здѣсь вѣроятно о маленькомъ органѣ ositiv), обыкновенно имѣвшемъ два регистра (Ср. Reissmann. Illustrirte Geschichte r deutschen Musik. 1881. S. 143.

[3]) Пам. стар. русск. лит. II, 387, 453.

[4]) См. у Веселовскаго. Розысканія въ области русскаго духовнаго стиха. XII. стр. 197, въ Запискахъ Имп. Академіи Наукъ. т. XLV.

[5]) Ровинскій. Русс. нар. карт. №№ 97, 98.

ности пиры свадебные, а равно и свадебные поѣз
Воспѣтый въ столькихъ пересказахъ былинъ пиръ,
который приходитъ Добрыня Никитичъ, одѣтый ско
хомъ (ср. выше стр. 8),—пиръ свадебный: праздну
свадьба Алёши Поповича съ Добрыниной женой, счи
щей мужа своего погибшимъ. Въ былинѣ о Садкѣ,
водяникъ обращается къ спустившемуся на дно мор
Садку-гусельнику:

Поиграй, поиграй въ гусельшки яровчаты,
Потѣшь, потѣшь нашъ почестенъ пиръ:
Выдаю дочь свою любимую... [1])

Слѣдовательно пиръ, на которомъ играетъ Садко
царствѣ водяника,—пиръ свадебный.

Въ былинѣ о Ставрѣ Годиновичѣ упоминается о свад
номъ торжествѣ, на которомъ не оказалось скомороха
сельника и—пѣвца:

Зачали играть свадебку,
Некому играть въ гусли на честномъ пиру,
Игръ играть, напѣвокъ напѣвать. [2])

Сходный мотивъ встрѣчаемъ въ одной изъ свадебн
пѣсень изъ Пермскаго края:

Какъ во теремѣ гусяльцы лежали,
Во высокомъ звончатыя лежали.
И то некому во гусельцы играти,
Некому въ звончатыя играти [3]).

Одна или двѣ скрипки, или скрипка и дуда
ставляютъ въ Бѣлоруссіи необходимую принадлежн
всѣхъ брачныхъ церемоній: онѣ встрѣчаютъ и пр
жаютъ жениха и невѣсту, даже до самыхъ дверей цер
и отъ нихъ до дома новобрачныхъ. Если погода хоро
то скрипачъ, сидя въ повозкѣ позади ѣдущихъ къ вѣ
или отъ вѣнца, безпрестанно пилитъ смычкомъ по с
намъ, когда ѣдутъ къ вѣнцу—прощальныя пѣсни, а

---

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. II, 369.
[2]) Тамъ-же. I, 249.
[3]) Пермскій Сборникъ. 1859—1860. I. II, стр. 55.

вица —встрѣчныя[1]). Замѣчу, что у бѣлоруссовъ простонародный музыкантъ-скрипачъ носитъ названіе: «скоморо́ха»[2]). По старинной бѣлорусской поговоркѣ не бываетъ свадьбы безъ скомороховъ: «что за веселле (свадьба) безъ скоморохи». Въ Бѣлой Руси игрецъ-дударь имѣетъ даже серьезное значеніе: онъ замѣняетъ родителей у сироты-невѣсты. Въ Малой Руси свадебные поѣзды иногда отправляются въ церковь съ музыкой, пѣснями и даже плясками. Все это въ старину вѣроятно исполнялось скоморохами, на что указываютъ приводимыя мною ниже историческія свидѣтельства и старинныя пѣсни. Въ Орловской губерніи, передъ отправленіемъ невѣсты къ вѣнцу, поютъ пѣсню, гдѣ рѣчь идетъ о невѣстѣ (Натальюшкѣ), нанимающей извозчиковъ для свадебнаго поѣзда; непремѣннымъ участникомъ поѣзда, приносящимъ веселье, т. е. счастье невѣстѣ, долженъ быть скоморохъ, играющій, какъ бѣлорусскій скрипачъ—«скомороха», во время ѣзды изъ села въ село:

А какъ бы кто-же скоморошечка да подвезъ?
Играй, играй, скоморошичекъ, въ село до села,
Ужь чтобъ была Натальюшка весела [3]).

Варіантъ той же пѣсни записанъ Варенцовымъ въ Самарскомъ Краѣ:

Запречь-те бы ворона коня,
Чтобы везъ,
Посадить-то бы скоморошничка,
Чтобъ игралъ:
Играй, поиграй, скоморошничекъ,
Съ села до села,
Чтобы наша Прасковьюшка
Была весела [4]).

Имѣется и цѣлый рядъ историческихъ свидѣтельствъ объ участіи на свадьбахъ скомороховъ: Кириллъ, митрополитъ Кіевскій, порицаетъ пляски (конечно происходя-

[1]) Этнографическій Сборникъ, изд. Имп. Географич. Общ. 1853—1862. II, стр. 190.
[2]) См. у Носовича. Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія. 1870. Сл.: «скомороха».
[3]) Бѣляевъ. О скоморохахъ. 74 и сл.—Ср. Веселовскій. Розыск. въ обл. русс. дух. стих. VII. п, 200.
[4]) Варенцовъ. Сборникъ пѣсень Самарскаго края. 1862 г. Стр. 169—170.

щія подъ звуки «игры») на пирахъ и на свадьбах
Въ упомянутомъ выше (стр. 15) Словѣ Христолюбца
щается играть «игры бѣсовскія», состоящія въ «пля
бѣ», «гуденіи», «пѣсняхъ мирскихъ», сопѣлях
бубнахъ «въ пирахъ и на свадьбахъ»; въ дру
мѣстѣ того-же слова читаемъ: «егда же у кого их
детъ бракъ и творять съ бубны и съ сопѣльми и
многыми чюдесы бѣсовьскыми» [2]). Запрещенія
сводятся къ правилу 53-му Лаодокійскаго Собора: «Не
добаетъ христіанамъ, на браки ходящимъ, скакать
плясати, но скромно вечеряти и обѣдати какъ прили
христіанамъ» [3]). Слова этого правила неоднократно п
вторяются русскими духовными писателями [4]), что указ
ваетъ на прямое отношеніе заключающагося въ нихъ з
прещенія къ дѣйствительнымъ обстоятельствамъ русск
народной жизни. Въ статьѣ о многихъ неисправленіях
«неугодныхъ Богу и не полезныхъ душѣ», приписываем
Кассіану, владыкѣ Рязанскому, жившему въ срединѣ XV
вѣка, говорится между прочимъ: «свадьбы творять
на браки призываютъ ереевъ со кресты и скоморохо
з дудами» [5]). Въ опредѣленіяхъ Стоглава (1551 г.) ч
таемъ: «Въ мирскихъ свадьбахъ играютъ глумотворц
и органники и гусельники и смѣхотворцы и бѣсо
скіе пѣсни поютъ, и какъ къ церкве вѣнчатися п
ѣдутъ, священникъ со крестомъ будетъ, а передъ ни
со всѣми тѣми играми бѣсовскими рыщутъ», и дал
слѣдуетъ запрещеніе: «къ вѣнчанію ко святымъ цер
вамъ скомрахомъ и глумцомъ предъ свадьбою
ходити» [6]). Послѣднія два свидѣтельства въ точнос
совпадаютъ съ вышеприведенной пѣсней о свадебно
поѣздѣ съ участіемъ играющаго скомороха, а равно
съ удержавшимся еще въ Малой и Бѣлой Руси обычаем
сопровождать свадебный поѣздъ музыкой, пѣснями и пля
ками. Олеарій свидѣтельствуетъ о самыхъ непристо

---

[1]) Филаретъ. Обз. дух. лит. 59.
[2]) Тихонравовъ. Лѣтоп. русск. лит. и древ. IV. II, 92, 94.
[3]) См. Кн. Прав. Св. Апост.
[4]) Ср. Срезневскій. Свѣд. и замѣт. LVII, 313. — Пам. стар. русс. лит. 202 (Поуч. митр. Данінла) и др.
[5]) См. у Веселовскаго. Розыск. въ обл. русск. дух. стих. VII. II, 199.
[6]) Гл. 41, вопр. 16.

ахъ шуткахъ (die allergröbsten Zotten), которыми кивляется поѣздъ въ церковь невѣсты, сопровождае-ой хорошими друзьями и множествомъ прислуги и ра-въ [1]). Въ одномъ изъ французскихъ описаній Московіи [2]) ъ концѣ XVII столѣтія говорится, что свадебный по-здъ невѣсты въ церковь сопровождается тысячами шут-ливыхъ пѣсень и дерзкихъ выходокъ, исполняемыхъ а улицѣ родственниками, друзьями, слугами и рабами евѣсты [2]). Пляски гостей на свадебныхъ пирахъ, также одтверждаемыя историческими свидѣтельствами, проис-одили въ старину, разумѣется, подъ звуки скомороше-кихъ игръ и пѣсень: ниже (д. «Скоморохи-плясуны») риведены старинныя свидѣтельства о пляскахъ и руко-лесканіяхъ, происходившихъ на свадьбахъ. Англій-кій путешественникъ Chancellor, описывавшій Россію ъ 1550-хъ годахъ, разсказываетъ, что на свадьбахъ рус-каго простонародья, во время свадебнаго пира, играли инъ или два музыканта, между тѣмъ какъ двое муж-инъ, провожавшіе молодую на пути изъ церкви, пуска-ись передъ собравшимися гостями въ продолжительную ляску [3]). О гистріонахъ, т. е. скоморохахъ, плясав-ихъ на русскихъ свадьбахъ XVI вѣка, упоминаетъ князь аніилъ фонъ Бухау [4]). По свидѣтельству Олеарія, на оярскихъ свадьбахъ русскихъ играла разная музы-а, между прочимъ на инструментѣ, называемомъ псал-ирь (Psaltir), также трубили въ трубы и били по ба-абанамъ [5]). Въ царской грамотѣ 1648 г. читаемъ ежду прочимъ: «да въ городскихъ же и въ уѣздныхъ юдѣхъ у многихъ бываютъ на свадьбахъ всякіе без-инники и сквернословцы и скоморохи со всякими ѣсовскими игры» [6]). Приведенныя выше (стр. 17) юва изъ притчи о старомъ мужѣ объ игрѣ гусель-иковъ и трубниковъ относятся вѣроятно до свадеб-аго пира. Какъ боярскія, такъ въ особенности царскія

---

[1]) Подр. опис. путеш. въ Москов. 207.
[2]) Voyages historiques de l'Europe par Mr. de B. F. 1712 (первое изданіе 1698 г.) I. p. 142.
[3]) См. у Meiners. Vergleichung des älteren und neueren Russlands. 1798. II, S. 186.
[4]) Ср. ниже: «д. скоморохи-плясуны».
[5]) Подр. опис. путеш. въ Москов. 209.
[6]) Ивановъ. Опис. госуд. арх. 296. – Ср. Акты истор. (арх. комм.) IV, № 35.

свадьбы до Алексѣя Михайловича ознаменовывались
рою на инструментахъ, но уже преимущественно
кихъ: духовыхъ и ударныхъ. «А какъ то веселіе (=свад
бываетъ—пишетъ Котошихинъ въ 1660-хъ годахъ
скихъ свадьбахъ русскихъ—и на его царскомъ дворѣ
по сѣнямъ, играютъ въ трубки и въ суренки и
въ литавры; а на дворѣ чрезъ всѣ ночи для свѣтло
зажгутъ дрова на устроенныхъ мѣстехъ; а иныхъ
и музикъ, и танцовъ, на царскомъ веселіи не быв
никогда». По свидѣтельству Котошихина, и на свадебн
торжествахъ бояръ и другихъ частныхъ лицъ, «въ труб
трубятъ и бьютъ въ литавры» [1]). Слова Котошихи
подтверждаются свидѣтельствомъ Дворцовыхъ разрядов
музыка, именно игра въ сурны и трубы и удареніе
накры, продолжалась со времени шествія царя въ мыль
во весь день и ночью. Такъ было напр. на свадьбѣ ца
Михаила Ѳедоровича (1626 г.): «а въ то время к
государь (Михаилъ Ѳедоровичъ) пошелъ въ мыльню,
весь день и съ (до?) вечера и въ ночи на дворцѣ игра
въ сурны и въ трубы и били по накрамъ» [2]). Но эти
не ограничивалась свадебная музыкальная потѣха:
шили царя Михаила Ѳедоровича на свадебномъ его
жествѣ еще играми на струнныхъ инструментахъ, а имен
гусельники (Уѣзда и Богдашка Власьевъ), домрач
(Андрюшка Ѳедоровъ и Васька Степановъ) и скрипотчи
(Богдашка Окатьевъ, Ивашка Ивановъ, Онашка и н
чинъ новокрещеный Арманка) [3]). Царь Алексѣй Мих
ловичъ отмѣнилъ инструментальную музыку на с
свадьбѣ, замѣстивъ ее пѣніемъ церковныхъ пѣсень: «Д
прежнихъ государскихъ радостяхъ (=свадьбахъ
читаемъ въ современномъ описаніи свадьбы Алексѣя М
хаиловича съ Маріею Ильинишною Милославскою,
1648 г.—бывало въ то время, какъ государь поѣд
въ мыленку во весь день до вечера и въ ночи во дво
играли въ сурны и въ трубы и били по накр
а нынѣ великій государь царь и великій князь Але

---

[1]) О Россіи въ царствованіи Алексѣя Михайловича. 1859. Стр. 11, 127.
[2]) Дворц. разр. I. (Описаніе свадьбы царя Михаила Ѳедоровича).
[3]) Забѣлинъ. Дом. бытъ русск. царицъ 440, 441.

Михаиловичъ всея Русіи на своей государевой радости накрамъ и трубамъ быти не изволилъ, а велѣлъ государь въ свои государскіе столы, вмѣсто трубъ и органовъ и всякихъ свадебныхъ потѣхъ, пѣть своимъ государевымъ пѣвчимъ дьякамъ... строчные и демественные большіе стихи» [1]).

Воспоминаніе объ игрѣ на инструментахъ, которою въ старину оглашались свадебныя торжества (свадебные поѣзды и пиры), уцѣлѣло во многихъ свадебныхъ пѣсняхъ русскихъ: чаще всего упоминаются въ пѣсняхъ гусли, трубы, иногда литавры, бубны, скрипки и цимбалы; напр.:

Великорусс.: Во теремѣ гусли лежали,
Ай некому во гусли играти [2]).

Выше (стр. 18) мы встрѣтили тотъ же мотивъ въ свадебной пѣснѣ изъ Пермскаго края, сближающейся съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ изъ былины о Ставрѣ Годиновичѣ, гдѣ также говорится о гусляхъ на свадебномъ пирѣ объ отсутствіи гусельника. Въ другихъ свадебныхъ пѣсняхъ рѣчь идетъ о приплывающихъ по водѣ гусляхъ, на которыхъ играетъ уже не скоморохъ, а самъ женихъ, или объ изготовленіи гуслей для невѣсты, напр.:

Охъ, плыли гусли, охъ, плыли гусли по синю морю.
Приплыли гусёлушки къ круту бережку.
Охъ, приплыли звончатыя къ круту бережку.
Перенялъ гусли, перенялъ гусли свѣтъ Иванъ государь,
Перенялъ гусли, перенялъ гусли свѣтъ Ивановичъ.
Онъ сталъ играть, сталъ играть, во всю ночь не спать...

(Поется на дѣвишникѣ или когда дѣвушки катаются) [3]).

Въ другой свадебной пѣснѣ Ивановичъ бояринъ

Рубилъ яблонь подъ корень,
Тесалъ доски тонкія,
Дѣлалъ гусли звонкіе.
Кому эти гусельцы,

---

[1]) См. у Сахарова. Сказ. русс. нар. I. vi, 94.
[2]) Тамъ-же: I. iii, 155.
[3]) Пальчиковъ. Крестьянскія пѣсни, записанныя въ селѣ Николаевскомъ Мензинскаго уѣзда Уфимской губ. 1888 г. № 83.

Кому эти звончаты?
Аннушкѣ гусельцы,
Ивановнѣ звончаты [1]).

Объ игрѣ на трубахъ упоминается въ слѣдующихъ
дебныхъ пѣсняхъ:

Ужъ какъ на морѣ, на морѣ,
На синемъ камнѣ,
Бояре въ трубу трубятъ,
Молодые въ золоченую...

(Закричала невѣстина матушка):

«Не трубите трубы радостны,
Вострубите трубы жалостны,
Отъ меня то *дитя везутъ*»...

или:

Ты труба ли моя, трубушка,
Ты трубаль моя, серебреная!..
Вострубн громко, звонко,
Громко, звонко, жалостно
Къ моему родному батюшкѣ.
Со двора сундуки везутъ,
Со крыльца ларцы несутъ,
Со терема Прасковьюшку ведутъ,
Со высокаго Тарасьевну.

(Слѣдуетъ повтореніе первыхъ четырехъ стиховъ
далѣе):

Къ моему свекру батюшкѣ
На дворъ сундуки везутъ,
На крыльцо ларцы несутъ,
Во высокъ теремъ дѣвицу ведутъ [2]).

Изъ этихъ пѣсень видно, что трубнымъ звукомъ сопр
вождался въ старину свадебный поѣздъ. Это опять сов
дается съ упомянутымъ выше (стр. 20 и сл.) участіемъ с
мороха или скомороховъ въ свадебныхъ поѣздахъ нар
ныхъ. Въ первой изъ двухъ только что приведенныхъ
сень играютъ въ трубы уже гости (бояре), а не ско

[1]) Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. III, 131.
[2]) Тамъ же: I. III, 179, 189.

ı, объ игрѣ которыхъ въ свадебныхъ поѣздахъ свидѣ-ствуютъ другія свадебныя пѣсни и письменные памят-и (ср. выше стр. 20 и сл.). Приведу еще двѣ свадеб-пѣсни, въ которыхъ говорится объ игрѣ на литаврахъ имбалахъ:

Съ подкамушка съ подбѣлаго, ручеекъ бѣжитъ,
Съ подкамушка съ подбѣлаго цимбалами бьютъ.
Вотъ знать мою любезную Елизаветушку къ вѣнчанію ведутъ [1]).

— Во горницѣ, во свѣтличкѣ
Два голубя (= эмблема молодыхъ) сидятъ,
Два сизые за дубовымъ столомъ;
Они сидятъ любуются,
Во честномъ пиру красуются.
Для нихъ во литавры бьютъ,
Во цымбалы играютъ [2]).

Галицкорусская свадебная пѣсня упоминаетъ о буб-ъ:

Ой на двори бубны граютъ;—
Та до сины (до сѣней) зазераютъ,
А зъ сины та до хаты,
Жебы малы де сидаты [3]).

Малорусскія свадебныя пѣсни упоминаютъ о «музы-ь» за столомъ, объ играніи музыки, о бубнахъ, зву-ı которыхъ созываются бояре, чтобы ѣхать за невѣстой:

— Іжте, бояре, іжте,
А ви, музики, ріжте...
— Ой заграно, забубнено ранейко,
Ой зберайся, князю Ивасю, борзейко,
Та пійдемо тихімъ Дунаемъ до замку...
Чей бы сьмо могли молоду Марисю пуймати.
— Въ неділеньку рано
По всімъ селу заграно,
Заграно, забубнено,

ı Терещенко. Бытъ русскаго народа. 1848 г. II, стр. 160.
ı Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. III, 126.—Ср. варіантъ, стр. 177:

И льютъ и пьютъ,
Въ цимбалы играютъ.

ı Pauli. Pieśni ludu ruskiego w Galicyi. 1839. I. Str. 119.

Бояры побуждено:
«Вельможе, бояри, встаньте,...
Марусеньку доставати»...

Въ одной изъ пѣсень, сопровождающихъ прощан
вѣсты съ дружками, поютъ между прочимъ:

Велю коникамъ (свадебнаго поѣзда) вівса дать,
А музиченьки постоять...

Во время обряднаго, сопровождаемаго музыкой, о
денія молодыхъ, послѣ ужина въ домѣ родителей нев
кругомъ «діжи» (= бочки), поютъ:

Ои чия жъ то родина
Кругомъ діжы ходила,
Зъ скрипками, зъ цимбалами,
Зъ молодыми боярами? [1]).

Въ пѣснѣ, поющейся при выѣздѣ невѣсты изъ
тельскаго дома, невѣстина сестра обращается къ боя

— Грайте, бояре, грайте...
Марусеньки да й не беріте.

Еще въ другой такой же пѣснѣ братъ бѣжитъ отб
сестру, уводимую изъ дома родителей:

Бігъ, бігъ, братичокъ—не догнавъ,
За боярами не познавъ,
За музиками не почувъ [2]).

Упоминаніе музыкантовъ и игры на инструментах
малорусскихъ пѣсняхъ неудивительно, такъ какъ до
поръ свадебные поѣзды и пиры обыкновенно оглаша
въ Малороссіи звуками инструментовъ.

---

[1]) Ср. у Метлинскаго. Народныя южно-русскія пѣсни. 1854 г. Стр. 133: сопровождающую завиваніе свадебнаго вильца (вѣтки):

Не йдить, молодыци,
До насъ вилець выты.
Зовьемо мы самы,
З скрыпками, з цымбалами,
З молодыми боярами.

[2]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западный край. Юго-ный отдѣлъ. Т. IV. №№ 778, 839, 844, 1111, 1139, 1175, 1194.

Съ музыкой провожаютъ домой и старшую дружку:

Дружку горою ведутъ
Зъ скрипками, зъ цимбалами,
Зъ молодыми боярами.

Въ заключеніе приведу еще два стиха изъ свадебной ;е пѣсни, по словамъ которыхъ музыка по свадьбамъ олочится:

Бо музика лядащица,
По веселлі волочиться [1]).

Во всѣхъ данныхъ случаяхъ «волочащаяся» по свадьамъ музыка является наслѣдіемъ старинныхъ «органниовъ», «гусельниковъ», «глумцовъ», словомъ—скомороовъ, непремѣнныхъ участниковъ, въ старину, въ свазбныхъ «радостяхъ».

в. Великая игра.

ь. Боянъ-гудецъ и скоморохи. Повѣствованія про страны далекія и ремена стародавнія. Повѣствованія сказочныя и шуточныя. Величаніе и славленіе.—Бахари. Домрачеи.—„Пѣсни царскія".

Народное преданіе не дѣлаетъ строгаго различія между ѣвцемъ-гусельникомъ, поющимъ серьезныя героическія ли историческія пѣсни или былины, и пѣвцомъ-потѣшникомъ и плясуномъ, забавляющимъ толпу площадными ѣснями, шутками и выходками. И тотъ и другой нонятъ на народномъ языкѣ одно названіе: «скоморохъ», гудецъ» (или «игрецъ»), «веселый молодецъ». Наиболѣе звѣстнымъ представителемъ перваго типа служитъ древій пѣвецъ-гусельникъ,

Боянъ.

Высокое, полубожественное значеніе его выражается ѣмъ, что Слово о полку Игоревѣ называетъ Бояна «внуомъ Велесовымъ», «вѣщимъ» пѣснотворцемъ. Боянъ слаалъ свои пѣсни, витая мыслію по лѣсамъ, сѣрымъ волкомъ о землѣ, сизымъ орломъ по поднебесью; онъ—«соловей ременъ давно минувшихъ»—вспоминалъ стародавнія бра-

[1]) Тамъ же: №№ 1116 (ср. № 1135), 1295.

ни, воспѣвалъ дѣянія Ярослава, Мстислава, славна
мана; онъ свивалъ древнюю славу съ новой; подъ ег
щими перстами струны сами рокотали славу князьк
Между тѣмъ въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ
занія о «Задонщинѣ» Боянъ называется просто Кіевск
гудцемъ («въ городѣ Кіевѣ горазда гудца») [2]), т. е. т
же именемъ, какимъ въ Стоглавѣ называются скомо
потѣшники, увеселявшіе народъ и побуждавшіе то
своей игрой, къ пляскѣ (см. ниже).

Русскія былины неоднократно вспоминаютъ о

пѣвцахъ-гусельникахъ (скоморохахъ),

во многихъ отношеніяхъ въ художественной дѣятельн
своей совпадающихъ съ гудцемъ Бояномъ. Такимъ
цомъ на княжескомъ пиру является, между прочимъ, п
одѣтый въ скомороха Добрыня. О томъ, какое возвыш
щее, воодушевляющее впечатлѣніе производили на слу
телей, какое удивленіе и восторгъ вызывали въ н
пѣсни такихъ гусельниковъ, можно судить по слѣд
щимъ выраженіямъ былины о Добрынѣ, въ разныхъ
пересказахъ:

Учелъ (Добрыня) по стрункамъ похаживать,
Учелъ онъ голосомъ поважívать,...

(или:

Зачалъ (Добрыня) въ гусли играть приговаривать
И всѣ на пиру пріутихли—сидятъ,
Сидятъ—на скоморошину посматриваютъ.

Или:

Вси на пиру оглянулисе,
Вси на пиру ужахнулисе.

---

[1]) «Боянъ бо вѣщій аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслі
древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облаки... О Бояне! соловію
раго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая у
подъ облаки, свивая славы оба полы сего времени... (и раньше:) своя вѣщіа пр
на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху». Русс. Дом
III, 6 и сл.

[2]) Извѣстія II Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ. Т. VI, стр. 345.

Въ другихъ пересказахъ произведенное пѣснью Добрыни-ороха впечатлѣніе описывается такъ:

Вси же за столомъ да призадумались,
Вси же тутъ игры (т. е. игрецы) призаслухались...

:

На пиру игроки всѣ пріумолкнули,
Всѣ скоморохи пріослушались:
Эдакой игры на свѣтѣ не слыхано,
На бѣломъ игры не видано.
Князю Владиміру игра весьма слюбилася.

:

Какъ дивилися цари цари царевичи,
Короли дивились королевичи,
Ужъ какъ сильніи могучіе богатыри,
Какъ вельможи, поляницы да удалыи...

:

Заигралъ Добрыня по унылънёму,
По унылънёму, по умилънёму.
Какъ всѣ то вѣдь ужъ князи и бояре-ты,
А ты эты русійскіе богатыри
Какъ вси они тутъ пріослушались.

По другому же пересказу, на пиру «всѣ позаслушали-, и князь, въ восторгѣ отъ пѣсни, восклицаетъ:

«Ай же, мала скоморошина!
«За твою игру за великую,
«За утѣхи твои за нѣжныя,
«Безъ мѣрушки пей зелено вино,
«Безъ расчету получай золоту казну!» [1]).

А между тѣмъ исполнитель этой «небывалой», этой ликой игры»,—пѣвецъ, приковавшій къ себѣ всеобвниманіе, вызвавшій всеобщее удивленіе и восторгъ зя, въ глазахъ послѣдняго не болѣе какъ «удалой» или ла скоморошина», или «дѣтина пріѣзжая, скоморош-, гусельная», помѣщающійся, на равнѣ съ прочими кня-

---

) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 136, 166; II, 31.—Гильфердингъ. Онеж. был. 45, 250, 972, 1030.

жескими потѣшниками, «на печкѣ — на запечкѣ». (
ниже Гл. 5, г.)

Сходнаго характера была и игра Садка-гусельника
берегу Ильменя-озера (ср. выше стр. 7). Вышелъ
озера Царь морской и говоритъ:

«Ай же ты Садко́, Новгородскій!
«Не знаю чѣмъ буде тебя пожаловать,
«За твои за утѣхи за великія,
«За твою-то игру нѣжную:
«Аль безсчетной золотой казной?» [1]).

Въ чемъ же заключалась эта «игра» (т. е. пѣніе,
провождаемое игрой въ гусли),— игра, приводившая въ
кой восторгъ слушателей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ да
опять наши былины. Въ послѣднихъ установились изв
ныя формулы, которыми характеризуется широкій кру
зоръ пѣвца и обусловливаемое тѣмъ разнообразіе напѣва
содержанія пѣсни. Когда рѣчь идетъ о чудесной «игр
того или другаго пѣвца, былины употребляютъ выраже
игра, выигрышь, сыгрышь, припѣвокъ, тонцы и т. п.,
слова, точный смыслъ которыхъ въ своемъ различіи не
нятенъ даже самимъ сказателямъ былинъ, нынѣ ихъ у
требляющимъ, но болѣе или менѣе сводящіяся очевидно
одному содержанію; эти выигрыши, припѣвки, тонцы в
дутся пѣвцомъ (или что означаетъ одно и тоже, имъ «н
тягивается» или «заводится струна») изъ странъ д
лекихъ: изъ Царяграда, изъ Ерусалима, изъ за синя мо
Волынскаго, изъ за Лукоморья зеленаго и т. п., или и
одного мѣста въ другое, отдаленное. Эти выраженія пр
мѣняются, какъ высшая аттестація, къ игрѣ разныхъ лиц
Добрыни (въ образѣ скомороха), Соловья Будимировича, Са
ка гусельника, Ставра въ роли веселаго молодца. Такъ напр

Добрыня

α) играетъ, игру играетъ, беретъ выигрышъ, воспѣваетъ
выигрываетъ наигрыши, въ томъ или другомъ мѣс
или изъ одного мѣста до другаго:

---

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 371.

— Играетъ-то въ Царигради,
А на выигрышъ беретъ все въ Кіевѣ...
— Играетъ ёнъ во Кіевѣ, воспѣваетъ отъ Ерусалима..
— Заигралъ Добрынюшка въ гуселышки,
Онъ игру играетъ все хорошенько,
И выигрывалъ наигрыши все хорошеньки,
Что изъ Кіева да й до Царяграда,
Изъ Царягряда до Ерос҃олиму,
Съ Ерос҃олиму ко тою къ землѣ да къ Сорочинской.
— Ёнъ съ Кѣева игралъ все до Новаграда,
Ай съ Новагорода игралъ все до Кіева.

Зедетъ тонцы или натягиваетъ струны, или припѣ-аетъ припѣвки отъ того или другаго мѣста:

— Тонцы повелъ отъ Нова города,
Другіе повелъ отъ Царяграда...
— Какъ началъ онъ гуселокъ налаживати,
Струну натягивалъ, будто отъ Кіева,
Другу отъ Царяграда
И третью съ Ерос҃олима,
Тонцы онъ повелъ-то великіе,
Припѣвки-то онъ припѣвалъ изъ за синя моря.
— Ёнъ вѣдь началъ гуселка налаживать,
Ёнъ вѣдь началъ струночки натягивать.
Ёнъ перву наладилъ съ града съ Кіева,
Ёнъ другу наладилъ изъ Чернигова,
Ёнъ вѣдь третью изъ каменной Москвы [1]).

зрѣвая этотъ сводъ техническихъ выраженій, кото-въ былинахъ характеризуется искусная игра, замѣ-, что всѣ эти, на первый взглядъ, непонятныя слова ъ цѣлью восхвалить разносторонность пѣвца, веду-свои игры, выигрыши, тонцы (т. е. разсказы), припѣв-игрыши и проч. изъ далекихъ мѣстъ, или изъ мѣста ста, по всему лицу извѣстной пѣвцу земли; въ по-ованіяхъ нынѣшнихъ, сѣверно-русскихъ пѣвцовъ или гелей былинъ называются Ерусалимъ и Царьградъ отдаленнѣйшія, Кіевъ, Москва, Новгородъ, Черни-

---

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 136, 144; II, 31.—Гильфердингъ. Онеж. был. 45, 6, 498, 1058, 1096 и др.

говъ, какъ далекія, но все же относит
мѣста. Въ качествѣ пріѣзжаго скомор
же, что скоморохи по преимуществу бы
бродячіе), Добрыня въ своей «игрѣ» мог
дальнія страны, подобно Бояну пробѣг
му міру. повѣствовать о чудесахъ за
эти разсказы съ повѣствованіемъ о с
похожденіяхъ, о томъ что онъ самъ ис
И дѣйствительно, въ цѣломъ рядѣ пер
лины Добрыня разсказываетъ, пов
вамъ же былины—«играетъ» или «вы
денье», «свои похожденія», «играетъ
струну» про свое похожденіе, про сн
дитъ струны» отъ разныхъ мѣстъ, при
ки Добрынины», «выигрываются его п

— Первый разъ игралъ отъ Царя
Другой разъ отъ Ерусалима,

---

[1]) Нельзя не указать на родственныя приведенны
вить», «струна говоритъ», встрѣчающіяся въ народ
ной пѣснѣ:

Заигралъ милый въ гусли,
Какъ струна струнѣ молвит
«Пора молодцу жениться».

(Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. III, 33.)

Въ другой (хороводной) пѣснѣ поютъ:

Заиграю во струну,
Струну серебряную.
Вы послушайте робята,
Что струна-то говорит

(Балакиревъ. Сборникъ русскихъ народныхъ

Иногда гусли отождествляются съ мыслями:

Разыграйтесь гусли, м
Я вамъ пѣсеньку спою.

(Тамъ-же: № 29.)

Въ другихъ пѣсняхъ «говорятъ» другія музы

Какъ струна-то загула,
А дуда-то выговарив

(Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. III, 84.)

Въ балалаечку набряк
Балалайка выгова

(Пальчиковъ. Кресть. пѣс. № 114.)

Въ «Задонщинѣ» встрѣчаемъ выраженіе «гу

Третій разъ сталъ наигрывати,
Все свое похожденіе разсказывати [1]).
— Ёнъ игрищо игралъ отъ Царя-града,
Другое игралъ отъ Ерусолима,
Третье играе отъ Кіева,
А похожденья выигрывалъ Добрынины.
— Струночку играетъ отъ синя моря,
Другую играетъ отъ Царя-града,
А третью отъ Ерусалима,
А всё похожденьице, Добрынюшкино.
— Натягалъ онъ струну про Кіевъ градъ,
Другую про похожденьицо,
Выигрывалъ свое рожденьице.

) рожденіи Добрыни см. ниже).

— Сталъ Добрынюшка въ гуселышка поигрывати.
Ужъ онъ струночку играетъ что я Кіевской,
Какъ въ другую играть отъ Ерусолима,
Еще въ третью про разъёзды про Добрынюшкины.
— Онъ первую (очевидно: струну) завелъ отъ Кіева,
Онъ другу завелъ отъ Ерусолима да до Царяграда,
А всё пошли напёвки ты Добрынины [2]).

ѣсь всюду рѣчь идетъ о повѣствованіи, сопровождае-
звуками струнъ. Предметомъ же повѣствованія яв-
я событія изъ далекихъ мѣстъ, переплетаемыя раз-
ии о собственной судьбѣ, собственныхъ похожденіяхъ
ьёздахъ пѣвца-гусельника. Въ другихъ варіантахъ
ится о веденіи пѣвцомъ «наигрыщъ отъ Добрыни», о
имъ «напѣвочекъ Добрынюшки», по которымъ при-
ь, въ лицѣ пѣвца, своего мужа Настасья Микулична:

— Игралъ онъ во гуселышки тутъ яровчаты,
А все наигрища приводитъ онъ Добрынины.
— Напѣвочки поетъ все къ Настасьѣ Микуличной.
Какъ услыхала тутъ Настасья Микулична
Напѣвочки Добрынюшки Микитица... [3]).

такъ подъ словами: выигрышъ, наигрышъ, тонцы,
ки, припѣвки и т. п. слѣдуетъ понимать содержа-

Рыбниковъ. Пѣсни. III, № 16.
Гильфердингъ. Онеж. был. 950, 1021, 1096, 1254 (ср. 1261), 1305.
Тамъ-же: 165, 737.

ніе пѣсни, можетъ быть въ связи съ извѣстными ... ристическими напѣвами [?], подобно тому, какъ ... лѣе общимъ словомъ «игра» нерѣдко понимается ... сопровождаемая игрой на инструментѣ.

Послѣ всего сказаннаго о пѣсняхъ Добрыниных... новится понятнымъ смыслъ нижеслѣдующихъ сход... выраженій былинъ, относительно «игры» и другихъ ... цовъ:

Соловей Будиміровичъ

Струну къ струночкѣ натягиваетъ,
Тонцы по голосу налаживаетъ,
Тонцы онъ ведетъ отъ Новагорода,
А другіе ведетъ отъ Ерусолима,
А всѣ малые припѣвки за (=изъ-за) синя моря,
За синя моря Волынскаго,
Изъ за того Кодольскаго острова,
Изъ за того Лукоморья зеленаго [1]).

Въ терему, воздвигнутомъ Соловьемъ Будиміровичем... «играютъ во гуселка яровчаты»:

Тонцы ведутъ отъ Нова города,
Другіе ведутъ-то отъ Ерусолима,
Припѣвы припѣваютъ хорошіи.

Или:

А въ третьемъ терему-то гудки гудятъ,
Игры играютъ Царя-града,
Напѣвки напѣваютъ Ерусолима [2]).

Ставръ

сталъ гуселокъ налаживать,

Гуселокъ налаживать, струнокъ натягивать:
Струночку натягивалъ отъ Кіева,
Другу отъ Царя-града,
Третью съ Ерусолима;
Повелъ онъ та(о)нцы великіе,
Припѣвки то припѣвалъ изъ за синя моря.[3]

---

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 324.
[2]) Гильфердингъ. Онеж. был. 370, 954.
[3]) Рыбниковъ. Пѣсни. II, 101.

Или:

И зачалъ тутъ Ставръ поигрывати,
Сыгришъ сыгралъ Царя-града,
Та(о)нцы навелъ Іерусалима... [1])

Садко

игрываетъ во гуселышки,

Играетъ-то Садкé въ Новѣ-городѣ,
А выигрышъ беретъ отъ Царя-града [2]).

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ должно понимать по-твованія о событіяхъ и обстоятельствахъ, касающихся екихъ мѣстъ: Іерусалима, Царяграда, Новгорода (по ошенію къ поющему въ Кіевѣ) и т. п.—Нельзя не обра-ъ вниманія еще на неоднократно встрѣчающееся вы-еніе: «припѣвы», «припѣвки» («хорошіе», «изъ за я моря», «Добрынины» и т. п.). Подъ этими словами дуетъ вѣроятно подразумѣвать вплетаемыя пѣвцомъ въ ню мудрыя, поучительныя изреченія, нравоученія, по-орки. Вѣщій Боянъ, по выраженію Слова о полку Иго-ѣ, изрекъ «припѣвку» про князя Всеслава: «*ни хытру, горазду, ни птицею горазду, суда Божія не минути*» дь хитеръ, будь гораздъ, обернись хоть птицею, суда кія не миновать). И другое изреченіе Бояново: «*тяжко головѣ, кромѣ плечю; зло ти тѣлу кромѣ головы*» жело головѣ безъ плеча, горе тѣлу безъ головы), при-енное авторомъ «Слова» къ Игорю («Русской земли ъ Игоря», прибавлено въ «Словѣ»), было вѣроятно та-й же «припѣвкой». Не были ли и упомянутые выше апѣвочки» и «наигрища Добрынины», по которымъ наетъ Настасья Микулична переодѣтаго въ скомороха жа своего, такими же знакомыми ей изреченіями, по-ворками (припѣвками) Добрыниными? Въ нѣкоторыхъ учаяхъ подъ словомъ наигрышекъ очевидно понимают-изреченія, поговорки, заключающія въ себѣ извѣстный

[1]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 91.
[2]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 369.

скрытый смыслъ, извѣстные намеки, обращаемые п
только къ извѣстнымъ изъ присутствующихъ лицъ.
Добрыня, въ образѣ скомороха, наигрываетъ два
грышка, предназначаемые имъ очевидно для своей
собирающейся выходить за мужъ за Алёшу Попов

... сталъ наигрышки наигрывать:
«Охъ вы гусли мои, гуслицы,
Гусли мои звончатые!
Вы лежали со ряду шесть лѣтъ,
А еще лежали ровно три года,
А еще лежали ровно круглый годъ,
На десятомъ году играть стали».

(Намёкъ на десятилѣтнее отсутствіе Добрыни изъ д

И другой наигрышекъ сталъ наигрывать:
«Гдѣ это видано, еще гдѣ же слыхано,
Отъ живà мужа за мужь итти?» [1])

(Опять намёкъ на то, что Добрыня еще живъ.)

Въ одномъ изъ пересказовъ данной былины Доб
«натягалъ струну про свое похожденьице, выигрывал
рожденьице»:

Ни кто-то въ пиру не догадается,
Одна Катерина (=жена его) догадалосе[2]).

Всѣ пріемы Добрыни, всѣ его нашёвки и наиг
направлены къ тому, чтобы жена узнала его, дл
онъ играетъ свои «наигрышки» и «припѣвки».

Въ былинѣ «Молодецъ у короля на службѣ» вы
ніе «наигрышки наигрывать» опять употреблено в
слѣ восклицанія, спеціально обращеннаго къ сидя
свѣтлицѣ, любящей молодца королевнѣ:

Онъ и сталъ тутъ наигрышки наигрывать:
«Бывало меня Король любилъ-жаловалъ!
А нынче на меня скоро прогнѣвался,
Ведетъ молодца ко повѣшенію». [3])

---

[1]) Кирѣевскій. Пѣсни. II, 9; ср. 16.
[2]) Гильфердингъ. Онеж. был. 1096.
[3]) Кирѣевскій. Пѣсни. V, 168.

ь всего вышесказаннаго видно, что древній скомо-
усельникъ повѣствовалъ о мѣстахъ далекихъ, по ко-
ь странствовалъ, переплетая свои повѣствованія раз-
и о собственныхъ похожденіяхъ, а равно и припѣв-
наигрышами, напѣвочками), т. е. изреченіями и по-
ами, то имѣющими общій смыслъ, то заключающими
ѣ извѣстные намёки, обращаемые имъ къ тому или
у изъ слушателей.
добно тому, какъ, по словамъ пѣвца Игоревой рати,

скакалъ по мысленному древу, возносился
ѡдъ облака, мчался черезъ долы и горы вѣщій
Боянъ (гудецъ Кіевскій),

инные пѣвцы-гусельники, давая волю своему во-
нію, витая мыслію по лицу вселенной, вѣщая свои
ые разсказы о странахъ далекихъ, уносили внима-
имъ слушателей мысленно за «сине море», въ землю
нскую (= Сарацинскую), въ Іерусалимъ, въ Царь-
къ морю Волынскому, къ Лукоморью зеленому, въ
юдъ, Смоленскъ, Черниговъ, въ лѣса Брынскіе, въ
Днѣпровскіе и т. п. Воспоминаніе о такомъ паре-
и витаніи мысли пѣвца по безпредѣльной шири все-
, по морямъ, полямъ, лѣсамъ и поднебесью, сохра-
во вступительной къ нѣкоторымъ былинамъ фор-
въ разныхъ случаяхъ являющейся то болѣе, то ме-
звитой:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.

иныхъ случаяхъ эта формула продолжается такъ:

Чуденъ крестъ Леванидовской,
Долги плеса Чевылецкіе,
Высокія горы Сорочинскія,
Темны лѣса Брынскіе,
Черны грязи Смоленскія,
А и быстры рѣки понизовскія [1]).

---

[1]) Даниловъ. Древ. росс. стих. 1, 271.

Встрѣчается и такое вступленіе:

Рѣки-то озера ко Новугороду,
Мхи-то болота ко Бѣлоозеры,
Широки раздолья ко Опскому,
Темные лѣса ко Смоленскому,
Чисты поля къ Ерусалиму [1]).

Подобно Бояну,

соловью временъ давно минувшихъ, воспѣвавшему дѣянія князей и стародавнія брани,

и пѣвцы-гусельники нашихъ былинъ воспѣвали ста дѣянія. На свадебныхъ пирахъ гусельники пѣли

Про старыя времена и про нынѣшни
И про всѣ времена доселюшни [2]).

Соотвѣтственно тому, въ былинахъ встрѣчаются вст ленія, въ которыхъ предстоящее повѣствованіе прямо зывается старымъ, бывалымъ, стародавней старин

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца [3]).

Или:

Благословите, братцы, старину сказать [4]),
Какъ бы старину стародавную.

Въ новѣйшихъ былинахъ старыми временами по тается уже эпоха Іоанна Грознаго, напр.:

Да въ старые годы прежніе,
Во тѣ времена первоначальныя,
Когда воцарился царь государь
А грозный царь Иванъ Васильевичъ [5]).

---

[1]) Гильфердингъ. Онеж. был. 704.
[2]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 249.
[3]) Кирѣевскій. Пѣсни. I, 1.
[4]) Сказать старину значитъ тоже, что пѣть старину: въ былинахъ неоднок смѣняются выраженія «старину поютъ» или «старину скажутъ». См. тотчасъ соотвѣтствующіе примѣры.
[5]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих., 219, 226. — Ср. вступленіе къ пѣ взятіи Казани:

Ужъ вы ли люди ли, вы люди стародавніе,
Молодые молодцы да-воль послушати,

Въ цѣломъ рядѣ былинъ находимъ и заключительныя формулы о «сказаніи» или «пѣніи старины» про того или другаго героя былины, «людямъ на послу́шанье», напр.:

— Тутъ вѣкъ про Добрыню старину поютъ:
А синему морю на тишину,
А вамъ, добрымъ тымъ людямъ, на послу́шанье.
— Тутъ вѣкъ про Дюка старину скажуть,
Синему морю и т. д.
— А съ той поры да съ того времени
А стали Дюка стариной сказать.

Въ сходной формѣ «скажутъ старину» про Настасью королевну, про Михаила Потыка, про Добрыню Никитича, про Кострюка Темриковича и т. п. [1]).

Пѣвцы, касаясь въ своихъ пѣсняхъ далекихъ странъ былыхъ временъ, рисовали и фантастическія, сказочныя картины изъ стародавняго прошлаго. На это время указываютъ былины. Однимъ изъ главнѣйшихъ сюжетовъ былинъ служатъ чудесные, баснословные подвиги русскихъ богатырей, поборающихъ разныхъ чудовищъ: дышащаго пламенемъ змѣя Горынчича, бабу Гоинкину, Тугарина Зміевича, Соловья разбойника и др. [2]) Былина, начинающаяся вышеупомянутой формулой: «Выла ли высота поднебесная», послѣ такого вступленія переходитъ къ описанію беззаконія, господствовавшаго въ стародавнее, первоначальное, баснословное время царя Давида:

При царѣ Давидѣ Евсѣевичѣ,
При старцѣ Макарьѣ Захарьевичѣ,

Еще я вамъ разскажу про царевый про походъ,
Про грозна царя Ивана Васильевича.

(«Отечеств. Записки» 1860 г. Апрѣль, стр. 68).

Эпитетъ «стародавній», относимый въ другихъ пѣсенныхъ вступленіяхъ къ «старинѣ», къ прошедшимъ временамъ, здѣсь является уже перенесеннымъ на пожилыхъ ушателей.

[1]) Гильфердингъ. Онеж. был. 750, 784, 794, 811, 817, 826, 831, 932, 16. — Въ былинахъ у К. Данилова (Древ. росс. стих.) неоднократно встрѣчается ключительный стихъ:

А и то старина, то и дѣяніе

гр. 69, 132, 153, и др.), или:

Тѣмъ старина и кончилась

гр. 181).

[2]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 44, 126 и сл., 241 и сл., 246 и сл., 251 и сл.

Было беззаконство великое:
Старицы по кельямъ—родильницы,
Черницы по дорогамъ—разбойницы,
Сынъ съ отцомъ на судъ идетъ... [1])

Въ другихъ былинахъ дѣйствующими являются бас словныя лица: «премудрый царь Саламонъ» и «прекрас царица Саламонія»[2]), Дунай и Настасья, превращающіеся рѣки[3]); упоминается о чудесномъ, красующемся за синим ремъ, за Глухоморьемъ зеленымъ, славномъ городѣ по заморскаго, Леденцѣ, откуда выплываетъ на своихъ фа тастически разукрашенныхъ корабляхъ богатый гость С ловей Будиміровичъ[4]), и т. п.—Въ сходномъ же смы слѣдуетъ понимать и выраженіе Слова о полку Игоре о «замышленіи Бояновомъ». Пѣвецъ Слова хочетъ н чать свою пѣсню «не по замышленію Бояна», а «по бы линамъ сего времени», т. е. воспѣть быль, историческ факты, между тѣмъ какъ Боянъ, творя пѣсню, «раст кался мыслію», давалъ волю своему воображенію, своем «замышленію», вымыслу, сплетая дѣйствительность съ чу деснымъ, облекая, подобно нашимъ былинамъ, дѣйстви тельность въ фантастическую форму.

Такіе фантастическіе разсказы или «сказки» легк могли принимать и шуточную форму, подобно былинам сказкамъ: «Старина о большомъ быкѣ», «Кострюкъ», «Не былица», «Птицы» и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ сказок старинъ начинаются призывомъ слушателей ко вниманію чтобы послушали старинушку, напр.:

Да князья послушайте,
Да бояре послушайте,
Да мужики ты земскіе,
И старички деревенскіе,
Да ребятушки махотные,
Да крестьянушки пахотные,
И не шумите—послушайте.
Да я вамъ старинушку скажу

---

[1]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 271.
[2]) Рыбниковъ. Пѣсни. II, 277 и сл.
[3]) Гильфердингъ. Онеж. был. См. нѣсколько пересказовъ о «Дунаѣ».
[4]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 1.

Про тово-де большово быка
Робoдановика...

Или:

А не тките то дѣвушки,
Не прядите молодушки,
Ужъ вы сядьте послушайте,
Я вамъ сказку скажу,
Прибаулушку немаленькую,
Ай диди-диди-диди,
И про того Кострюка Кострюкановича,
Про того Дебрюка Дебрюкановича...

[:

Старина сказать да стародавная,
Стародавная да небывалая,
Хорошо сказать, да лучше слушати...,

послѣ чего слѣдуетъ цѣлый рядъ небылицъ:

Да не курица на ступы соягниласе,
Корова на лыжахъ покатиласе,
Да свинья въ ели-то вѣдь гнѣздо свила...
По поднебесью, братцы, медвѣдь летитъ,
Да медвѣдь летитъ, да онъ хвостомъ вертитъ,
А по чисту полю у насъ корабъ бѣжитъ,
На синёмъ мори у насъ овинъ горитъ,
Да овинъ горитъ и то съ рѣпою... [1])

Болѣе или менѣе сходные съ выше приведенными, фантическіе, баснословные (вѣроятно и шуточные) разскаочевидно пѣлись и старинными русскими пѣвцами-гуьниками. На это указываютъ, кромѣ приведеннаго раньстр. 40) выраженія автора Слова о полку Игоревѣ, амышленіи бояновомъ, еще и слова Кирилла Туровго (XII в.), порицавшаго тѣхъ, «иже басни баютъ ъ гусли гудутъ» [2]), Кирилла митрополита Кіевскаго II в.), называющаго въ числѣ мытарствъ: «плясаніе... асни бающе [3]), наконецъ митрополитъ Фотія (1410 г.),

---

[1]) Гильфердингъ. Онеж. был. 1132—1133, 1272, 1329.
[2]) Пам. росс. слов. XII в. 95.
[3]) Филаретъ. Обз. дух. лит. 59.

увѣщевавшаго Новгородцевъ басней не слушать [1]).—
вращаюсь къ серьезной «игрѣ».

Подобно Бояну,

> *величавшему князей, подъ вѣщими перстами котораго струны сами рокотали славу князьямъ, —Бояну, свивавшему древнюю славу съ новою,*

и старинные «веселые молодцы» славили и велич
героевъ временъ минувшихъ, а равно и совре
ныхъ имъ князей, по примѣру Бояну свивая, та
образомъ, древнюю славу съ новой. Мы видѣли вы
(стр. 38), что пѣвцы гусельники пѣли пѣсни

> Про старыя времена и про нынѣшни,
> И про всѣ времена доселюшни..,

т. е. соединяли повѣствованія о старыхъ и новыхъ в
менахъ. Кромѣ того, въ былинахъ повѣствованія нерѣд
заключаются возглашеніемъ славы или хвалы геро
или героинѣ былины, напр.:

> — Тутъ-то Настасьѣ славу поютъ.
> — Да тутъ Святогору да богатырю славу поемъ.
> — А тутъ Кострюку славы поютъ,
> Славы поютъ, старину скажутъ...
> И царицы славы поютъ,
> Славы поютъ, старину скажутъ.
> — А еще тутъ поганому (Идолищу) славы поютъ [2]).

Пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ, неоднократно вспо
минаетъ о Боянѣ и какъ будто подражая мѣстами склад
Бояновыхъ пѣсень или «старымъ словесамъ», заключает
свое произведеніе славленіемъ Игоря, Всеволода, Вла
димiра Игоревича, напоминающимъ только что приведен

[1]) Акты (арх. эксп.) I, № 369.

[2]) Гильфердингъ. Онеж. был. 624, 646, 932, 1038.—Въ нѣкоторыхъ были
нахъ въ заключительномъ стихѣ провозглашается слава старинѣ, т. е. стародавним
временамъ и событіямъ:

Да тутъ ли старинушкѣ славу поемъ.

(Тамъ же: 662, 671, 676, 689.)

заключительные стихи былинъ; но здѣсь, кромѣ кня-
величается и дружина, которой провозглашается
ь и здравіе вмѣстѣ съ князьями: «Пѣти слава Иго-
Святъславича. Буй туру Всеволодѣ, Владиміру Иго-
ю. Здрави князи и дружина, побарая за христьяны
ганыя плъки. Княземъ слава, а дружинѣ Аминь!» [1]).
ай величать и славить на пирахъ въ пѣсняхъ не-
со воспѣваемыхъ въ ней князей и героевъ, но и при-
вующаго князя (или боярина, хозяина дома), а также
угихъ присутствующихъ лицъ, отразился и въ бы-
хъ: Ставръ, въ роли «веселаго молодца» или «загу-
цика»,

Сыгрышь сыгралъ Царя-града,
Та(о)ицы навелъ Іерусалима,
Величалъ князя со княгинею [2]).

ылина о смерти Михаила Скопина свидѣтельствуетъ
еликой славѣ», которую пѣли Скопину во время
ъ:

На великихъ на радостяхъ пиръ пошелъ
И пиръ пошелъ и великій столъ
И (У?) Скопина князя Михайлу Васильевича
Про весь православный міръ,
И велику славу до вѣку поютъ
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу...

[а этомъ пиру, по обычаю, идущему отъ временъ Вла-
овыхъ, каждый изъ гостей чѣмъ нибудь похваляется.
едь доходитъ до хозяина:

«Я Скопинъ Михайло Васильевичъ
Могу князь похвалитися,
Что очистилъ Царство Московское
И великое Государство Россійское,
Еще ли мнѣ славу поютъ до вѣку,
Отъ стараго до малаго,
Отъ малаго до вѣку моего» [3]).

Русс. Достоп. III, 254.
К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 91.
Послѣдніе два стиха напоминаютъ соотвѣтствующее мѣсто изъ былины о До-
который «выигрывалъ», т. е. воспѣвалъ, славилъ

Отъ стараго да всѣхъ до малаго,

будто представляютъ лишь механическое повтореніе старинной формулы въ искать смыслѣ. Ср. ниже стр. 45.

Та же былина заканчивается припѣвкой, т. е. зак
чительной формулой общаго характера, въ менѣе р
томъ видѣ повторяющейся и въ концѣ нѣкоторых
гихъ былинъ. Вотъ эта припѣвка:

То старина то и дѣянье,
Какъ бы синему морю на утишенье.
А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
Какъ бы добрымъ людямъ на послу́шанье,
Молодымъ молодцамъ на перениманье,
Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье,
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Извиваючи медъ, зелено вино;
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову [1]).

Какъ Боянъ воспѣвалъ хвалу князьямъ, какъ авт
Слова о полку Игоревѣ воспѣвъ походъ Игоря, возв
шаетъ славу князьямъ и дружинѣ, какъ Ставръ, въ
чествѣ скомороха, за пиромъ у князя вплетаетъ въ
пѣсню величаніе князя и княгини, такъ и въ посл
ней припѣвкѣ воздается честь хозяину пира, боярин
великому, такими же какъ Ставръ-скоморохъ «весель
молодцами». Эта припѣвка замѣчательна и важна въ то
отношеніи, что она подтверждаетъ предположеніе о том
что авторами былинъ были старинные пѣвцы-гусельник
скоморохи: «то старина то и дѣянье... *намъ* веселы
молодцамъ на потѣшенье»; слѣдовательно поютъ бы
лину *они*, веселые молодцы-скоморохи, себѣ на п
тѣшенье, добрымъ людямъ на послушанье, молодымъ м
лодцамъ на перениманье: «гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ
честь воздаемъ... хозяину»; слѣдовательно вплетают
славленіе, чествованіе хозяина въ пѣсню—былин
тѣже веселые молодцы-скоморохи. Точно такъ и Д
брыня, переодѣтый скоморохомъ, на свадебномъ пиру
своей пѣснѣ «выигрываетъ», т. е. очевидно славит
величаетъ всѣхъ, отъ стараго до малаго, поимённо:

---

[1]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 391.

Онъ повыигралъ во гради во Кіеви
Онъ во Кѣевѣ да всѣхъ поименно,
Онъ отъ стараго да всѣхъ до малаго [1]).

Замѣчательную аналогію представляетъ послѣдній стихъ выраженіемъ пѣвца Слова о полку Игоревѣ: Добрыня выигралъ всѣхъ отъ стараго до малаго, а пѣвецъ ова слѣдуетъ примѣру тѣхъ, кто величаетъ князей, ерва старшихъ, а потомъ младшихъ («пѣвше пѣснь арымъ княземъ, а потомъ молодымъ» [2]). Непоэдственнымъ доказательствомъ тому, что пѣвцы-гусельки дѣйствительно величали князей (позже царей) можетъ ужить разсказъ Олеарія, который еще въ первой полонѣ XVII столѣтія слышалъ въ Ладогѣ пѣвцовъ-скомоховъ, славившихъ за посольскимъ столомъ царя Михаила Ѳедоровича: «Въ Ладогѣ — пишетъ Олеарій — лышали русскую музыку: когда мы сидѣли за обѣдомъ, ришли двое Русскихъ съ лютней (Lautė) [3]) и гудкомъ Geige) на поклонъ къ гг. посламъ, начали играть и ать въ честь великаго государя и царя Михаила эдоровича (точнѣе: «о великомъ государѣ» и т. д.) [4]).

Прославленіе царя и историческихъ лицъ встрѣчаемъ въ малорусскихъ думахъ, напр.:

Дай, Боже, честь и хвалу
Свѣтъ праведному Государю,
Та й Семену Палію, превеликому пану,
Що не давъ Шведу христіянъ на поталу!... [5]).

Форма славленія царя, князей и бояръ, царскихъ слугъ (ср. выше славленіе дружины княжеской), сохранилась до ихъ поръ въ нашихъ святочныхъ — подблюдныхъ — пѣсняхъ, при чемъ нынѣ славленіе иногда начинается съ Бога:

Слава Богу на небѣ, слава!
Государю нашему, слава!

---

[1]) Гильфердингъ. Онеж. был. 757.—Ср. выше стр. 43 примѣч.
[2]) Русс. достоп. III, 254.
[3]) Подъ именемъ лютни слѣдуетъ здѣсь понимать не собственно лютню, а какой-нибудь лютнеобразный струнный инструментъ, вѣроятно домры.
[4]) Подроб. описс. путеш. въ Москов. 26.
[5]) Кулишъ. Записки о южной Руси. 1856 г. I, стр. 195.

Чтобы нашему государю не стариться, слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться, слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться, слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться, слава!

Или:

Вился, вился ярый хмель, слава!
Около тычинки серебряныя, слава!
Такъ бы вились князья и бояре, слава!
Около царя православнаго, слава! [1]).

Въ Галицко-русской свадебной пѣснѣ находимъ воз-
шеніе чести и хвалы Богу, Богородицѣ, хозяевамъ
и всѣмъ домочадцамъ, по старшинству (ср. выше ст.
славленіе сперва старшихъ, а потомъ младшихъ):

Встаньте бояры, встаньте!
Честь, фалу (=хвалу) Богу дайте:
На самый передъ Господу Богу,
Прысвитый Дiві, господареви,
Господиноньці и кухаройці
И всімъ посполу
Що сут въ томъ дому [2]).

Въ Сербскихъ колядкахъ также провозглашается сла
и честь хозяину дома и членамъ его семьи, напр.:

— Слава и част домаћину! Слава и честь домохозяину!
Тебѣ на част господине!.. Тебѣ на честь, господинъ!..
— Слава и част домаћину! Слава и честь домохозяину!
Тебѣ на част стара мајко! [3]) Тебѣ на честь, старая матуш

Въ Малорусскихъ щедрівкахъ встрѣчаемъ сходное сл
леніе, напр.:

Славенъ, славенъ панъ Олександра,
Щедрий вечіръ!
Ой чимъ же вінъ славенъ? Трома городами,
Щедрий вечіръ!
Трома городами, своіми синами
Щедрий вечіръ! и т. д. [4]).

---

[1]) Снегиревъ. Русскіе простонародные праздники. II, стр. 70, 79. — Ср. С
ровъ. Сказ. русс. нар. I. III: «Пѣсни подблюдныя».
[2]) Pauli. Pieśń. ludu rusk. w Galic. I, 83.
[3]) Караџић. Српске народне пјесме. I, стр. 115, 116.
[4]) Кулишъ. Зап. о юж. Руси. I, 196.

ма славленія въ приведенныхъ русскихъ (и серб-
святочныхъ пѣсняхъ близко сходна съ заключи-
мъ славленіемъ князей и дружины въ Словѣ о полку
ѣ (ср. выше стр. 43); таковымъ же было вѣроятно
ихъ чертахъ и обычное величаніе князей въ пѣс-
комороховъ-гусельниковъ (ср. стр. 42: выраженія
: «славу» или «славы поютъ»).
мѣ провозглашенія славы, хвалы, чести, въ народ-
гературѣ нерѣдко встрѣчается величаніе того или
лица, посредствомъ лестныхъ для него сравненій съ
ми свѣтилами, зарей, маковымъ цвѣтомъ и т. п.,—
ій, вѣроятно также примѣнявшихся въ величаль-
ѣсняхъ старинныхъ пѣвцовъ-гусельниковъ. Такъ въ
ъ колядкахъ весьма распространена твердо устано-
ся форма славленія хозяина дома и его семьи, по-
омъ уподобленія ихъ солнцу, мѣсяцу и звѣздамъ,

усс.: На дворѣ у него (Устина, хозяина) да три терема:
Въ первомъ терему да свѣтелъ мѣсяцъ,
Во второмъ терему красно солнышко,
Въ третьемъ терему часты звѣзды.
Что свѣтелъ мѣсяцъ, то Устиновъ домъ (т. е. самъ Устинъ),
Что красное солнце, то Улита (жена) его,
Что часты звѣзды, малы дѣтушки [1]).

с.: Ясный мисяць—самъ господарь,
Ясне сонце—його жинка,
Яснее зирны—його диткы [2]).

с.: Ясенъ мѣсяцъ—панъ Иванъ,
Красно соунце—яго жана,
Дробны звѣзды—яго дзѣтки [3]).

яинъ обыкновенно сравнивается съ мѣсяцемъ, а хо-
-съ солнцемъ; но иногда сравненіе дѣлается и на-
, напр.:

евега. русскихъ суевѣрій. 1786 г. Стр. 224.
тлинскій. Народныя южнорусскія пѣсни. 1854 г. Стр. 343.
ейнъ. Бѣлорусскія народныя пѣсни. 1874 г. Стр. 43.

Великорусс.: Красно солнце—то хозяинъ въ дому...
Свѣтелъ мѣсяцъ—то хозяйка въ дому...[1]

Нельзя не замѣтить, что точно такое же величан
чается и въ былинахъ и сказкахъ русскихъ, гдѣ ки
диміръ нерѣдко называется солнышкомъ, лас
солнцемъ, краснымъ солнцемъ, напр.:

Отъ того ли отъ солнца Владиміра...,

или:

«Солнышко ты, Владиміръ стольно-Кіевскій»

или:

«Гой еси, государь ты мой батюшка,
Ласково солнце, Владиміръ князь!»

или:

Запечаловалъ князь Владиміръ,
Красное солнышко, свѣтъ Святославьевичъ[2].

Въ словѣ о полку Игоревѣ встрѣчается сходн
ное сравненіе героя поэмы съ солнцемъ на небѣ:

Солнце свѣтится на небесѣ. Игорь князь въ Русской

Приведу еще нѣсколько примѣровъ величанія
другого члена хозяйской семьи въ колядкахъ:

Малорусс.: У нашого пана хороша пани (=хозяйка)
По двору ходыть, якъ мисяць сходыть (=вос
По синьцямъ ходыть, якъ заря сходыть.

Или

А въ тій свѣтлыци стоитъ Орышечка (=хозяйк
Умирялася, то-жъ и наряжалася:
До церкви пошла, якъ зоря зійшла.
А церковь війшла, и засіяла.
Тамъ паны стоялы да ій пыталы:
Чы ты царивна, чы короливна?...[4]).

Бѣлорусс.: Какъ у мѣсяца золоты рога,
А у солнышка очи ясные,

[1] Сравни Русс. прост. правди. II, 67.
[2] Сравни Опис. обы. 1261. Рыбниковъ. Пѣсни. I, 143.
[3] Сравни Древ. русс. стих. 134, 249.—Сахаровъ. Пѣсни
Сравни о нихъ былинахъ, стр. 396.
Сравни III, 249.
[4] Сравни Великорусс. нар. пѣс. 331, 332.—Ср. Радченко. Сбор
Сравни черниговскія пѣсень Гомельскаго уѣзда. I. Колядная

У Степанушки (хозяйскаго сына) кудри русы
По плечамъ лежатъ,
Точно жаръ горятъ [1]).

заключеніе, какъ дальнѣйшій примѣръ народнаго
нія, приведу еще свадебную величальную пѣсню,
яемую въ честь свата:

Слышишь ли, чуешь ли,
Петръ свѣтъ Даниловичъ?
Мы тебѣ пѣсню поемъ,
Тебѣ мы честь воздаемъ.
Какъ бѣлый сыръ на блюдѣ лежитъ,
Что сахарный кусъ на тарелочкѣ,
Какъ маковъ цвѣтъ въ огородѣ стоитъ,
То сватушка нашъ за столомъ сидитъ [2]).

торяю, что о величаніи и славленіи царей, кня-
яръ и хозяевъ, въ старинныхъ пѣсняхъ скомороо-
ожно составить себѣ нѣкоторое понятіе по приве-
ъ примѣрамъ изъ русскихъ былинъ и народныхъ
вѣроятно въ данномъ отношеніи близко сходствую-
съ величальными пѣснями скомороховъ.
ные разсказы про далекія мѣста, «игра изъ за
»), чудныя повѣствованія «про старыя времена и
нѣшни и про всѣ времена доселюшни», про стран-
ія и подвиги богатырей (позже—про дѣянія кня-
арей) [4]), про собственное рожденіе, собственные
ы и похожденія пѣвца въ далекой чужбинѣ [5]), ве-
и славленіе князей и бояръ, «отъ стараго до мала-
отъ очевидно главное содержаніе «тонцевъ вели-
въ игрѣ старинныхъ пѣвцовъ-гусельниковъ, «игры
ой», которая вызывала такой восторгъ и удивленіе
пателяхъ и такъ щедро награждалась княземъ.

димірскія Губ. Вѣдом. 1860 г. № 8.
харовъ. Сказ. русс. нар. I. III, 156.
Царьградъ, Іерусалимъ, Сарацинскую землю, Волынское море, Новгородъ,
рниговъ и др.
былины: «Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ», «Илья Муромецъ и Идо-
ри поѣздки Ильи Муромца», «Добрыня и Маринка», «Добрыня и змѣй»,
Алёша Поповичъ» и т. п. изъ Владимірова цикла; позже героями былинъ
Грозный Царь Иванъ Васильевичъ, Ермакъ Тимофеевичъ, Гришка Отрепьевъ,
ѣй Михайловичъ, Царь Петръ, Стенька Разинъ и др.
повѣствованія «о рожденьицѣ», «похожденьицѣ», «разъѣздахъ Добрыни-
былинѣ о Добрынѣ.

Историческія свидѣтельства о княжескихъ
ныхъ музыкальныхъ искусникахъ, начиная съ
и до конца XV столѣтія почти вовсе умолкаютъ
нается въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1241 го
вскользь о какомъ-то знаменитомъ пѣвцѣ Мат
захотѣвшемъ изъ гордости служить князю Данилу
тѣмъ сохранились лишь извѣстія о забавахъ кня
тою на дикихъ звѣрей, о пирахъ, продолжавши
глубокой ночи и которыми обыкновенно ознаменов
брачныя торжества. Мы знаемъ далѣе, что митр
Кириллъ (XIII в.) упрекалъ ростовскаго епископа
тія за то, что онъ ѣлъ, пилъ и веселился съ
Глѣбомъ Васильковичемъ; но въ чемъ именно за
лось это веселье, и вообще, забавлялись ли музыкой
съ конца XIII до конца XV вѣка, никакихъ свѣдѣ
существуетъ. О великомъ князѣ Литовскомъ Ол
(XIV вѣка) лѣтописецъ выражается съ особой похв
«премудръ бѣ зѣло... и воздержаніе имаше веліе..
тѣхи и играніе и прочихъ таковыхъ не внима
изъ чего нетрудно заключить, что другіе князья того
мени внимали играмъ и потѣхамъ. Неупомина
музыкальныхъ забавахъ не значитъ, однако еще, ч
ихъ совсѣмъ не было, тѣмъ болѣе, что съ конца XV
лѣтія появляются извѣстія о царскихъ музыкальных
тѣхахъ, въ которыхъ, рядомъ съ отечественными, выда
уже иноземные искусники-инструменталисты. Такъ въ
ствованіи Іоанна III, въ 1490 г., выписанъ былъ,
стѣ съ другими иностранными художниками, орган
игрецъ. При царѣ Іоаннѣ Грозномъ были въ Москвѣ
мецкіе музыканты, прибывшіе съ другими иноземны
мастерами, но дѣятельность ихъ прошла безслѣдно:
хранилась лишь запись о нѣсколькихъ нѣмецкихъ му
кантахъ въ одной изъ нѣмецкихъ церковныхъ книгъ
Москвѣ[3]). При царѣ Ѳедора Іоанновичѣ прибываютъ
заграницы органы и клавикорды съ соотвѣтствующими
зыкантами; при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ къ нимъ

---

[1]) Полн. собр. русс. лѣт. II, 180.
[2]) Древній лѣтописецъ. 1747. г. I, 167.
[3]) Stählin. Nachrichten von der Musik in Russland, въ Haigold's Beylagen neu veränderten Russland. 1770. II, S. 75.

иняются скрипотчики и цимбальники; а въ частныхъ хъ появляются на вечеринкахъ игроки на лирахъ. робнѣе объ этихъ музыкантахъ я буду говорить въ другомъ мѣстѣ.

Въ тоже время находимъ и свидѣтельства о бахаъ, въ теченіи XVI и XVII столѣтій, къ которымъ XVII вѣкѣ присоединяются и домрачеи. И тѣ и гіе служили очевидно представителями, въ позднѣйшее время, разсмотрѣнной выше «великой игры». Одною любимыхъ русскихъ комнатныхъ утѣхъ въ долгіе осенние зимніе вечера и особенно для грядущихъ ко сну, чаетъ г. Забѣлинъ, была сказка и по всему вѣроятно въ спеціальномъ ея значеніи, какое опредѣлила ей ка, а вообще въ значеніи всякой повѣсти, какъ небылицы, такъ и дѣйствительной были, обставленной только тическими образами и сказываемой поэтическимъ слоъ. Сказка въ такомъ болѣе широкомъ смыслѣ слова ждествляется съ тѣми баснями, противъ баянія, т. е. зыванія или пѣнія которыхъ возвышали свой голосъ, съ противъ скоморошескаго искусства вообще, духовные писатели XIII вѣка: «иже басни баютъ и въ гусли цутъ», «плясаніе... и басни бающе»; выраженія эти встрѣтили уже выше (стр. 41) и сравнили это «баябасней» съ «замышленіемъ Бояновымъ», съ повѣствованіемъ древними скоморохами фантастическихъ, баснословныхъ разсказовъ. Бахари были очевидно такими баятелябасень, сказителями сказокъ. Нѣмцы, описывая монаскую жизнь царя Ивана Васильевича въ Александровой слободѣ, говорятъ, между прочимъ, что послѣ вечернаго богослуженія, царь уходилъ въ свою спальню, гдѣ его кидались трое слѣпыхъ старцевъ (бахарей); когда онъ жился въ постель, одинъ изъ старцевъ начиналъ говоть сказки и небылицы и когда уставалъ, то его смѣлъ другой и т. д. Царь отъ этого скорѣе и крѣпче засылъ. У царя Василія Шуйскаго былъ бахарь Иванъ. Въ рвые годы царствованія Михаила Ѳедоровича баяли басни, качествѣ государевыхъ бахарей, Климъ Орефинъ, етръ Сапоговъ и Богданъ Путята. Не только въ царскихъ

хоромахъ, но и въ каждомъ зажиточномъ русскомъ
харь былъ въ старину необходимымъ лицомъ. Дол
бахарей состояла въ томъ, чтобы, когда боярину
или когда онъ ляжетъ въ постель, сказывать ему
повѣсти, прибаутки, чтобы боярина или развеселит
усыпить. У старозавѣтныхъ людей и въ началѣ нашего
лѣтія бахарь-сказочникъ бывалъ еще необходимымъ
номъ домашняго препровожденія времени [1]). Бахарь
отличіе отъ праотцевъ своихъ — гусляровъ, сказывал
распѣвали?) свои повѣствованія уже безъ сопровож
музыкальнаго инструмента. Въ одной изъ бѣлорусс
колядокъ «бахорь» изображается лѣнивцемъ въ д
немъ быту, какъ и подобаетъ профессіональному ра
чику и краснобаю:

Поѣхау бахорька по дрова, по дрова,
А яго сѣкира тупа, тупа,
А яго кобыла лѣнива, лѣнива.
Не стали дрова рубиться, рубиться,
Та задумау ёнъ жениться, жениться,
Щобъ за дѣтками лѣниться, лѣниться [2]).

Вмѣстѣ съ бахарями въ памятникахъ временъ Ми
ла Ѳедоровича упоминаются домрачеи, т. е. пѣвцы,
провождавшіе свои пѣсни звуками домръ. Имена домраче
встрѣчаются въ документахъ первой половины XVII в
Съ 1614 г. находимъ имя домрачея Богдана Путяты.
1626 г. во время свадебнаго праздника царя Михаила
доровича тѣшили его, между прочимъ, домрачеи Андрю
Ѳедоровъ да Васька Степановъ. Затѣмъ въ 30-хъ и 40-
годахъ XVII вѣка въ дворцовой потѣшной палатѣ являю
уже домрачеи слѣпые: Гаврило («потѣшникъ домрачей»
Яковъ, Лукьянъ Никифоровъ, Наумъ, Петръ («игрецы до
рачеи»), дѣйствовавшіе преимущественно на царицы
половинѣ и получавшіе, по приказанію царицы, деньги,
въ награду, то на домерныя струны. Искусство бахаря
домрачея соединялось иногда въ одномъ лицѣ. Такъ уп

---

[1]) Забѣлинъ. Дом. бытъ русс. царицъ. 433, 438 и сл.—Энциклопедическій Лекс
конъ. 1836 г. Т. V: «бахарь».

[2]) Безсоновъ. Бѣлорусскія пѣсни. 1871 г. I, стр. 84. Бахорь, у бѣлоруссовъ,
объясненію проф. Безсонова, значитъ: балагуръ, шутъ; волокита; баятель, обольст
вѣдунъ, дѣдъ.

Путый выше Богданъ Путята называется то бахаремъ, домрачеемъ. Независимо отъ бахарей и домрачеевъ тѣхъ Михаила Ѳедоровича и гусельники: гусли, слѣдственно, еще не совсѣмъ утратились изъ употребленія этихъ пѣвцовъ и сказителей, но, на сколько возможно судить по имѣющимся скуднымъ свѣдѣніямъ, въ значительной степени уступили мѣсто домрамъ. Г. Забѣлинъ высказываетъ весьма правдоподобное предположеніе что бахарь, домрачей и гусельникъ были представителями художественной литературы, свойственной потребностямъ и вкусамъ вѣка. Это были, по выраженію его, поэты, если и не творцы, за то хранители народнаго поэтическаго творчества. Но не можемъ сказать, прибавляетъ г. Забѣлинъ, что они не были и творцами, и есть положительныя свидѣтельства, что народная молва не только свято хранила поэтическую память о минувшемъ, но съ живостью воспринимала и поэтическіе образы современныхъ событій. Въ этомъ отношеніи къ насъ неоцѣнимы пѣсни, записанныя у одного англичанина въ 1619 г. Онѣ воспѣваютъ событіе только что совершившееся въ томъ году, пріѣздъ въ Москву изъ плѣна государева отца, Филарета Никитича; онѣ поютъ смерть недавняго народнаго героя Скопина-Шуйскаго (1610 г.), онѣ поютъ участь царевны Ксеніи Годуновой. (См. у Кирѣевскаго. Пѣсни. VI, 202, 203, 207). Мы можемъ основательно сказать, что это только незначительныя крохи того, чѣмъ обладало наше старинное пѣснотворство»[1]). Въ послѣдствіи мѣстѣ домрачеевъ и гусельниковъ встрѣчаемъ какъ при дворѣ, такъ въ особенности въ русскихъ знатныхъ домахъ, вошедшихъ въ моду въ XVIII вѣкѣ малорусскихъ бандуристовъ, о которыхъ я буду говорить въ другомъ мѣстѣ.

Вѣроятно сходны съ серьезными пѣснями только что осмотрѣнныхъ бахарей, домрачеевъ и гусельниковъ были пѣсни, въ одной изъ позднѣйшихъ былинъ именуемыя царскими: въ былинѣ «Молодецъ и Королева» русскій молодецъ попадаетъ въ плѣнъ къ Шведскому королю; отведенный въ конюшню,

[1]) Забѣлинъ. Дом. бытъ русс. царицъ. 434—435, 439—440.

Запѣлъ молодецъ пѣсни царскія,
Пѣсни царскія, пѣсни умильныя [1]).

Плѣнительныя пѣсни, которыя поетъ райская п
надъ чудесной кроватью, снаряженной царемъ Ва
Окульевичемъ, для прельщенія прекрасной царицы
моніи, называются также «царскими»:

На той на орленой грядочкѣ
Сидитъ птицынка райская,
Поетъ-то пѣсенки царскія [2]).

Пѣсни царскія, пѣсни умильныя (ср. «пѣсню зау
ную») плѣннаго молодца напоминаютъ Добрынину «
по унылънему, по умильнему», его «игру велик
Садкову «игру нѣжную», доставившія князю Влади
«утѣхи нѣжныя», царю морскому—«утѣхи вели
(ср. выше стр. 29, 30).

**бб. Игроки непрофессіональные. Дружинники. Добрыня Никитичъ. С
Годиновичъ. Соловей Будиміровичъ. Садко. Разные игроки-люб**

Приписывая стариннымъ скоморохамъ-гусельни
(«игрецамъ», «веселымъ молодцамъ») созданіе разсмо
ной выше «великой игры», воспоминаніе о которой с
нилось въ устахъ нашихъ сѣверныхъ сказителей были
игры, заключавшейся въ пѣніи, при звукахъ гуслей
сень, дошедшихъ до насъ, разумѣется не безъ измѣ
въ образѣ нынѣшнихъ былинъ, нельзя однако не зам
что не одни скоморохи, т. е. игроки по профессіи, до
считаться представителями этой игры: рядомъ съ п
сіональными гусельниками упоминаются въ былин
пѣвцы-любители изъ среды знатныхъ особъ княже
и боярскихъ родовъ, частью группировавшіеся около

[1]) Гильфердингъ. Онеж. был. 1321. — Въ одномъ изъ пересказовъ «Князь Волконскій и Ваня ключникъ», родственной по содержанію съ былиной «Молодецъ и Королева», Ваня (соотвѣтствующій «молодцу») восклицаетъ:

Ну подайте мнѣ гусельки звончатые,
Заиграю я пѣсню заунывную.

(Кирѣевскій. Пѣсни. V, 137).

[2]) Рыбниковъ. Пѣсни. II, 280.

ескаго престола — витязи-дружинники, частью
ie самостоятельно, сами образуя центры круж-
называемыхъ въ былинахъ дружинами. Такими
и была упоминаемые въ былинахъ: Добрыня Ни-
, Ставръ Годиновичъ, Соловей Будимiровичъ, на-
Садко, сдѣлавшiйся изъ простаго гусельника бога-
остемъ.

Добрыня

къ вышеприведенныхъ случаяхъ поетъ и играетъ
зѣ скомороха, въ который онъ нарядился, чтобы
нымъ войдти на свадебный пиръ. Онъ поетъ не только
е всякаго профессiональнаго игреца, но даже искус-
о превосходитъ скоморошескую игру: всѣ на пиру,
гроки-скоморохи, прiумолкли и заслушались, когда
ъ Добрыня,

Эдакой игры на свѣтѣ не слыхано,
На бѣлоемъ игры не видано [1]).

рыня и «до своего странствованiя занимался
», у него дома «гусельки яровчаты» лежатъ

Въ новой горенкѣ всѣ на столикѣ,

сятъ

Во глубокомъ погребѣ на гвоздикѣ.

одному изъ пересказовъ былины о Добрынѣ, гусли
ы были даже въ лукъ, изъ котораго онъ стрѣлялъ:

Въ тотъ тугiй лукъ разрывчатый, въ тупой конецъ,
Введены были гуселышки яровчаты [2]).

другаго пересказа видно, что Добрыня своей игрой
яхъ славился и до появленiя въ одеждѣ скомо-
огда заигралъ Добрыня-скоморохъ, дивились игрѣ
и и царевичи, короли и королевичи,

Еще не было молодаго гусельщика
Супротивъ Добрынюшки Микитица,

выше стр. 29.
бниковъ. Пѣсни. I, 135, 143, 158.

[illegible] (т. е. сынъ же Добр[illegible]
[illegible] Добрыни рибра [illegible] [1]).

Добрыня [illegible] былъ витязь, бога[illegible]
[illegible] является чудеснымъ д[illegible]
[illegible] [2]. Въ пути [illegible] говоритъ былина, [illegible]
[illegible] [illegible] стадо, въ томъ [illegible]
[illegible] а [illegible] [illegible],—

Ёдучи [illegible] [illegible],
[illegible] [illegible] красны берёзоньки,
[illegible] [illegible] Непру-рѣки:
[illegible] [illegible] Добрынино.
Такъ въ тѣ поры [illegible] Добрыня [illegible] [3]).

Въ другомъ мѣстѣ описывается пріѣздъ Добрын[illegible]
Кіевъ: онъ ѣдетъ «ездаечи» со слугою своимъ Тар[illegible]
пріѣзжаетъ ко двору Владимірову, остается здѣсь нѣ[illegible]
ко лѣтъ, а потомъ отправляется «погулять»; вслѣ[illegible]
тѣмъ начинаются разныя его похожденія и подвиги:

Ездаечи, ездаечи во чистомъ полѣ,
Какъ далѣ того за Украйной,
Какъ ѣдетъ поѣдетъ добрый молодецъ,
Сильный могучъ богатырь Добрыня.
А Добрыня вѣдь-то братцы Никитьевичъ,
А съ нимъ вѣдь ѣдетъ Тарпъ слуга.

(Добрыня прибываетъ въ Кіевъ ко двору Влади[illegible]

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго осударь князя Владиміра,
Три года Добрынюшка стольничалъ,
Онъ стольничалъ чашничалъ девять лѣтъ,
На десятый годъ погулять захотѣлъ...

Въ качествѣ богатыря, онъ рубитъ Чудь, Сор[illegible]
долгополую, Черкесъ, Калмыкъ съ Татарами и пр..
[illegible] Змѣя Горынчища, побораетъ бабу Горынкину и т[illegible]
Свое рожденіе, свои похожденія и разъѣзды Добрын[illegible]

[1]) Гильфердингъ. Онеж. был. 1030.
[2]) Кирѣевскій. Пѣсни. II, 11.
[3]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. XII, 41, 134 и сл., 240 и сл., 25

ъ на неоднократно упомянутомъ выше пиру, въ роли
оха. Онъ удивляетъ и восхищаетъ слушателей своей
но уже и раньше, въ качествѣ дружинника, онъ
ся въ этомъ отношеніи какъ великій мастеръ своего
«не было молодаго гусельщика супротивъ Добры·
Микитица».
имъ же музыкальнымъ искусникомъ былъ и дру-
ужинникъ,

Ставръ Годиновичъ.

ъ выводится въ былинѣ передъ мнимымъ посломъ,
Добрынѣ, въ качествѣ будто бы «веселаго молод-
и «загусельщика», т. е. скомороха, но на самомъ
ъ бояринъ, принимающій въ началѣ былины уча-
почестномъ пирѣ Владиміровомъ, вмѣстѣ съ про-
язьями, боярами и богатырями. Онъ попадаетъ въ
сть у князя за то, что похваляется своимъ дворомъ,
ми и свѣтлицами, которые будто бы не хуже го-
ева, по другому пересказу—своей молодой женой.
ръ приказываетъ сковать Ставра боярина и по-
его «въ погреба глубокіе». На выручку мужа яв-
его жена. Она пріѣзжаетъ ко Владиміру въ бога-
латьѣ посольскомъ, выдаетъ себя за грознаго посла
потой Орды и требуетъ «даней, выходовъ за двѣ-
ь лѣтъ». Владиміръ старается угодить послу и на
послѣдняго, нѣтъ ли у него кому въ гусли по-
, сначала велитъ вывести «веселыхъ молодцевъ»
агусельщиковъ», но игра ихъ не веселитъ посла.
наютъ о Ставрѣ боярынѣ:

Старъ Ставръ сынъ Годиновичъ,
Онъ мастеръ играть во гусли яровчаты,

ъ гораздъ играть въ гуселышки яровчаты.

олъ удовлетворяется Ставровой игрой и, прощая Вла-
«дани и выходы», проситъ пожаловать его «весе-
олодцомъ» [1]). И такъ Ставръ уже раньше, т. е.
учи членомъ дружины великокняжеской, извѣ-

Даниловъ. Древ. росс. стих 85 и сл.—Рыбниковъ. Пѣсни. II, 101, 111.

стенъ былъ какъ мастеръ играть въ гусли, и
слѣдовательно, быть сопоставленъ съ другимъ чле
жины, такимъ же мастеромъ—Добрынею. Не имѣя
непосредственныхъ указаній былинъ на то, что
Добрыня играли и пѣли за Владиміровымъ столо
чествѣ дружинниковъ, мы однако видимъ, что
зовались при Владиміровомъ дворѣ большою изв
какъ искусники и мастера игры непрофес
ные, т. е., по новѣйшему выраженію, были и
игроками-любителями; могли же при дворѣ узна
ство ихъ не иначе, какъ по игрѣ ихъ, разда
здѣсь, слѣдовательно, еще до отъѣзда изъ Кіева
и до заточенія Ставра.

Въ Несторовой лѣтописи читаемъ о «похва
кой», которую дали Андрею Боголюбскому дру
его отца послѣ войны 1149 г.: «мужи отни пох
даша велику, зане мужьскы створи паче всѣхъ
ту». Въ другомъ мѣстѣ лѣтописи говорится о «пѣс
ной», пѣтой князьямъ Галицкимъ Даніилу и Ва
ихъ побѣду надъ Ятвягами въ 1251 г.: «и пѣсн
пояху има, Богу помогшу има, и придоста со с
землю свою...»[1]). Это была очевидно хвалебна
возглашеніе славы князьямъ, какъ пѣли такову
гудецъ, пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ[2]), пѣвц
ники или веселые молодцы, величавшіе князя (
или боярина, хозяина). Въ первомъ изъ только ч
денныхъ свидѣтельствъ возгласителями похв
славы прямо называются дружинники; можетъ
же самое имѣло мѣсто и по отношенію къ князь
Даніилу и Василію, — лѣтопись умалчиваетъ о т
именно пѣлъ имъ «пѣснь славну». Славу князь
ствительно могли воспѣвать дружинники, между в
бывали столь искусные, прославленные игроки

Добрыня «повыигралъ» всѣхъ, отъ стараго до ма-
Ставръ «величалъ князя со княгинею» (ср. вы-
. 43, 45). — Въ позднѣйшемъ памятникѣ — «За-
ѣ»—складъ дружинной поэзіи, прославлявшей кня-
замѣчанію г. Хрущова [1]), обозначенъ выраженіемъ
ьныя словеса»: «Той бо вѣщій Боянъ, воскладая
атыя персты на живыя струны—читаемъ въ наз-
ь памятникѣ—пояше славу Русскыимъ княземъ...,
яя ихъ пѣсньми и гусленымі буйными словесы.
е восхвалю пѣсньми и гусленымі словесы
ина Русскаго, господина князя Дмитрія Ива-
ь и брата его князя Володимера Ондреевича» [2]).
обнымъ же, какъ Добрыня и Ставръ, непрофессіо-
мъ гусельникомъ является въ былинахъ и прибы-
въ Кіевъ изъ заморскаго города Леденца, на своихъ
хъ, съ цѣлью свататься на княженецкой (Влади-
) племянницѣ, Запавѣ Путятишнѣ, богатый и знат-
сть,

Соловей Будимірович.

ная игра Соловья описывается въ тѣхъ же стерео-
ъ выраженіяхъ, которыя примѣняются сказителями
ко всѣмъ вообще искуснымъ гусельникамъ (ср. вы-
30 и сл.); новой чертой оказывается лишь то, что
і то увеселяетъ игрой свою матушку, то самъ за-
ся со своею дружиною:

Играетъ Соловей въ звончаты гусли...,
Звеселяетъ государыню онъ матушку,
Молоду Ульяну Васильевну.

древне-русскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ. 1878 г. Стр. 209.
вѣстія II отд. Имп. Акад. Наукъ. VI, 345.—Въ Воскресенской лѣтописи подъ
лн. собр. русс. лѣт. VII, 151) читаемъ о пѣніи славы князю Александру,
щеніи его въ городъ Псковъ, послѣ побѣды его надъ Нѣмцами и Чудью: «яко же
великій князь Александръ къ граду Пскову, и срѣтоша его съ кресты игу-
ове въ ризахъ и народъ многъ предъ градомъ, поющи Господеви славу
му князю Александру Ярославичу». Лѣтописецъ даже сообщаетъ текстъ
рый пѣлъ при этомъ случаѣ народъ: «Пособивый, Господи, кроткому Давыду
иноплеменника и вѣрному князю нашему оружіемъ крестнымъ, свободи градъ
ь иноязычныхъ и отъ иноплеменникъ рукою великого князя Александра Яро-
Здѣсь славленіе князя получило характеръ религіознаго гимна, благодар-
олитвы, въ исполненіи которой участвовали и народъ и духовенство.

Дальше сущность игры точнѣе обозначена:

Пѣсни поетъ и гусли играетъ
Младъ Соловей сынъ Будимировичъ.

Забава его съ дружиною описывается такъ:

Тутъ-то въ терему скачутъ-пляшутъ,
Пѣсни поютъ, въ гусли наигрываютъ.
Тутъ-то младъ Соловей сынъ Будимировичъ
Со своей дружинушкой хороброей;
Онъ сидитъ Соловей на стулѣ черленоемъ,
На черленоемъ стулѣ, золоченоемъ,
Играетъ молодецъ, забавляется
Со своими дружинами хоробрыми [1]).

Въ терему пріѣзжаго знатнаго гостя идетъ пиръ, … лится его дружина, т. е. прибывшіе съ нимъ «гости … рабельщики и цѣловальники любимые», скачутъ, пляш… поютъ пѣсни, и среди дружины, на золоченомъ стулѣ, сид… и играетъ въ гусли и пѣсни поетъ самъ Соловей. И… и могучій богатырь Добрыня, и бояринъ Ставръ, изв… ный и богатый купецъ Соловей изображены въ бы… нахъ, какъ прославленные игроки.

Остается назвать еще богатаго Новгородскаго гост…

Садко,

который, правда, пока не разбогатѣлъ, былъ профессіона… нымъ гусельникомъ и ходилъ играть по пирамъ (см. вы… стр. 7), но, и сдѣлавшись купцомъ и разбогатѣвъ, не … кинулъ своего искусства. Любовь его къ игрѣ выражает… между прочимъ въ томъ, что, когда выпалъ ему жреб… быть выброшеннымъ въ море, онъ еще въ послѣдній раз… передъ смертью, хочетъ поиграть въ гусли и обращает… къ своимъ людямъ:

Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Давайте мнѣ гуселки яровчаты
Поиграть-то мнѣ въ остатнее:
Больше мнѣ въ гуселки не игрывати [2]).

---

[1]) Рыбниковъ Пѣсни. I, 319, 331.
[2]) Тамъ-же. I, 377.

да же приходится ему спускаться въ море, онъ бе-
сли съ собой.
ателями, представителями «веселой игры», слѣды
сохраняются еще въ былинахъ сѣверно-русскихъ
лей, были, слѣдовательно, кромѣ профессіональныхъ
ъ-скомороховъ, еще и игрецы непрофессіональные,
или бояре-дружинники, знатные гости и вообще
ые талантомъ частные люди, не дѣлавшіе своего
ва предметомъ промысла, какъ скоморохи.
ра», т. е. пѣніе пѣсень и инструментальная игра,
составляла любимое занятіе частныхъ людей, по-
шеупомянутымъ дружинникамъ и вообще знатнымъ
ъ, не практиковавшимъ игры въ качествѣ ремесла,
жнявшимся въ ней какъ любители. Въ русскихъ
ихъ пѣсняхъ неоднократно поется о миломъ, о же-
есущемъ, налаживающемъ гусли, играющемъ на гус-
ногда и на другихъ инструментахъ), о хозяинѣ дома,
омъ мужѣ, о пріѣзжемъ гостѣ (купцѣ), о казакѣ, о
и молодомъ, играющихъ на гусляхъ, на гудкѣ,
сѣ, на скрипкѣ и т. п , напр.:

а) О хозяинѣ дома:

— По Дунаю по рѣкѣ
По бережку по крутому
Лежатъ гусли неналаженные,
Коляда!
Кому гусли налаживати?
Коляда!
Наладить гусли
Зензевѣю Андреяновичу
Коляда!
и т. д.

б) О молодомъ мужѣ:

А у нихъ (молодыхъ) въ головахъ
Звончаты гусли лежатъ.
И кому въ гусли играть?
Играть въ эти гусли
Ефиму молодцу,
Ему тѣшить, утѣшать

Молоду свою жену
Оксиньюшку свою душу.

Или:

Подарилъ меня государь-батюшка женою,
Умною женою и разумною:
Я за гудокъ, а она за пѣсни,
Я въ гудокъ играти, а она плясати...

в) Объ удаломъ молодцѣ.

— ...Позывали удальца
. . . . . .
Какъ во пирѣ пировать,
Во бесѣдушку сидѣть,
На игрище поиграть...
Заигралъ онъ во гусли
Заигралъ онъ во звончатые свои...

в) О любезномъ молодцѣ:

Идетъ любчикъ мой горой,
Несетъ гусли подъ полой.
Самъ въ гусли играетъ...

г) О старомъ и молодомъ:

Во бесѣдушкѣ сидитъ старой
Ой люли, постылой!
На колѣняхъ держитъ гусли
Ой люли, лубяные!
На гуслицахъ струны
Ой люли, мочальныя!
Старой въ гусли заиграетъ...

Отъ его игры сердце ноетъ, ноги подломились и пр.; описывается игра молодаго:

Во бесѣдушкѣ сидитъ молодой
Ой люли, мой любезной!
На колѣняхъ держитъ гусли
Ой люли, звончатые!

На гуслицахъ струны
Ой люли, золотыя!
Молодой въ гусли заиграетъ...

игры сердце радо, ноги расплясались и пр.

д) О боярахъ (свадебныхъ гостяхъ):

Бояре въ трубу трубятъ
Молодые въ золоченую.

сказанное по поводу этой игры выше, стр. 24—25).

е) О заѣзжемъ гостѣ (купцѣ):

...Заѣзжій гость,
Онъ во дудочку игралъ,
Онъ глядѣлъ, смотрѣлъ
Невѣсту себѣ.

ж) О Донскомъ казакѣ:

гулялъ Донской казакъ, самъ во скрипку игралъ,
игралъ, выигрывалъ, дѣвокъ выбиралъ [1]).

казкѣ объ Иванѣ Пономаревичѣ читаемъ: «Нача
ономаря) въ гусли играть преславны игры, і уди-
рской посолъ игранию тому, и красотѣ, і разу-
ремудрости». Изъ поученія митрополита Даніила
ваемъ, что и лица духовнаго званія упражня-
игрѣ: «Нынѣ же сутъ нѣцыи отъ священныхъ,
ъ сіи пресвитеры и діакони, vподіакони, и
и пѣвци, глумяся, играютъ въ гусли, въ
ры, въ смыки... и въ пѣснехъ бѣсовскихъ...[2]).
ичіе исходныхъ точекъ игрецовъ-любителей: дру-
овъ и вообще лицъ, стоявшихъ на болѣе высокомъ
номъ уровнѣ, съ одной стороны,—и игрецовъ про-

аровъ. Сказ. русс. нар. I. III, 17, 30, 41, 50, 97—98, 99, 179, 262; ср.
0 и др.—Ср. выше стр. 23: «Перенялъ гусли свѣтъ Ивановичъ,—онъ
ать, во всю ночь не спать», также стр. 54: слова Вани ключника: «ну по-
гусельки звончатые, заиграю я пѣсню заунывную».
. стар. русс. лит. II, 319; IV, 201.

фессіональныхъ, снискивавшихъ себѣ пропитан
искусствомъ или вѣрнѣе —ремесломъ,—съ другой
было до извѣстной степени отзываться и на харак
игры. Въ то время какъ игроки непрофессіона
также и профессіональные, проявлявшіе свое искус
княжескихъ дворахъ, могли свободно слѣдовать
идеаламъ, игроки профессіональные непридворные,
лявшіеся въ толпу народную, отъ которой получал
ства къ жизни, невольно должны были подлаживать
болѣе грубые, чѣмъ въ княжескомъ кругу, вкусы
бованія массы, дѣлались въ полномъ смыслѣ слова «
никами», увеселителями толпы, при чемъ естествен
ихъ должна была принимать болѣе вульгарный, площ
характеръ, утрачивая величіе стиля игры придв
Надо полагать, что различіе въ характерѣ игры т
другихъ было приблизительно то же, какое представля
западѣ искусство трубадуровъ (знатныхъ, независи
пѣвцовъ-поэтовъ) съ одной стороны и жонглёровъ
цовъ и потѣшниковъ по ремеслу, проявлявшихъ сво
кусство не только при княжескихъ дворахъ, но и на
цахъ и площадяхъ въ народѣ)—съ другой [1]). Впроч
какъ видно изъ былинъ, и при великокняжескомъ д
не одно величіе стиля цѣнилось въ искусствѣ игр
едва ли не выше еще почиталось веселье игры.

г. Веселая игра.—Плясовая игра.

Князь Владиміръ особенною почестью награжда
Добрыню-скомороха за игру его веселую, сажая его
столъ рядомъ съ собою:

Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
«Ахъ ты ей, удалой скоморошина!
«Опущайся изъ печки изъ запечки,
«Садись-ко съ нами за дубовъ столъ хлѣба кушати,

[1]) Ср. Fétis. Histoire générale de la musique. 1869–1876. T. V, p. 8, 18–1

танемъ бѣлыя лебедушки мы рушати.
а твою игру за веселую
амъ тебѣ три мѣста любимыихъ:
ервo мѣсто сядь подли меня,
руго мѣсто супротивъ меня,
А третье мѣсто, куда самъ захошь».

Ты садись-ко съ нами на почестной пиръ на золотъ стулъ,
А въ особину гдѣ мѣсто е понравится» [1]).

ъ одномъ изъ многочисленныхъ пересказовъ былины рынѣ, сей послѣдній велитъ принести на свадебный «гуселышка яровчаты»,

Звеселить свое сердечко богатырское,

ѣе, какъ заигралъ Добрыня въ гусли,

Звеселилъ-то онъ ласковаго князя да Владиміра..,

Всихъ да на пиру и извеселилъ,
И всихъ да на пиру игрой утѣшилъ вѣдь [2]).

оигравъ на свадебномъ пиру и приведя слушателей зумленіе и восторгъ, Добрыня проситъ княгиню, чтобы поднесла ему, скоморошинѣ, чару зелена вина въ полведра, примолвивъ:

«Еще повеселяе стану играть въ гусли звончатыя» [3]).

Въ другомъ пересказѣ той же былины, на Олешиной ьбѣ

Вси въ гудки играютъ, и вси увеселяютъ [4]).

Въ былинѣ о Ставрѣ Годиновичѣ, по просьбѣ посла ускаютъ на пиръ загусельщиковъ:

Всѣ они играютъ—все не весело..,

Рыбниковъ. Пѣсни. I, 136.—Гильфердингъ. Онеж. был. 136.
Гильфердингъ. Онеж. был. 135, 136, 179, 608.
) Рыбниковъ. Пѣсни. II, 19.
) Кирѣевскій. Пѣсни. II, 13.

или, по другому пересказу:

Всѣ на пиру пьяны-веселы,
Столько (=только) не веселъ былъ грозенъ посолъ з
Говоритъ какъ солнышко Владиміръ князь:
«Кто бы могъ развеселить
«Грозна Посла да Васильюшка?..»
— Развеселитъ ли одинъ старъ Ставеръ...
— Онъ мастеръ играть въ гусли яровчаты [1]).

Чурила Пленковичъ, поступивъ въ постел
князю Владиміру, имѣлъ обязанностью спотѣш
увеселять игрою княжескую чету:

Стелетъ (Чурила) перину пуховую,
Кладываетъ зголовьице высокое,
И сидитъ у зголовьица высокаго,
Играетъ въ гуселышки яровчаты,
Спотѣшаетъ князя Владиміра,
А княгиню Опраксію больше того [2])

Точно такъ и Соловей Будиміровичъ увеселяет
свою матушку:

Играетъ... въ звончаты гусли..,
Звеселяетъ государыню онъ матушку
Молоду Ульяну Васильевну [3]).

Нельзя, разумѣется, во всѣхъ только что п
ныхъ случаяхъ принимать слова: «развеселять»,
лять» и т. п. въ буквальномъ смыслѣ,—они могутъ в
и доставленіе художественнаго удовольствія вообш
давала и «великая игра» тѣхъ же гусельниковъ
нѣкоторыхъ случаяхъ уже очевидна склонность ав
линъ къ выраженію данными словами разгульна
сонаго, близкаго къ пьяному веселья: «всѣ
пьяны-веселы», невеселъ одинъ посолъ, надо
веселить — говорится въ былинѣ, средствомъ
служитъ мастерская игра стараго Ставра. Добрк
сить угостить его чарой вина, тогда еще по

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. II, 100, 110.—Ср. Гильфердингъ. Онеж.
[2]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 265.
[3]) Тамъ же: I, 319.

рать (ср. выше стр. 65, 66). Дуда, или волынка, наиболѣе употребительныхъ музыкальныхъ ору- нѣйшихъ скомороховъ, въ малорусской свадебной сской плясовой пѣсняхъ называется веселухой е стр. 75). По словамъ другой малорусской пѣсни, дудѣ способна разгонять горе, развеселять: дѣ-

За три копы селевня продала,
А за копу дударика наняла:
«Заграй, заграй, дударику на дуду,
«Нехай же я свое горе забуду [1]).

елая, въ буквальномъ смыслѣ слова, игра есте- связывается съ пляской. Такъ въ терему, гдѣ ется съ дружиной и играетъ Соловей Будимиро- ляшутъ и поютъ:

Тутъ-то въ терему скачутъ-пляшутъ,
Пѣсни поютъ, въ гусли наигрываютъ [2]).

ъ вси скачутъ, пляшутъ оны, пѣсенки поютъ,
музы́ки да во скрыпочки наигрываютъ [3]).

рова игра увлекаетъ къ пляскѣ мнимаго посла: натягиваетъ струночку отъ Кіева, другую отъ Царя- т. д., припѣваетъ припѣвочки изъ за синя моря,

ъ сталъ тутъ грозенъ посолъ Васильюшка похаживати,
ъ онъ поплясывати,
ъ сталъ да выговаривать... [4])

со своей игрой въ подводномъ царствѣ «спотѣ- и «развеселилъ всѣхъ» на почестномъ пиру [5]); прямо возбуждаетъ къ пляскѣ:

талъ онъ (Садко) въ гуселышки поигрывать...
талъ царь Водяникъ поскакивать,

ецъ. Сборникъ украинскихъ народныхъ пѣсень. Вып.III, № 9.
никовъ. Пѣсни. I, 331.
ьфердингъ. Онеж. был. 287.
никовъ. Пѣсни. II, 101.
ъ же: 386, ср. 878.

Беретъ онъ (Садко) гусельшки яровчаты:
Тутъ почтенный царь распотѣшился
И началъ плясать по палаты бѣлокаменной,
Онъ полами бьетъ и шубой машетъ,
И шубой машетъ по бѣлымъ стѣнамъ [2]).

Въ плясовой пѣснѣ «ходила младешенька по
ту» изображается домашнее веселье, подъ звукъ
исполнен:

У меня квартирушка веселая...
Играютъ два хлопчика на гуслях,
А и добрый молодецъ на скрипицѣ;
Ты будешь, душа моя, танцовати,
А и добрый молодецъ припѣвати [3]).

(Малорусская плясовая пѣсня воспѣваетъ дуду
шанку), какъ вдохновительницу ногъ при пляскѣ:

Ой бенъ дуды, бенъ дуды.
Ходитъ ножки на туды;
А якъ дудку почуютъ,
Сами ноги танцуютъ [4]).

Игра въ гусли, по словамъ былинъ, приводитъ
движенія и стихіи: Садко-гусельникъ, соскучивши
что его не зовутъ на пиры играть, отправляется къ И
жено-озеру, садится на горючъ-камень и начинаетъ игра
Онъ играетъ, что игры море приходитъ въ волнені
песокъ поднимается со дна:

Ай волнье ужъ въ озерѣ какъ сходилосе,
А какъ вѣдь вода съ пескомъ топерь смутилосе [5]).

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 369.
[2]) Кирѣевскій. Пѣсни. V, 39.
[3]) Римскій-Корсаковъ. Сборн. русск. нар. пѣс. I, № 37.
[4]) Шейнъ. Бѣлорусс. нар. пѣс. 265.
[5]) Гильфердингъ. Онеж. был. 385.

Эвская, по мнѣнію средневѣковыхъ, отчасти и позд-
ъ, христіанскихъ писателей, неотразимая сила
к, т. е. игры на инструментахъ, невольно увле-
слушателей въ пляску, изображена въ нѣкото-
казаніяхъ и поученіяхъ, направленныхъ противъ
этной этимъ писателямъ, какъ наслѣдія язычества,
: въ Несторовой лѣтописи (по Лаврентьевскому
, подъ 1074 г.) описано видѣніе великаго постника и
ика, преподобнаго Исаакія, которому явились бѣсы,
нные музыкальными орудіями; противъ звуковъ по-
хъ не устоялъ и самъ Исаакій: «Возмѣте сопѣли,
и русли и ударяйте; атъ ны Исакій спляшеть»,
алъ старшій бѣсъ, «и удариша въ сопѣли, въ гусли
ы, начаша имъ играти; и утомивши и́, оставиша
жива и отъидоша, поругавшеся ему»... «Се уже
лъ мя еси былъ, дьяволе», воскликнулъ въ по-
зіи Исаакій, намекая на увлекшую его въ пляску
совскую[1]). Аналогичную картину изображаетъ одна
сень Мензелинскаго уѣзда (Уфимской губерніи).
ьѣ лежитъ старица, слуга возвѣщаетъ ей, что къ
звонятъ, но старица не въ силахъ встать: руки и
нея болятъ, перекреститься не можетъ. Во вто-
ловинѣ той же пѣсни картина мѣняется:

Въ кельи старица лежитъ,
Передъ ней слуга стоитъ,
Таки рѣчи говоритъ:
«Ужъ ты старица встань,
«Спасеная душа встань,
«Скоморохи вонъ идутъ,
«Всяки игры несутъ».
— Ужъ и встать то бы мнѣ,
— Поплясать-то бы мнѣ,
— Стары ноги поразмять. — [2]).

ин. Собр. Русс. Лѣт. I, 82,84.—Въ житіи св. Исаакія видѣніе это описы-
ь: явились къ нему бѣсы въ видѣ прекрасныхъ юношей, «ихъ же лица бяху
», и «удариша (бѣсы) въ сопѣли, тимпаны и гусли, Исакія же поемше, на-
имъ скакати и плясати на многъ часъ, и утрудивше его, оставиша еле
, и тако поругавшеся ему исчезоша». (Печер. Патер. 110).
льчиковъ. Крест. пѣс. № 29.

Подъ игры скомороховъ немощь старца, с
исчезаетъ, и она готова пуститься въ пл

На одной изъ народныхъ картинокъ изоб
(=скоморохъ) и шутиха, оба въ шутовских
Шутъ играетъ на волынкѣ, а шутиха, подб
цуетъ. Въ подписанномъ текстѣ, между пр
ха выражается объ игрѣ шута такъ: «куда и
зыка пріятна и киласанію по ней весма

Въ словѣ «о Недѣлѣ» Епископа Евсевія (
изображается народное игрище въ воскресный
ните въ этотъ день на игрище, говоритъ авто
«и обрящете ту овы гудущи, овы пляшущ
словѣ «о Русаліяхъ» описывается, какъ по у
человѣкъ «скача съ сопѣлми, и съ нимъ идяше
народа, послушающе іего, ини же плясаху и
Ниже мы встрѣтимъ описаніе неотразимаго, воо
щаго къ скаканію и плясанію дѣйствія на толп
ную игры въ бубны, сопѣли и струны—въ п
Памфила (1505 г.), игры гудцевъ и скомороховъ
постановленіяхъ Стоглава (1551 г.).

Понятно, что искусники или потѣшники, спос
такъ «взвеселять» слушателей, получили издавна
теристическое прозвище «веселыхъ людей», «весе
молодцовъ» (или «ребятъ»). Есть даже основаніе
гать, что и старинные исполнители «великой игры»
гнушались «веселой игры»; напротивъ, послѣдняя сл
ла для выраженія страстей, разгула, душевныхъ
вовъ пѣвца-гусельника, нерѣдко почерпавшаго сво
селье и вдохновеніе изъ «чары зелена вина въ по
ведра» (ср. выше стр. 65). О томъ, какъ въ одномъ
могло соединяться искусство великой и веселой (п
вой) игры, можемъ судить, независимо отъ вышеп
денныхъ примѣровъ изъ былинъ, гдѣ названнымъ
нымъ гусельникамъ приписывается то великая, то

---

[1]) Ровинскій. Русскія народныя картинки (Сборникъ отд. русск. языка весности Имп. Акад. Наукъ. т. XXIII). Кн. I, стр. 317.
[2]) Срезневскій. Свѣд. и замѣт. XLI, 34.
[3]) Пам. стар. русс. лит. I, 207.

[1]), еще и по слѣдующему пересказу былины о
играющемъ сперва «по унильнему, по умиль-
вслѣдъ за тѣмъ—«по весёлому»:

Становился тутъ Добрыня ко порогу,
Повелъ онъ по гуселышкамъ яровчатымъ,
Заигралъ Добрыня по унильнёму,
По унильнёму, по умильнёму.
Какъ всѣ то вѣдь ужъ князи и бояри ты,
А ты эти русійскіе богатыри
Какъ вси они тутъ пріослушались.
За тымъ заигралъ Добрыня по весёлому;
Стало красно солнышко при вечери,
А сталъ то тутъ почестной пиръ при вéсели...
Игратъ-то всё Добрыня по весёлому,
Какъ всѣ оны затымъ тутъ розскакалисе,
Какъ всѣ оны затымъ вѣдь росплясалисе,
А скачутъ пляшутъ всѣ промежу собой [2]).

ой же переходъ пѣвцовъ отъ серьезной или ве-
игры къ веселой засвидѣтельствованъ Олеаріемъ.
утые имъ два ладожскіе музыканта (домра-
и гудочникъ, см. стр. 45), за столомъ иностран-
ословъ воспѣвавшіе Государя Михаила Θедо-
, т. е. исполнявшіе «великую игру», когда «за-
, что ихъ хорошо приняли (послы), начали—по
Олеарія—выдѣлывать разныя шутки и пустились
ь (мы тотчасъ увидимъ, что скоморохи-музыкан-
ѣдко въ одно и тоже время были и плясунами)
ь способомъ, какимъ пляшутъ у нихъ (Русскихъ)
зенно мужчины и женщины» [3]).
ъ выше, на основаніи дошедшихъ до насъ въ бы-
свѣдѣній о «великой игрѣ» скомороховъ-гусельни-
ы пришли къ заключенію, что, по крайней мѣрѣ

рыня награждается Владиміромъ то за великую, то за веселую игру; Ставръ
про Царьградъ, про Кіевъ и т. п., величаетъ князя и княгиню, то своей
аетъ посла къ пляскѣ; въ терему Соловья Будиміровича слышится его игра
дъ, Ерусалимъ и проч., и тутъ же «скачутъ-пляшутъ» при звукѣ пѣсень
игры; царь морской въ одномъ случаѣ называетъ Садкову игру «нѣжной»,
ей ему «утѣхи великія», а въ другомъ—онѣ подъ звуки Садковой-же игры
ъ пляску со всей своей свитой.
ьфердингъ. Онеж. был. 250.
роб. опис. путеш. въ Москов. 26.

отчасти имъ можетъ быть приписываем
бы типъ (къ которымъ мною причислены
или ихъ типы-сказки, такъ нынѣ, послѣ
конныхъ навѣтовъ, возбуждаемыхъ игров
ство и разгулъ, а непосредственномъ от
ровой игры къ плясками и сопровождающ
описаннымъ пѣснямъ, о тѣснѣйшей связи ея
ними. Само собою возникаетъ предполож
морскихъ кобылицъ и скоморохами многихъ разгуль
пѣсенъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, быть м
и до нашего времени дѣйствительно въ ч
пѣсенъ, разгульныхъ, плясовыхъ пѣсен
тѣсно, напр., стоящія несомнѣнно въ близкой с
пѣсенъ по скоморохамъ, напр. пѣсни «о Весел
«скоморошествѣ, по Ростѣ Тетентьищѣ» и т. п., в
«скоморошествѣ поповскаго» по типической формѣ и съ очевиднымъ
«скоморошествѣ поповскаго» проказы и продѣлки
«скоморошествѣ поповскаго» пѣсни, въ
«скоморошествѣ поповскаго» молодцахъ», строющихъ
«скоморошествѣ поповскаго» (ср. выше). кромѣ того плясовыя
«скоморошествѣ поповскаго» пѣсни, изъ которыхъ вообще неоднократно гов
«скоморошествѣ поповскаго» пѣсни, гуслях. скрипкѣ, пр
«скоморошествѣ поповскаго» пѣсни, балалайкѣ, гуслях. скрипкѣ, пр
«скоморошествѣ поповскаго» пѣсни, сдѣ вообще неоднократно гов

ый мотивъ вплетается и въ шуточную, снабженную же припѣвомъ: «люли», плясовую же пѣсню, ой проявляется необузданная до нахальства веселость, столь свойственная скоморохамъ. Слова пѣсни влились въ уста молодухѣ:

Срѣжу съ березы три пруточка,
Люли, люли, три пруточка [1]).
Сдѣлаю три гудочка,
Четвертую балалайку,
Стану въ балалайку играти,
Пойду на новыя сѣни,
Стану я стараго будити,
Встань мой старый—пробудися,
Вотъ тебѣ помои—умойся,
Вотъ тебѣ опучи—утрися,
Вотъ тебѣ лопата—помолися,
Вотъ тебѣ камень—удавися [2]).

ія дерева, чтобы сдѣлать изъ него гусли, весьма распространенъ въ пѣсняхъ ихъ, такъ и западныхъ Славянъ, при чемъ этотъ мотивъ въ западно-славянскихъ связывается съ другимъ, миѳическимъ—предварительнымъ превращеніемъ срубаемое дерево, напр.:

(*Моравск.*:) Putovali hudci,
Tři švarni mládenci.
Putovali polem,
Rozmlúvali spolem.
Uhledli tam drěvo,
Drěvo jaborové
Na husličky dobrě...

l. Moravské národní písné. № 146.—Ср. Koželuchа. Kytice z narodních písní i valachův. 1874. № 46.)

(*Словацк.*:) Išli hudci horou,
Horou javorovou.
Našli drevo krásno
Na husličky hlasno...

nské spevy. vyd. priat. slov. spevov. 1880. № 53.—Ср. Kollar. Narodnie 1834—1835. II, 4.)

(*Чешск.*:) Vandrovali hudci,
Dva pěkni mládenci и т. д.

еп. Pjsné národnj w Čechách. 1842—1845. Ш, 221.)

ъясняется ли распространенность въ пѣсняхъ даннаго мотива странствованія», «вандрованія») «гудцовъ» или «веселыхъ молодцовъ», и срѣзываніе дерева, дѣйствительнымъ странствованіемъ по славянскимъ землямъ «прохожихъ ъ» или «гудцовъ», изъ пѣсень которыхъ этотъ мотивъ могъ переходить въ наши, гдѣ и сохранился до нашего времени?
ипѣвъ послѣ каждаго стиха.
мскій-Корсаковъ. Сбор. русс. нар. пѣс. I, № 39 —Ср. Сахаровъ. Сказ. I. III, 85.

[illegible]

[illegible] 2).

[illegible]

Въ плясовой пѣснѣ, [illegible] г. Рим[illegible]
комымъ, изображается обучение [illegible] по м[illegible]
сельникъ «золотой дѣвкѣ [illegible] не [illegible]
въ кафтанѣ», а «въ полушелкомъ халатѣ»,

Пой полно играть гусли,
Пой право звонкіе
«Наиграйте мои гусли,
«Наиграйте молодцы»...

Своеобразно одѣтый гусельникъ, обращающійся [illegible]
имъ гуслямъ» (ср. выше: «мои волынки»), воспѣ[illegible]
въ плясовой пѣснѣ, представляетъ вѣроятно воспѣ[illegible]
ніе о скоморохѣ-гуслярѣ, и самая пѣсня, воспѣвающ[illegible]
«веселыхъ», о «Гостѣ Горотьницѣ», прославляющимъ [illegible]
казы и подвиги скоморохи, можетъ быть предпол[illegible]

---

1) Припѣвъ послѣ каждаго двустишія.
2) Балакиревъ. Сбор. русс. нар. пѣс. № 25.
3) Сбор. русс. нар. пѣс. I, № 26.

ислена къ категоріи пѣсень, сближающихся съ
ѳмороховъ.
цая малорусская свадебная пѣсня такъ и про-
та разгулявшагося скомороха-дударя, восхва-
терянную свою дуду:

На поповскомъ лугу, ихъ! вохъ!
Потерявъ я дуду, ихъ! вохъ!
То не дудка была, ихъ! вохъ!
Веселуха была, ихъ! вохъ! [1]).

венной бѣлорусской плясовой пѣснѣ, гораздо
ой, повторяется тотъ же мотивъ: У отца три
вый пасетъ овецъ, второй плететъ «ходаки»
етій—дударь. Послѣдній поетъ, подобно мало-
дарю предыдущей пѣсни:

Якъ повѣсиу я дуду
Да й на зеленомъ лугу,
Моя дудка звалилася,
На кусочки разбилася.
Чи ня дудка была,
Вяселушка была,
Вяселила меня
На чужой сторонѣ [2]).

д. Скоморохи плясуны.

зеденныхъ выше свидѣтельствъ видно, что ско-
ирахъ и собраніяхъ играли на инструментахъ,
ко возбуждая своей «веселой игрой» присут-
къ пляскѣ. Упоминаемая и порицаемая въ ста-
мятникахъ «плясба» на пирахъ и свадьбахъ,
происходила подъ звуки скоморошьей игры и
пѣсень: «плясаніе» на пирахъ нерѣдко назы-
тѣ съ «играніемъ» и «гуденіемъ». «Играніе

Сбор. укр. нар. пѣс. III, № 2.
Бѣлорусс. нар. пѣс. 265.

и плясаніе и гуденіе входящемъ въ
ла). да не осквьрнять имъ чюжьства в
ніемь». предписывается іерейскому чину
митрополита русскаго [1]). Кириллъ Туров
противъ плясанія на пиру. и на свадьба
лицахъ. и на трапезахъ, и на улицахъ [2]
саніемъ и смѣхомъ говорится въ уста
постѣ» (въ Дубенскомъ сборникѣ правилъ и
а въ правилахъ «отъ Левгитика» (изъ тог
читаемъ: «крестіаномъ позваномъ бывшим
подобаетъ плескати (=бить въ ладони или
или плясати» [3]). Душою большинства этих
равно и плясовыхъ увеселеній, о которыхъ у
выписанныхъ раньше (стр. 70) свидѣтельст
разумѣется, скоморохи, необходимые участ
и свадебныхъ торжествъ, нерѣдко сами пуск
скачъ и въ пляску. Я упомянулъ выше (стр.
ней фрескѣ Кіевско-Софійскаго собора, на кото
жены пляшущіе музыканты (одинъ играющ
тѣ, другой — на тарелкахъ). Въ словѣ о русал
рится о человѣкѣ, скакавшемъ съ сопѣлми, т
савшемъ сопѣльникѣ (музыкантѣ) или скомо
повѣсти «о пляшущемъ бѣсѣ» (XVI в.) старецъ
ваетъ, что видѣлъ «отрока въ скомрашь одеж
одѣтаго скоморохомъ, который передъ нимъ «нача
ти» вопрошая его: «старче! добро-ли я пляшу?»
меонъ Юродивый, котораго, по словамъ жизнеописа
(по рукоп. XIV в.), граждане называли игрѣцомъ
скоморохомъ, плясалъ на игрищѣ [5]). По опредѣленію
строя (XVI в.), дѣло скомороховъ — «плясаніе и с
пѣсни бѣсовскія» [6]). Плясцы, свирѣльники, гусел
и смычники упоминаются Паладіемъ мнихомъ; пля
и волынщики называются рядомъ, въ качествѣ грѣшни
въ русскихъ духовныхъ стихахъ [7]); о пѣсняхъ пляс

---

[1]) Русск. достопам. I, 95.
[2]) Пам. росс. слов. XII в. 94.
[3]) Срезневскій. Свѣд. и замѣт. LVII, 312, 319.
[4]) Пам. стар. русс. лит. I, 202, 207.
[5]) Срезневскій. Древніе славянскіе памятники женскаго письма. 222.
[6]) Гл. 26.
[7]) См. у Веселовскаго. Розыск. въ обл. русс. дух. стих. VII. II, 197.

овъ говорится въ Стоглавѣ [1]). Князь Даніилъ
у, бывшій въ Москвѣ, въ качествѣ посла отъ
Максимиліана II, въ царствованіе Іоанна Грозывая московскіе нравы, говоритъ, что на свадьпамъ не дозволялось водить, взявшись за руки, вмѣстѣ съ дѣвушками, такъ какъ это подавало къ разжиганію страстей: «одни только гистріо-riones, т. е. скоморохи), выгоды ради, исполняючно нѣкоторыя пляски съ нелѣпыми тѣлодвиже-. Кельхъ разсказываетъ, что на происходившей въ свадьбѣ Магнуса Голштинскаго съ русской княжіей (въ 1573 г.) присутствовалъ самъ царь Иванъ вичъ, который былъ очень веселъ и, въ честь нѣ гостей, устроилъ разнообразныя и отчасти срамски (vielerley und eines theils schändliche Täntze e, т. е. вѣроятно велѣлъ плясать скоморохамъ) [3]). кахъ въ «машкарахъ» (т. е. въ маскахъ), копредавался, вмѣстѣ со скоморохами, царь Іоаннъ вичъ, свидѣтельствуетъ князь Курбскій [4]). При няжескихъ дворахъ русскихъ встрѣчаются и спеія плясицы, представлявшія собою одинъ изъ видовъ шества [5]). Вечеринки московскихъ жителей, по словаскѣвича (1611 г.), оживлялись плясками и кривии шутовъ («блазней») [6]). О пляскахъ скомороховъ ся и въ Наказной памяти патріарха Іоасафа (1636 г.): вающе... скомрахомъ... руками плескати и пля-). Ладожскіе музыканты-скоморохи, упоминаеаріемъ (см. выше стр. 71), сперва славили царя, ъ пустились плясать. Тотъ же авторъ говоритъ о ныхъ пляскахъ странствующихъ русскихъ коме-

---

93.
Prinz a Buchau. Moscoviae ortus et progressus, въ Scriptores rerum Livoni (1853). Pag. 723.
lch. Liefländische Historia. 1695. S. 311.
ізанія. 81.
описаніи выхода великой княгини Елены (супруги в. кн. Василія Іоанновича) й великокняжескаго брата (князя Андрея Іоанновича) читаемъ: «И какъ вения сошла къ великому князю, и передъ нею шли плясицы». (См. у Со-Ист. Росс. V, 476 пр. 395.)
з. соврем. о Димитр. Самозв. V, 61.
. (арх. эксп.) Ш, № 264.

и «игры», для увеселенія народа. Если уже
свадьбахъ скоморохи были главными зачин-
нь и плясокъ, то тѣмъ болѣе среди много-
одныхъ сборищъ они своимъ весельемъ, гудь-
и и плясками не только развлекали толпу,
и ее къ подражанію себѣ: пѣсни, игры, пляски,
я, смѣхъ, вообще необузданная веселость и раз-
все это сливалось въ одну пеструю, шумную
которой благочестивые ревнители христіан-
видѣли остатки ненавистнаго имъ язычества,
родныя игрища и потѣхи «бѣсовскими», «жерт-
службой идольской», «лестью дьявольскою»
ке Несторъ, порицая игрища, на которыя сте-
одныя толпы, такъ поименовываетъ «дьяволь-
»: трубы, скоморохи, гусли, русалья: «схо-
а игрища—пишетъ онъ—на плясанье и на
ская игрища» (или: «пѣсни»), и въ дру-
ѣ: «но сими дьяволъ льститъ и другими нра-
скими лестьми, пребавляя ны отъ Бога, тру-
скомрахи, гусльми и русалья. Видимъ бо
толчена и людей много множьство, яко упи-
утъ другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣса за-
го дѣла» [1]). О плясаніи, имѣющемъ мѣсто, не
пирахъ, на свадьбахъ и въ павечерницахъ, но
ищахъ и на улицахъ, упоминаетъ и Кириллъ
[2]). Въ толкованіи къ апостолу Павлу (XIII в.)
«егда играють русалія ли скомороси ли
личуть, или како сборище идольскихъ игръ,
ъ часъ пребуди дома» [3]). «Не подобаетъ крестья-
стіанамъ) игръ бѣсовскихъ играти, еже есть
, гуденье, пѣсни мирьскія и жертвы идоль-
аемъ въ словѣ христолюбца [4]). О составѣ въ
ародныхъ игрищъ получаемъ понятіе изъ слова
па Евсевія (по рукоп. XIII в.). Въ воскресный
недѣлю»), по словамъ поученія, «обрящеши ту

собр. русс. лѣт. I, 6, 73.
сс. словесн. XII в. 94.
Miklosich. Die Rusalien. 1864. S. 5.
равовъ. Лѣт. русс. лит. IV. III, 90. Ср. 94.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

мятникахъ. Въ наказной памяти патріар
говорится о томъ, что народъ въ праз
дитъ по улицамъ. «повелѣвающе мед
мрахомъ на улицахъ и на торжищах
тіяхъ сотонинскія игры творити и в
въ сурны ревѣти и руками плескат
иная неподобная дѣяти» [1]). Въ грамот
Михайловича отъ 1648 г. также встр
увеселеній народа скоморошескими играм
ные и другіе праздничные дни: «умножи
во всякихъ пьянство и всякое мятежное б
ство, глумнѣніе и скоморошество со вс
скими играми... Многіе люди, забывъ Бог
ную крестьянскую вѣру, тѣмъ прелестни
морохомъ послѣдствуютъ, на безчинное
ніе сходятся по вечеромъ и во всенощны
щахъ на улицахъ и на поляхъ, и бого
сквернихъ пѣсней и всякихъ бѣсовскихъ
шаютъ, мужесково и женсково полу и до с
денцевъ.» Далѣе порицается «безчинное скак
саніе» и пѣніе «бѣсовскихъ пѣсень» [2]). Вс
добныя имъ свидѣтельства служатъ подтверж
сказаннаго выше предположенія, что скомороx

---

[1]) Акты (арх. эксп.). III, № 264.

[2]) Ивановъ. Опис. госуд. арх. 296 и сл. Ср. почти буквал
этой грамоты въ памяти Верхотурскаго воеводы Рафа Всеволожскаго.
[арх. комм.]. IV, № 35). Въ обоихъ документахъ, какъ и въ вышеупом
патріарха Іова (1604 г.) и памяти патріарха Іоасафа (1636 г.), кр
игръ, пѣсень, плясокъ, запрещаются еще и обычные въ числѣ на
ничныхъ увеселеній кулачные бои («многіе люди—говоритъ Іоасаф
младые, но и старые, въ толпы ставятся, и бываютъ бои кулачные вел
наго убойства»). Ср. выше (стр. 80) въ свидѣтельствахъ XIII вѣка: «бы
лѣемъ», или: «а другіи борющася».—Ср. замѣчанія г. Ровинскаго о
лачныхъ бояхъ русскихъ. (Русс. нар. карт. IV, 302—308; V, 219—22
давнее время—заключаетъ свой обзоръ г. Ровинскій—кулачные бои про
почти повсемѣстно: на Окѣ и на Волгѣ собирались партіи человѣкъ по
лѣе; въ Костромѣ Дебряне ходили стѣна на стѣну противъ Суланъ (жи
бодъ); а въ Тулѣ оружейники ходили противъ посадскихъ въ «цѣпляни
ровъ называетъ имена Тульскихъ бойцевъ, ходившихъ только одинъ на
чившихъ большую извѣстность. Партіи или стѣны для боевъ приготов
охотники купцы ѣздили, разыскивали голіафовъ, поили, кормили ихъ и
дню судному. Не смотря на всѣ запрещенія производить кулачные бо
производятся зачастую и въ наше время... Кончается себѣ бой тѣмъ, ч
народному выраженію), на добромъ морозцѣ, другъ другу бока нагрѣютъ,
румянятъ».

принадлежность празднествъ,
Діониса, Либера, Сатурна; об
дѣвать на лица маски и ряди
звѣриные и иные чудовищные о
нился и глубоко укоренился и в
тателей средней и сѣверной Евро
не безуміе-ли—восклицаетъ въ V
симъ Туринскій—все, что въ эти
лендъ) совершается, когда мужчи
своихъ силъ, всего себя превращаетъ
старается выдержать принятый видъ
всемъ поведеніи, что какъ будто ему
чина? Не пустота-ли и не безуміе-ли
Богомъ люди превращаютъ себя то въ
кихъ звѣрей, то въ какія либо чудов
тому, въ 62-мъ правилѣ Трулльскаго соб
какому мужу не одѣватися въ женскую
въ одежду мужу свойственную: не носит
ческихъ или сатирическихъ или трагичес
ванія духовныхъ писателей, въ поученіяхъ
обличавшихъ народныя маскарадныя игры,
безуспѣшно раздавались въ теченіе многих
родъ не отставалъ отъ своихъ исконныхъ и
любимыхъ святочныхъ увеселеній, естестве
шихъ съ себѣ дѣятельность скомороховъ. Р
ски были въ ходу, какъ у нашихъ скомороx
западныхъ потѣшниковъ-жонглеровъ, сдѣлав
занныхъ увеселеніяхъ народныхъ главными д
лицами. И тѣ и другіе одѣвались въ разны
которыхъ исполняли родъ интермедій, быт
наряжались въ звѣриные образы, надѣвали
вязывали бороды, вмѣсто личинъ, иногда окр
лица (на западѣ) или чернили ихъ сажей (въ
Самое имя «скоморохъ» вѣроятно находится
ряженіемъ, маской: ср. арабское maskhara

---

[1]) См. «Воскресное Чтеніе». 1880 г. № 2.

[2]) См. въ Книгѣ Прав. св. Апост.—Названные здѣсь три рода
имствованы изъ древне-греческихъ драматическихъ представленій, р
отвѣтствующіе три рода: комедію, сатирову игру и трагедію.

[3]) Веселовскій. Розыск. въ обл. русс. дух. стих. VII. II, 1

головная подать), скураты (ср. scurra [ли
машкары (ср. выше) и т. п. Обычай над
личины очевидно западнаго происхожденія:
яко же въ странахъ Латинскихъ злѣ обык
различныя лица себѣ претворяюще», говори
канонѣ, напечатанномъ въ Кіевѣ въ 1624 г.
чей (рукоп. XIII в.) маски называются «облич
и ликъственникъ», т. е. личинами игроков
товъ, скомороховъ. Царь Іоаннъ Грозный во
нузданныхъ пировъ своихъ любилъ маскиров
сать вмѣстѣ со скоморохами: «упившись нача
со скоморохами въ машкарахъ плясати
рующіе съ нимъ», пишетъ князь Курбскій,
сказываетъ, какъ царь понуждалъ къ тому и
нина, «глаголюще: «веселись и играй съ нами»
машкару (по другому списку—личину), класти
на лицо его» [2]). Древніе языческіе народные
извѣстные праздничные дни, именно въ пору
ворота солнца, которой соотвѣтствуютъ рожде
святки, водить животныхъ, снабженныхъ симво
значеніемъ (коня или кобылицу, козла или козу,
и т. п.), въ рукахъ скомороховъ превратились
радныя игры: они изображали козла или козу
вторявшееся въ нѣкоторыхъ русскихъ поученіяхъ
становленіяхъ запрещеніе Трулльскаго собора [пра
«козлогласовая ходити» [3]), «козлогласованія
рити» [4]), «ни въ козлогласованіи» [образъ показа
бою] [5]), и т. п.), «бѣсовскую кобылку», медвѣдя
Въ одной изъ дополнительныхъ статей къ судебнику (1
приказывается, чтобы (на святкахъ) съ кабылка
ходили и на игрища мірскіе люди не сходились
этихъ кобылкахъ упоминается и въ другихъ свид
ствахъ. Такъ въ грамотѣ царя Алексѣя Михай

---

[1]) См. у Снегирева. Русс. прост. праздн. II, 32.

[2]) Сказанія. 81.—Тамъ же: 56, читаемъ и о Сигизмундѣ Августѣ, кор
скомъ, что онъ надѣвалъ на себя «преисщренныя машкары».

[3]) Поученія митроп. Даніила (XVI в.), въ Пам. стар. русс. лит. IV, 2

[4]) Стоглавъ. Гл. 93.

[5]) Соборный приговоръ 1551. Акты (арх. эксп.). I, № 232.

[6]) Акты истор. (арх. комм.) III, № 92, х.

читаемъ: «накладываютъ на себя личины и
коморошское, межъ себя нарядя бѣсовскую
водятъ», а далѣе предписывается, чтобы «ли-
себя не накладывали и кобылокъ бѣсовскихъ
жали», въ числѣ же атрибутовъ этой скомо-
потѣхи называются: «домры, сурны, гудки,
ари и всякіе гудебные бѣсовскіе сосуды» [1]).
† 1685 г.) выражается о рождественскомъ на-
маскарадѣ такъ: «иніи лица своя и всю красоту
скую, по образу и по подобію Божію сотворенную,
лярвами (larva=личина, маска) или страши-
діавольскій образъ пристроенными, закры-
грашаще или утѣшающе людій, Творца жъ и Зиж-
воего укоряюще» [2]).
олько болѣе подробную картину святочныхъ ма-
ыхъ игрищъ, въ которыхъ, разумѣется, въ ста-
рвенствовали ряженные скоморохи, даетъ патріархъ
, указомъ 1684 г. запрещавшій бывшія на Москвѣ
ая и бѣсовская дѣйства и игрища въ навечеріи Рож-
Хрістова». «Тогда—пишетъ онъ—ненаказанніи му-
полу и женскаго, собравься многимъ числомъ,
рыхъ и молодыхъ, мужи съ женами и дѣвки хо-
улицамъ и переулкамъ къ бѣсноватымъ и бѣсов-
пѣснямъ, сложеннымъ ими, многія сквернословія
окупляютъ, и плясаніе творятъ, на разженіе блуд-
нечистотъ и прочихъ грѣхопаденій, и преображаю-
зъ неподобная отъ Бога созданія, образъ че-
ескій премѣняюще, бѣсовское и кумирское ли-
косматые, и иными бѣсовскими ухищреньми
ные образы надѣвающе, плясаньми и прочими
ньми православныхъ Хрістіанъ прельщаютъ; такожъ
ождествѣ Хрістовѣ во 12 днѣхъ до Крещенія Гос-
ашего І. Хріста таковая жъ бѣсовская игралища
рища содѣваютъ» [3]).

ановъ. Опис. госуд. арх. 296 и сл.—Ср. Акты истор. (арх. комм.) IV, 35.
описисъ или краткое описаніе отъ различныхъ лѣтописцевъ о началѣ славян-
да. 7-е изд. 1785 г. Стр. 49—50.
. у Снегирева. Русс. прост. праздн. I, 37—38.

Современные намъ святочные народ
гутъ служить къ пополненію картины с
рошескихъ переряживаній. «Въ Новгоро
гиревъ — святки извѣстны подъ именем
которые со втораго дня праздника Р. Х
наряженные ходятъ по городу въ тѣ дом
приглашенія ставятся на окнахъ зажжен
шать хозяевъ шутками, каррикатурными п
пѣснями и плясками. Въ Тихвинѣ о св
жается большая лодка, которая ставится
саней и по улицамъ везется множествомъ
коихъ сидятъ верхомъ окрутники. Сію лод
подъ разноцвѣтными флагами святочники
личинахъ и нарядахъ... Во время поѣзда
играютъ на разныхъ инструментахъ и выкид
ныя штуки. Толпы народа провожаютъ ихъ,
ные граждане подчуютъ ихъ виномъ и кушань
святочнаго наряда народъ прибѣгаетъ къ самым
уборамъ, по большей части употребляется въ
роченный тулупъ и длинная льняная борода; на
охотно въ звѣриные образы: быками, баранами,
лисицами, медвѣдями и т. п., наряжаются Ба
(вѣдьмой) или чертями. Представляющій чорта
ваетъ на себя что нибудь косматое, лицо обмазы
жею, къ головѣ приставляетъ рога, а въ зубы
горячій уголь. Въ такихъ парядахъ окрутники
по улицамъ шумными вереницами, пляшутъ и крив
распѣваютъ громкія пѣсни и бьютъ въ тазы, засл
бубны. (Не такіе ли примитивные ударные инстру
подразумѣваются въ упомянутой выше [стр. 87] ц
грамотѣ, подъ словами: «и всякіе гудебные бѣсовск
суды»?) Слово окрутникъ производится отъ крут
которое отъ первоначальнаго значенія: завивать, плес
перешло къ опредѣленію понятій одѣвать, наряжат
Въ такомъ же смыслѣ и родственныя слова: крута (=
рядъ), накрутиться (=нарядиться) употребляются

---

[1]) Снегиревъ. Русс. прост. праздн. II, 33—34.
[2]) Аѳанасьевъ. Поэт. воззр. I, 718; III, 526.

напр.: «крута каличья» [1]), «накрутился мо-обрыня) скоморошиной» [2]). (О сценическихъ ніяхъ и импровизаціяхъ ряженныхъ говорится 54 и сл.)

ные маскарады не ограничивались зимней порой, мѣсто и весною, около времени нашихъ Троиц-токъ, которые у западныхъ и отчасти у южныхъ именуются русальными святками или руса-у Русскихъ непосредственно слѣдуютъ за праздз воскресенія русалки или русалокъ («русал-икъ день» [малорусс.] = четвергъ передъ днемъ цы = семикъ [великорусс.]) и предшествуютъ мъ русалокъ, имѣющимъ мѣсто въ первый день поста. Въ коментаріи Вальсамона (XII в.) къ авилу Трулльскаго собора русаліями называется ный церковью (языческій) праздникъ послѣ Пасхи. зтельству греческаго писателя Дмитрія Хоматіона) праздникъ русалій, «по древнему обычаю», лся (въ мѣстности, соотвѣтствующей нынѣшней Болгаріи) на недѣлѣ, слѣдовавшей за Троицынымъ ознаменовывался хожденіемъ молодежи изъ дома за полученіемъ подачекъ, плясаніемъ и скака-равно и маскарадными шествіями [3]). У за-Славянъ въ русальные святки также издревле или маскарады, что видно изъ запрещеній XVI западнымъ Славянамъ, въ пору русальныхъ свя-олнять непристойныя пляски, ставить «*по ста-ычаю*» королей, облекаться въ старые ко-другими словами, переряживаться. Остатки такихъ ь сохраняются до сихъ поръ въ Чехіи и Моравіи: Духовъ день отправляются конныя процессіи, въ ь на первомъ мѣстѣ фигурируетъ поставляемый съ многочисленной воинственной свитой, при

аниловъ. Древ. росс. стих. 228.
никовъ. Пѣсни. I, 135.
aschek. Ueber Brumalia und Rosalia, въ Sitzungsberichte der phil.-hist. Hft. II, S. 370 u. ff. — Ср. мое сочиненіе: Божества древнихъ Славянъ. тр. 212 и сл.

чемъ послѣдній всадникъ бываетъ одѣтъ въ
ный кожухъ [1]). Объ остаткахъ особенныхъ
игрищъ (быть можетъ также связанныхъ
ваніемъ), отправлявшихся у Поляковъ во дни
ницы, упоминаетъ Длугошъ (XV в.) [2]). Въ
роятно какъ остатокъ древняго русальнаго
нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранился обычай, въ
или передъ Петровскимъ заговѣньемъ водить
ваемую «русалку», въ образѣ лошади, кото
жаютъ ребята, покрытые пологомъ. Эту
фигуру я уже въ другомъ мѣстѣ [3]) сблизилъ
ской кобылкой» святочнаго маскарада. Еще нед
того, существовалъ, а можетъ быть и нынѣ
ствуетъ, въ Бѣлгородѣ слѣдующій обычай: въ
Пятидесятницы (т. е. русалій) женщину пере
въ безобразный мужской костюмъ, а мужчину
ской, и такимъ образомъ водятъ три дня по го
нями и плясками [4]). Въ «Уставѣ людемъ о в
стѣ» (изъ Дубенскаго сборника XVI в.) запреща
сати въ русалія» [5]). Словомъ, мы видимъ, ч
въ разныхъ мѣстахъ весеннее «русальное» тор
меновывалось переряживаніемъ и плясками, сам
«русаліи» обобщилось и стало примѣняться
нымъ игрищамъ, сопряженнымъ съ больши
ками вообще, безъ различія спеціальнаго хара
игрищъ. Въ прологѣ XV вѣка слово «Русал
ляется такъ: бѣсы въ образѣ человѣческомъ,
въ бубны, друзіи же въ козицѣ и въ сопѣли с
же, возложивши на лица скураты (= ма
на глумленье человѣкомъ и многіе, оставивш
на позоръ (= зрѣлище) течаху и нарекош
Русальи». На томъ же основаніи и старинн
азбуковникъ объясняетъ «русальи», какъ «иг
рошскіе» [6]). Въ Стоглавѣ русаліями назыв

---

[1]) Подробнѣе предметъ этотъ излагается мною во II выпускѣ соч
Славянъ.

[2]) Dlugosz. Historia Polonica. I. 1, 48.

[3]) Бож. древ. Слав. I, 210 и сл.

[4]) Этн. сбор. Имп. Русс. геогр. общ. V, 37.

[5]) Срезневскій. Свѣд. и замѣт. LVII, 312.

[6]) Ср. Бож. древ. Слав. I, 212.

енскія святочныя игры, такъ и игры на празд-
ждества св. Іоанна Крестителя: «Русали» о Ива-
, и въ навечерніи Рождества Христова, и кре-
ходятся мужи, и жены, и дѣвицы на нощное пле-
и т. д.» [1]). Неудивительно, что, послѣ того какъ
русальи» получило такое общее, широкое значе-
многочисленныхъ поученіяхъ, словахъ, постанов-
порицающихъ пестрыя и шумныя, унаслѣдован-
родомъ изъ временъ язычества, игрища, выраженія
би» и «скоморохи» (= непремѣнные участники и
тели всякихъ народныхъ игрищъ) почти нераз-
связались, причемъ рядомъ съ ними же обыкно-
поминаются еще пѣсни и пляски, какъ предме-
ціальной дѣятельности скомороховъ, а также и на-
музыкальныхъ орудій скомороховъ, какъ неотъем-
ихъ принадлежности. Такъ у Нестора называются
: «трубы и скоморохи, гусли и русальи»; въ
неизвѣстнаго автора (изъ до-монгольскаго періода)
овываются пѣсни, плясанье, бубны, сопѣли,
, пискове, игранія неподобныя, русалья [2]); въ
икѣ XIII вѣка читаемъ: «егда играютъ русалія
мороси»; въ Златоструѣ (по рукоп. XVI в.) «да
скомрасѣхъ и о русаліяхъ» [3]); въ Словѣ о ру-
поименовываются рядомъ: игры бѣсовскія, ру-
скоморохи, «плясанье и плесканье съ сви-
[4]) и т. п.

**рохи—глумцы и смѣхотворцы.—«Позоры».—«Пещное дѣйство»
цеи». — Скоморохи—кукольники. Кукольный ящикъ. Вертепъ
. Раёкъ.—Шуты (дураки). Ерема и Замазка. Ѳома и Ерема.**

старинныхъ памятникахъ скоморохи, игрецы, шпиль-
или плясуны неоднократно получали еще названія
овъ, глумотворцевъ, смѣхотворцевъ, скверно-

. 41, вопр. 24.
паретъ. Обз. дух. лит. I, 50.
. Тамъ-же.
и стар. русс. лит. I, 208.

словцевъ, кощунниковъ и т. п.: «шиша
глумьць», «игрьца или глумьца», «
глумьцы»,—слова эти отождествляются у
авторовъ; «тои бо позоры научилъ смѣхотв
щунники и скомраси и игреца», читае
Христолюбца; тамъ же упоминаются играк
скихъ свадьбахъ «глумотворцы и органни
творцы и гусельники»; въ словѣ Палладія
второмъ пришествіи Христовѣ» караются: «плас
рѣльцы и гусленицы и смычницы и смѣ
и глумословцы», другими словами во всѣхъ
ныхъ случаяхъ перечисляются разные виды с
ства. Что подъ именемъ упомянутыхъ выше ко
ковъ дѣйствительно слѣдуетъ понимать скомор
тѣшниковъ, подтверждается, какъ словами Сим
лоцкаго: «кощунникъ да тѣшитъ, самъ ся изну
такъ и наименованіемъ въ одной грамотѣ 1636
морошескихъ игръ—кощунами: «воспріемше
кощуны бѣсовскіе»[2]); «злословнымъ кощунни
называется въ «словѣ о христіанствѣ» глумящій
стошникъ», смѣшащій слушателей, по смыслу дал
го текста отождествляющійся съ «игрецами»[3]); н
въ словѣ «о корчмахъ и о пьянствѣ» описывает
сходятся «къ питію пьянственному мужи и жены,
придутъ и нѣціи кощунницы, имуще гусли
пѣли и сопѣли и бубны и иныя бѣсовскія
предъ мужатицами играюще, бѣсяся и скача и
ныя пѣсни припѣвая[4]). Кощунниками называю
уже прямо игрецы-скоморохи. Въ Стоглавѣ пои
ваются рядомъ: «арганники, смѣхотворцы,
ники и глумцы», также скоморохи, гудцы,
ницы и глумцы[5]). Въ сборникѣ митрополита
скоморохи называются плясцами-сквернослов
Въ грамотахъ XVII столѣтія говорится о присут

---

[1]) См. у Веселовскаго. Розыск. въ обл. русс. дух. стих. VII. II, 1
и сл., 207.
[2]) Акты (арх. эксп.). III, № 264.
[3]) Тихонравовъ. Лѣт. русс. лит. и древ. IV, 111.
[4]) У Забѣлина. Оп. изуч. русс. древн. и истор. I, 187.
[5]) Гл. 41, вопр. 16, 23.
[6]) Бѣляевъ. О скоморохахъ. 69.

безчинниковъ, сквернословцевъ и скомороховъ (см. выше стр. 21).

мъ же заключалось это глумотворство, смѣхосквернословіе, кощунство, безчиніе «веселыхъ ъ»? Мы только что разсмотрѣли обычай скомоядиться въ разные образы, вызывавшіе конечно веселье въ зрителяхъ; ряженіе невольно влекло и нѣчто въ родѣ сценическихъ представленій, и самыхъ элементарныхъ, комическихъ зрѣлищъ или щъ», сопровождавшихся пѣснями, плясками, раз- и прибаутками, шутками и выходками, испол- которыхъ, разумѣется, не стѣснялись предѣлами сти и приличія. Веселье скомороховъ должно было, соотвѣтствовать духу, настроенію и вкусамъ слу- и зрителей. Каковы-же были эти вкусы? Олеарій, ій въ первой половинѣ XVII столѣтія, такъ харакъ низкую степень развитія и просвѣщенія совре- ему русскаго общества: «Не будучи знакомы съ альными знаніями—пишетъ Олеарій, исключающій, ъ, изъ своего отзыва самыхъ знатныхъ бояръ— тясь много о достопамятныхъ дѣлахъ и событіяхъ и предковъ своихъ, и не имѣя желанія знакосъ чуждыми народами и ихъ свойствами, Русскіе естественно въ своихъ собраніяхъ никогда не заи рѣчи о подобныхъ вещахъ. Большая часть ихъ ровъ сосредоточена на томъ, къ чему даетъ поводъ рирода и обычный ихъ образъ жизни, а именно: ъ о сладострастіи, постыдныхъ порокахъ, развратѣ дѣяніи ихъ самихъ или другихъ лицъ; разсказывсякаго рода срамныя сказки, и тотъ, кто наибосверносло вить и отпускаетъ самыя неприличныя сопровождая ихъ непристойными тѣлодвиженіями, считается у нихъ лучшимъ и пріятнѣйшимъ въ вѣ. Къ тому же направлены и ихъ пляски, кото- и исполняютъ съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ страстѣлодвиженій». Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ ываетъ о русскихъ странствующихъ комедіант. е. скоморохахъ, которые въ пляскахъ своихъ для забавы зрителей, безстыдно обнажали части

своего тѣла, и объ уличныхъ скрипачахъ (гудо
воспѣвавшихъ всенародно на улицахъ «срамны
Нѣсколько раньше Олеарія описывалъ забавы
(московскаго) общества Маскѣвичъ, отмѣтившій
никѣ своемъ подъ 1611 г. слѣдующія слова: «Ес
(Русскихъ) такъ называемые шуты (maje u sie
now), которые тѣшатъ ихъ русскими плясками,
какъ скоморохи (jak żartownisie=фигляры)
тѣ, и пѣснями большею частью весьма безстыдным
около полустолѣтія раньше князь Курбскій описы
ное веселье, которому предавался самъ царь Io
сильевичъ, безчинно веселившійся и игравшій
рохами, плясавшій съ ними въ машкарахъ (
и понуждавшій къ тому же и присутствующихъ,
числѣ князя Рѣпнина, который мужественно
творить это «безчиніе» [3]). Такое пьяное весель
гаемое скоморохами, разумѣется, не обходилось бе
нословія: пѣлись срамныя, безстыдныя или, по н
духовныхъ писателей, «богомерзкія», «скверны
исполнялись разнузданныя пляски, сопровождав
стыдными тѣлодвиженіями (ср. выше свидѣтельст
вича и Олеарія). Чѣмъ грубѣе была веселившаг
тѣмъ выше была и степень цинизма, до кото
дило ея веселье. Понятно, что подобныя потѣх
щали нравственное и религіозное чувство люде
ныхъ, въ родѣ князя Рѣпнина, поплатившагося
за противорѣчіе царю; понятны протесты против
ства, сквернословія, глумотворства скомороховъ
ковъ, со стороны писателей духовнаго чина, а
свѣтскихъ властей, въ особенности со времени
нія на царскій престолъ Алексѣя Михайловича,
въ первые годы своего царствованія, по выраже
бѣлина, обнаруживалъ стремленіе обновить расп

---

[1]) Подр. опис. путеш. въ Москов. 178.

[2]) Сказанія соврем. о Димитр. Самозв. V, 61.—Dyaryusz S. Mask
Pamietniki do History Rossyi i Polski wieku XVI i XVII. 1838.

[3]) Сказанія. 81.—По свидѣтельству другаго современника (Одерборн
пору царь Іоаннъ Васильевичъ проводилъ время въ ловахъ, въ игрѣ, п
дѣяніяхъ и ужасныхъ зрѣлищахъ. (Wunderbare, erschrekliche, unerhörte
Grossfürsten in der Moschkau (Joan Basilidis) Leben. 1588.)

внести въ нее строй и порядокъ, возстановить идеалъ
ой жизни по Домострою.

Сумѣется, веселье скомороховъ - потѣшниковъ не
ительно вращалось въ области цинизма. Наряжен-
разные костюмы и маски, они разыгрывали сцены,
о которыхъ можно составить себѣ до извѣстной
по тѣмъ остаткамъ скоморошескихъ игръ, кото-
охранились въ народѣ до нашихъ дней. Таковы
пѣсни и прибаутки, шутки и комическія представ-
новгородскихъ «Окрутниковъ» (см. выше стр. 88),
современныхъ святочныхъ и масляничныхъ ря-
ыхъ, изображающихъ бабу Ягу, чертей, чудовищъ,
водящихъ ряженныхъ-же медвѣдя, козу, журавля
п., разыгрывающихъ импровизованныя забавныя
ы.

Изъ звѣриныхъ образовъ, въ которые наряжаются, наи-
ее значеніе имѣютъ медвѣдь и коза, въ новѣйшемъ
ечномъ маскарадѣ встрѣчающіеся нерѣдко вмѣстѣ.
эти животныя, какъ видно изъ связанныхъ съ по-
ніемъ ихъ обрядовъ и пѣсень, служатъ представите-
обилія и плодородія. Въ честь святочнаго медвѣдя
ся пѣсня:

Медвѣдь пыхтунъ
По рѣкѣ плыветъ,
Кому пыхнетъ на дворъ,
Тому зять во теремъ [1]),...

появленіе медвѣдя предвѣщаетъ свадьбу. Въ дан-
ь случаѣ русскій святочный медвѣдь совпадаетъ съ
ляничнымъ или «гороховымъ» медвѣдемъ запад-
ъ славянъ. Въ Чехіи представляетъ послѣдняго па-
ь, весь окутанный гороховой соломой. Куда ни прій-
ь гороховый медвѣдь, онъ обязательно долженъ про-
сать со всѣми женщинами и дѣвушками въ домѣ, и
вленіе его, по народному вѣрованію, способствуетъ
дородію въ домѣ [2]). Въ окрестностяхъ Кракова на свят-

---

[1]) Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. III, 14.
[2]) Reinberg-Düringsfeld. Festkalender aus Böhmen. 1862. S. 49.

[redacted]ахъ возятъ на телѣжкѣ чело[redacted]
два спутника его обвиты горох[redacted]
одѣтый въ мѣхъ, называется г[redacted]
(grochowej niedzwiedz). Перед[redacted]
рычитъ, и если рычаніе первая [redacted]
ей въ скоромъ времени выйдти з[redacted]
русскую пѣсню про медвѣдя пыхту[redacted]
бѣлой Руси, по близости къ Мазор[redacted]
няго новаго года, молодецъ, одѣтый [redacted]
бубенчикахъ, предводительствуетъ т[redacted]
дить подъ окна или передъ двери х[redacted]
съ пѣснею:

Го-го-го козынька,
Го-го-го сѣра.
Го-го-го бѣла.
Ой, розходися,
Развеселися.
По всему дому,
По весёлому!
Ой поклонися
Сему господарю,
И женѣ его,
И дѣткамъ его.

Далѣе воспѣвается плодоносная сила козы:

Гдѣ коза тупою (=ногой),
Тамъ жито купою,
Гдѣ коза рогомъ,
Тамъ жито стогомъ,
Гдѣ коза ходитъ,
Тамъ жито родитъ и т. д.

Кромѣ этой пѣсни, появленіе маскарадной [redacted]
вождается разговоромъ,— речитативомъ предс
Сходныя пѣсни въ честь пляшущей, брыкающе
щейся святочной козы (или козла) встрѣчаютс
лой Руси [3]). Въ Полѣсьѣ козелъ, медвѣдь и [redacted]

---

[1]) Mannhardt. Wald- und-Feldkulte. Th. II (1877). S. 188.

[2]) Безсоновъ. Бѣлорусс. пѣс. I, 78, 98. Ср. тамъ же: 83—п[redacted] новой козѣ». Соотвѣтственно тексту пѣсни, Антонъ въ игрѣ не может козой, сперва пляшущей, потомъ бодающейся.

[3]) См. Труды-этн. стат. экси. Юго-зап. отд. III, 265, 266.

маскарадныя фигуры. Роли ихъ выпол-
незатѣйливо: вывернутый тулупъ служитъ
ъ костюмомъ; представленіе заключается въ
читативѣ, сопровождаемомъ прыжками и ку-
парня, наряженнаго животнымъ. Наиболѣе
игура козла [1]). Маскарадныя представленія
едвѣдемъ и козой фиксировались въ старин-
картинкѣ, снабженной слѣдующею подписью:
казою проклажаются на музыке своей за-
и медведь шляпу вздель да вдутку игралъ
а всараѳане синемъ срошками исколокольо-
ошками скачетъ и вприсятку пляшетъ».
рокахъ (и картинкѣ) изображается цѣлое свя-
рошеское представленіе. На другой народной
го-же содержанія, въ подписанномъ подъ нею
мъ, между прочимъ, слѣдующее обращеніе козы
: «станемъ стобою весѣлитца что на насъ ста-
дівитца ты любезной медведь заиграи всви-
лоденка поплешу тепѣрь за что насъ станутъ
а другои вздумаетъ и подарить но и мы за
ямъ отъдадимъ почтѣніе насырной недѣли
ніе» [2]). Послѣднія слова доказываютъ, что рѣчь
ляничномъ маскарадѣ. Пляска и скаканіе козы
въ поговорку: на одной изъ маленькихъ лубоч-
нокъ, иллюструющихъ чету: Семикъ и Маслятавлены трое пляущихъ подъ звуки волынки
одъ картинкой подписано: «Скакат(ь) і пля-
т яко коза»... [3])

ается новѣйшихъ святочныхъ народныхъ сце-
представленій, то напр. въ Бѣлой Руси, по
ф. Безсонова, они устраиваются такъ: въ домѣ
щади дѣйствуютъ играющія лица, переряженно ролямъ, по мѣрѣ силъ и средствъ. Любиержаніе этихъ сценъ, на сколько уцѣлѣли онѣ,

---

. Очерки бѣлорусскаго Полѣсья. 1868 г. Стр. 56—57.
ій. Русс. нар. карт. 1, 414, 415.
: стр. 306.—Священникъ Лукьяновъ въ описаніи своего путешествія (1710 г.) разсказываетъ, что Греки на святой недѣлѣ ходятъ по улиямъ съ медвѣдями, съ козами, съ бубнами, съ скрипицами, съ лынками, да скачутъ и пляшутъ. Русскій Архивъ, изд. Бартеа. 206.

[illegible] [illegible] [illegible] [

го дѣйства» пріобрѣтаетъ уже вполнѣ литера
матическую обстановку [1]).

Обращаюсь къ вышеупомянутымъ участн
наго дѣйства, «халдеямъ». Какъ въ запад
средневѣковыя церковныя сценическія предста
мистеріи, постепенно принимали въ себя свѣтск
ты, даже грубо комическія сцены, а затѣмъ с
межаться съ шутовскими интермедіями, въ кот
ствующими лицами являлись шутовскіе комеді
и повело за собой вытѣсненіе въ XIV вѣкѣ м
церкви сперва въ церковныя ограды, а потомъ на
подобно тому и «халдеи», игравшіе столь вид
церковно-обрядномъ пещномъ дѣйствѣ, съ за
свѣчами предшествовавшіе святителю при вст
въ соборъ, участвовавшіе въ церковной служб
самого дѣйства, —«халдеи» появлялись въ св
номъ нарядѣ въ толпѣ народной въ теченіи 12
дественскихъ святокъ, въ роли шутовъ и проказн
отличавшихся отъ глумцовъ-скомороховъ. Фле
ритъ, что халдеи въ продолженіи 12 дней должны
по городу переодѣтые въ шутовское платье и
ныя смѣшныя штуки [2]), т. е. «глумы». Олеа
нѣе описываетъ эту сторону дѣятельности хал
бытность нашу въ Москвѣ — пишетъ Олеарій
извѣстные безпутные люди, которые ежегодн
отъ патріарха дозволеніе, въ теченіе 8-ми дней п
дествомъ Христовымъ и вплоть до праздника
тыхъ Царей (Богоявленія), бѣгать по улицамъ
особаго рода потѣшнымъ огнемъ, поджигать и
людей и въ особенности потѣшаться надъ крест
наше время такіе халдеи подожгли у одного к
возъ сѣна, и, когда этотъ бѣдняга хотѣлъ было о

ари, на головахъ носили деревянныя раскрашен-
ы и бороды свои обмазывали медомъ для того,
поджечь ихъ огнемъ, который они пускали для
Свой потѣшный огонь халдеи дѣлали изъ порош-
ый добывали изъ одного наземнаго растенія или
порошокъ этотъ называется плауномъ (Plaun)...
этъ—прибавляетъ Олеарій—довольно забавенъ для
представляетъ удивительное зрѣлище, особенно пу-
ночью, или въ темномъ мѣстѣ, и имъ можно дѣ-
цну увеселительныхъ штукъ» [1]).
намѣреніемъ остановился нѣсколько долѣе на «хал-
участіи ихъ въ «пещномъ дѣйствѣ», такъ какъ,
нившимся подробнымъ свѣдѣніямъ объ этомъ «дѣй-
ы можемъ дѣлать заключенія о характерѣ «позо-
и представленій современныхъ халдеямъ скомороп-
редставленій, несомнѣнно имѣвшихъ, какъ и пещ-
во, самую элементарную форму. Съ другой стороны,
деи, не будучи скоморохами, сближаются съ послѣд-
какъ исполнители «дѣйства»; 2) какъ народные по-
и проказники (см. ниже, гл. 3); 3) они, подобно свя-
ряженнымъ, въ теченіи времени своихъ бѣганій
, считались какъ бы язычниками, нечистыми, и
были очищаться крещенской водой (см. ниже, гл. 5);
, 4) въ виду наносимаго нерѣдко огненными по-
халдеевъ вреда простому народу, потѣхи эти, а равно
е халдеевъ по городу въ своеобразномъ ихъ наря-
запрещены патріархомъ, подобно тому какъ запре-
наконецъ совершенно вывелись, приблизительно
время, воскресные и праздничные публичные ско-
іе «глумы» и потѣхи (см. ниже, гл. 6), воспоми-
оторыхъ продолжаетъ еще жить въ народѣ въ видѣ
редставленій ряженныхъ, нынѣ пріурочиваемыхъ
лючительно ко времени рождественскихъ святокъ
ницы.

азряду «глумовъ» или «позоровъ» безъ сомнѣнія
лись и «игры глаголемыя куклы», кукольныя

---

[1]) опис. путеш. въ Москов. 314—315.

игры, т. е. представленія изъ куколъ или
Объ этихъ играхъ можно себѣ составить поня
кукольнымъ представленіямъ, до сихъ поръ
обыкновенно при звукѣ шарманки, къ которой
соединяются удары бубновъ и треугольника
щимися за ширмами бродячими потѣшниками
ками старинныхъ скомороховъ-кукольниковъ).
описанію Олеарія, очевидца кукольныхъ комед
лявшихся на Руси въ 30-хъ годахъ XVII стол
(комедіанты - кукольники) обвязываютъ вокр
тѣла простыню — пишетъ Олеарій — поднимаютъ
ея сторону вверхъ и устраиваютъ надъ головой
кимъ образомъ нѣчто въ родѣ сцены (theatrum
сь которою они ходятъ по улицамъ и показы
ней изъ куколъ разныя представленія»[1]).—У
современнаго бродячаго кукольнаго театра въ М
словамъ г. Ровинскаго, чрезвычайно простое:
палкахъ развѣшивается простыня изъ крашенины,
этой простыни кукольникъ высовываетъ свои
производитъ свои представленія; аккомпаньементъ
представленіямъ, въ древнее время (на картинкѣ
рія), состоялъ изъ гусляра и гудочника, теперь
замѣнены шарманкой. Въ изображенномъ у Олеа
кольномъ представленіи г. Ровинскій узнаетъ
ческую комедію о томъ, какъ цыганъ продавалъ Пе
лошадь. Справа высунулся цыганъ, — онъ очевид
литъ лошадь; въ срединѣ длинноносый Петрушка, въ
помъ колпакѣ, поднялъ лошадкѣ хвостъ, чтобы убѣд
сколько ей лѣтъ; слѣва должно быть Петрушкин
вѣста, Варюшка. Комедія эта — продолжаетъ г. Р
скій · играется въ Москвѣ подъ Новинскимъ и
стоящаго времени; содержаніе ея очень не сложно:
является Петрушка, вретъ всякую чепуху виршами,
тавя и гнуся въ носъ.—разговоръ ведется посредс
машинки, приставляемой къ нёбу, надъ языкомъ,
гакъ, какъ это дѣлается у французовъ и итальянц

[1]) Подр. описс. путеш. въ Москов. 178—179. Въ нѣмецкомъ оригиналѣ по
изображеніе такого кукольнаго представленія, сопровождаемаго игрою двухъ
товъ на гудкѣ и гусляхъ.

цыганъ, предлагаетъ Петрушкѣ лошадь. Пе-
смативаетъ ее, при чемъ получаетъ отъ лошади
ю въ носъ, то въ брюхо; брычками и пинками пе-
а вся комедія, — они составляютъ самую суще-
и самую смѣхотворную часть для зрителей.
ргъ, —цыганъ говоритъ безъ машинки, басомъ.
линной переторжки, Петрушка покупаетъ лошадь;
уходитъ. Петрушка садится на свою покупку; по-
етъ его передомъ и задомъ, сбрасываетъ Петрушку
етъ, оставляя его на сценѣ замертво. Слѣдуетъ
й вой Петрушки и причитанья на преждевремен-
нчину добраго молодца. Приходитъ докторъ: гдѣ
болитъ?— вотъ здѣсь! И здѣсь?— и тутъ! Оказы-
что у Петрушки все болитъ. Но когда докторъ
ъ до нѣжнаго мѣста, — Петрушка вскакиваетъ и
го по уху; докторъ даетъ сдачи, начинается пота-
является откуда-то палка, которою Петрушка
тельно и успокоиваетъ доктора.

акой-же ты докторъ», кричитъ ему Петрушка, «коли
иваешь, гдѣ болитъ?—на что ты учился?—самъ дол-
знать гдѣ болитъ!» Еще нѣсколько минутъ, — яв-
квартальный, или, по кукольному, «фаталь-
фицеръ». Такъ какъ на сценѣ лежитъ мертвое тѣло,
трушкѣ производится строгій допросъ (дискантомъ):
мъ убилъ доктора?» — отвѣтъ (въ носъ): «затѣмъ,
зою науку худо знаетъ — битаго смотритъ, во что
не видитъ, да его-же еще и спрашиваетъ».

ово за слово, — видно допросъ фатальнаго Петрушкѣ
авится, онъ схватываетъ прежнюю палку, и начи-
драка, которая кончается уничтоженіемъ и изгна-
фатальнаго, къ общему удовольствію зрителей;
кукольный протестъ противъ полиціи производитъ
бликѣ обыкновенно настоящій фуроръ.

еса кажется-бы и кончилась; но что дѣлать съ Пе-
ой? И вотъ на сцену выбѣгаетъ деревянная со-
— пудель, обклеенная по хвосту и по ногамъ ключ-
взбитой ваты, и начинаетъ лаять со всей мочи (лай
ланъ внизу изъ лайки). «Шавочка — душечка», лас-
ее Петрушка: — «пойдемъ ко мнѣ жить, буду тебя
ымъ мясомъ кормить»; но шавочка, ни съ того ни

съ сего, хвать Петрушку за носъ;
она его за руку, онъ въ другую, он
наконецъ Петрушка обращается въ
Тѣмъ комедія и оканчивается. Если
Петрушкину свату, т. е. главному ко
водку, то вслѣдъ за тѣмъ представля
медія, подъ названіемъ Петрушкиной
въ ней нѣтъ никакого, за то много дѣ
приводятъ невѣсту Варюшку; онъ осмат
неръ лошади. Варюшка сильно понравил
ждать свадьбы ему не въ терпежъ, поче
онъ ее упрашивать: «пожертвуй собой Вар
происходитъ заключительная сцена, при к
ный полъ присутствовать не можетъ. Это
и «самый послѣдній конецъ» представлен
Петрушка отправляется на наружную сцену
врать всякую ченуху и зазывать зрителей н
ставленіе.

Въ промежуткахъ между дѣйствіями пье
венно представляются танцы двухъ арапокъ,
лая интермедія о дамѣ, которую ужалила з
тутъ-же, наконецъ, показывается игра двухъ
чами и палкой. Послѣдняя выходитъ у оп
кольниковъ чрезвычайно ловко и забавно; у
пуса нѣтъ, а только поддѣлана простая юбоч
рой сверху подшита пустая картонная голова,
руки, тоже пустыя. Кукольникъ втыкаетъ
куклы указательный палецъ, а въ руки—пе
тій пальцы, обыкновенно напяливаетъ онъ к
каждую руку и дѣйствуетъ такимъ образомъ
лами разомъ... Шарманщикъ (бывающій пр
комедіи) вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ «понука
вступаетъ съ Петрушкой въ разговоры, зада
просы и понукаетъ продолжать вранье свое
новки» [2]).

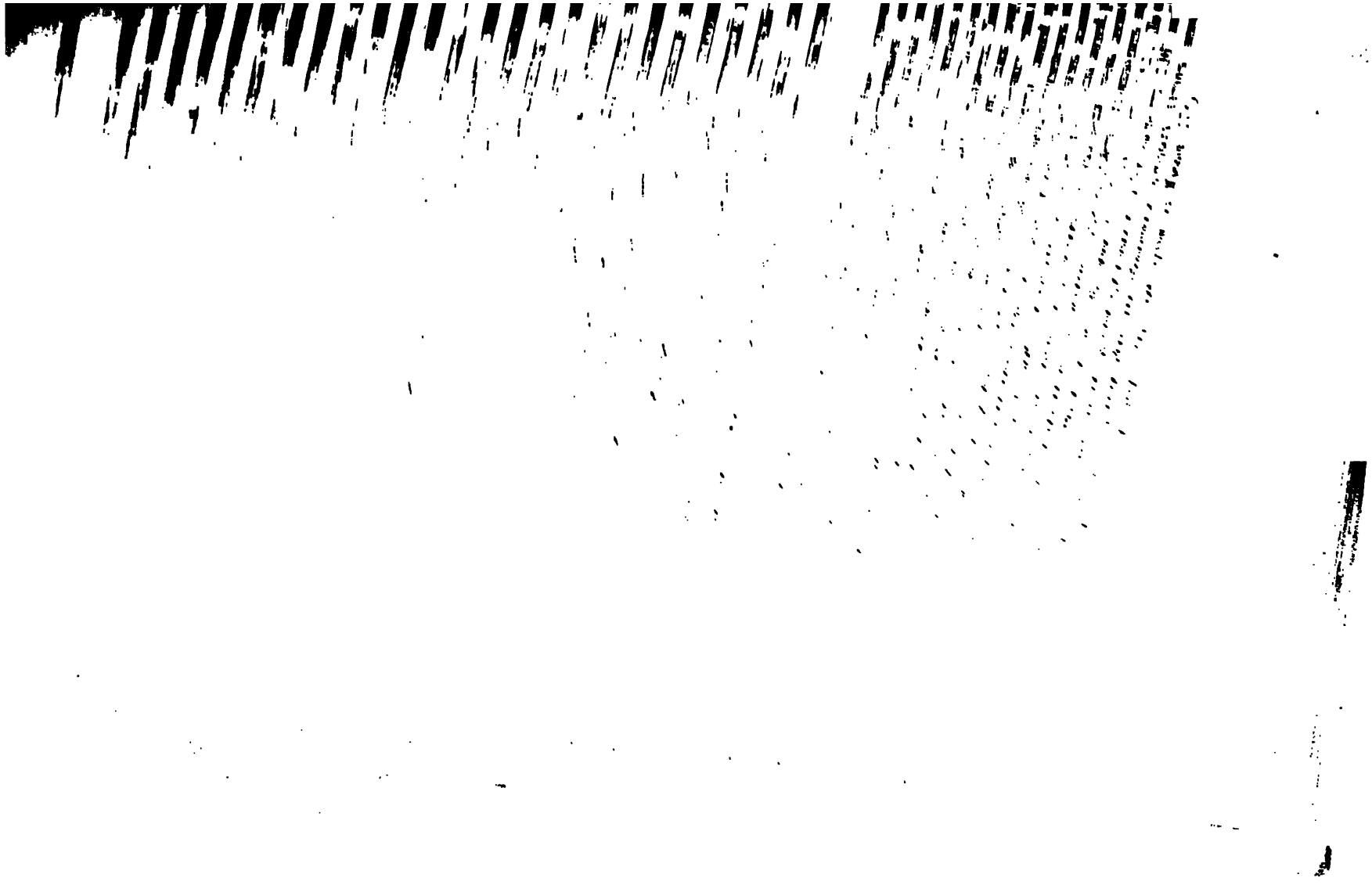
---

[1]) Заключительная сцена, по своему цинизму, совпадаетъ со ста
кукольными представленіями, въ которыхъ, по свидѣтельству Олеарія, по
ныя дѣла». Подр. опис. путеш. въ Москов. 178.

[2]) Ровинскій. Русс. нар. карт. II, 211; V, 225—227.

ъ такъ объясняетъ слова: «кукольникъ, ку-
» — «родъ волочебниковъ, ходившихъ на св.
прежнія времена) по деревнѣ для собиранія
ъ пѣснями, возя за собою особаго устройства
куклами» [1]). По личнымъ объясненіямъ
сообщаемымъ проф. Веселовскимъ, куклы дви-
олышкахъ и изображаютъ лошадокъ, обыкно-
аго цвѣта, среди которыхъ на бѣломъ конѣ
ъ Св. Георгій; тѣ лошади—его стадо. За этимъ
ъ сюжетомъ, по замѣчанію проф. Веселов-
предположить существованіе болѣе древняго,
съ такими-же типами хлопа, пана, жида, цы-
., какіе до послѣдняго времени являлись на
ценѣ бѣлоруссовъ, то живьемъ, въ лицѣ ряжен-
ыше стр. 97—98), то въ кукольной драмѣ [2]).
новъ такъ описываетъ кукольную комедію бѣ-
страивается ящикъ, въ родѣ нашего райка со
ъ, чаще съ отодвижною или подымающеюся
гѣнкою, иногда-же съ дверцами; въ ящикѣ
декораціи; полъ устланъ шкуркой; прорѣзныя
движенія куколъ; самыя куклы въ цвѣтныхъ
дѣйствуютъ посредствомъ проволокъ или ве-
привязанныхъ къ разнымъ частямъ ихъ тѣла
атрѣ маріонетокъ); разговоры дѣйствующихъ
ются самимъ хозяиномъ ящика или его слугами;
икъ падаетъ сверху; ящикъ иногда порядочно
родѣ подвижнаго балаганчика, и носятъ его
а; начало и антракты имѣютъ музыку, во-
скрипку; хозяинъ—антрепренеръ и товарищъ
ель; порою два, три служителя; иногда за-
ая компанія. Нынѣ ящики съ кукольной ко-
Бѣлой Руси носятъ названіе Вертепа, рѣже—
ъ вліяніемъ костёла, нынѣ главнымъ содер-
ыгрываемыхъ въ нихъ пьесъ сдѣлались сцены
наго писанія, во главѣ которыхъ стоитъ пред-
ждества Христова, внутренность священнаго
святымъ семействомъ, изображеніе Божествен-

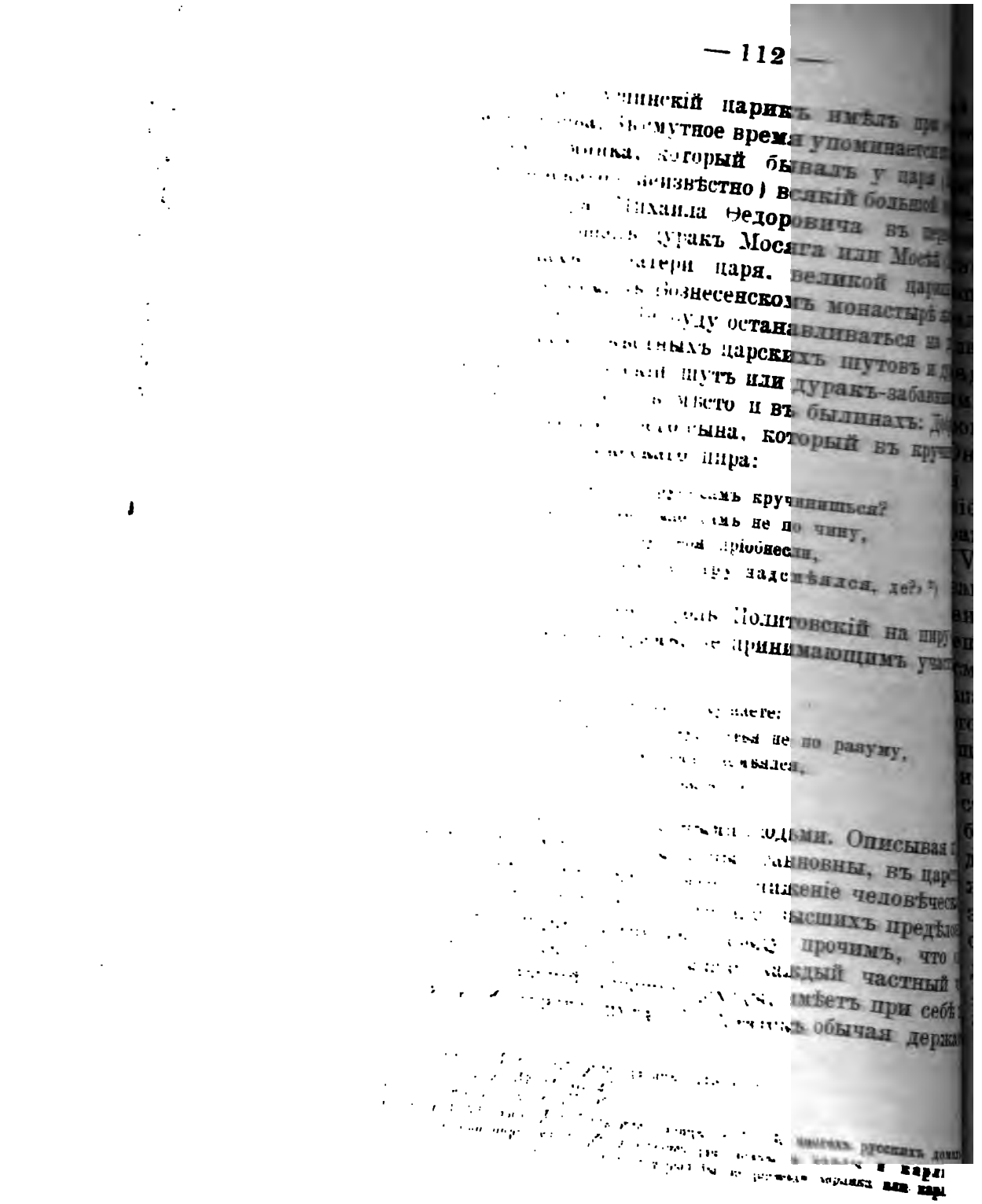
нар. пѣс. Словарь, см.: «кукольникъ».
ь обл. русс. дух. стих. VII. II, 213—214.



:ударь былъ славный, да притомъ-же и пра-
Ще картинка: «а вотъ андереманиръ штукъ—
, городъ Палерма стоитъ; барская фамилія
чинно гуляетъ и нищихъ итальянскихъ рус-
ами щедро надѣляетъ. А вотъ извольте по-
ереманиръ штукъ—другой видъ. Успенскій
осквѣ стоитъ; своихъ нищихъ въ шею бьютъ,
ютъ» и т. д. Въ концѣ происходятъ показки
мнаго пошиба, о томъ напримѣръ, какъ «зять
въ осиновую рощу», и о томъ, какъ: «она
а...» и т. д. которыя для печати уже совсѣмъ
[1]):

омъ скомороха-потѣшника сближается типъ
шута или дурака. Самымъ виднымъ, наи-
ющимся предметомъ комнатной забавы, по
. Забѣлина, былъ дуракъ, шутъ. Это былъ,
такъ выразиться, источникъ постояннаго
остоянной вседневной утѣхи для всѣхъ ком-
орцовыхъ людей. Обязанность дурака заклю-
мъ, чтобы возбуждать веселость, смѣхъ. До-
ь цѣль то пошлыми, то остроумными словами и
нерѣдко впадавшими въ цинизмъ. Дуракъ, не-
потѣшной роли своей, иной разъ становился су-
молимымъ обличителемъ лжи, коварства, лице-
кихъ пороковъ, нерѣдко только такимъ путемъ
до свѣдѣнія его господина. Достовѣрныя из-
историческихъ шутахъ русскихъ мы имѣемъ,
XVI столѣтія. Извѣстенъ шутъ Гаврило въ
овъ и шутовство особенно любилъ царь Іоаннъ
инъ итальянецъ, бывшій въ Москвѣ въ 1570 г.,
ъ между прочимъ: «царь въѣзжалъ при насъ
. Впереди ѣхали 300 стрѣльцовъ, за стрѣль-
его на быкѣ, а другой въ золотой одеждѣ,
государь». Царь Ѳедоръ Іоанновичъ также
лялся шутами и карликами мужескаго и
ла, которые кувыркались передъ нимъ и пѣли

й. Русс. пар. карт. V, 231—232, прим. 187.

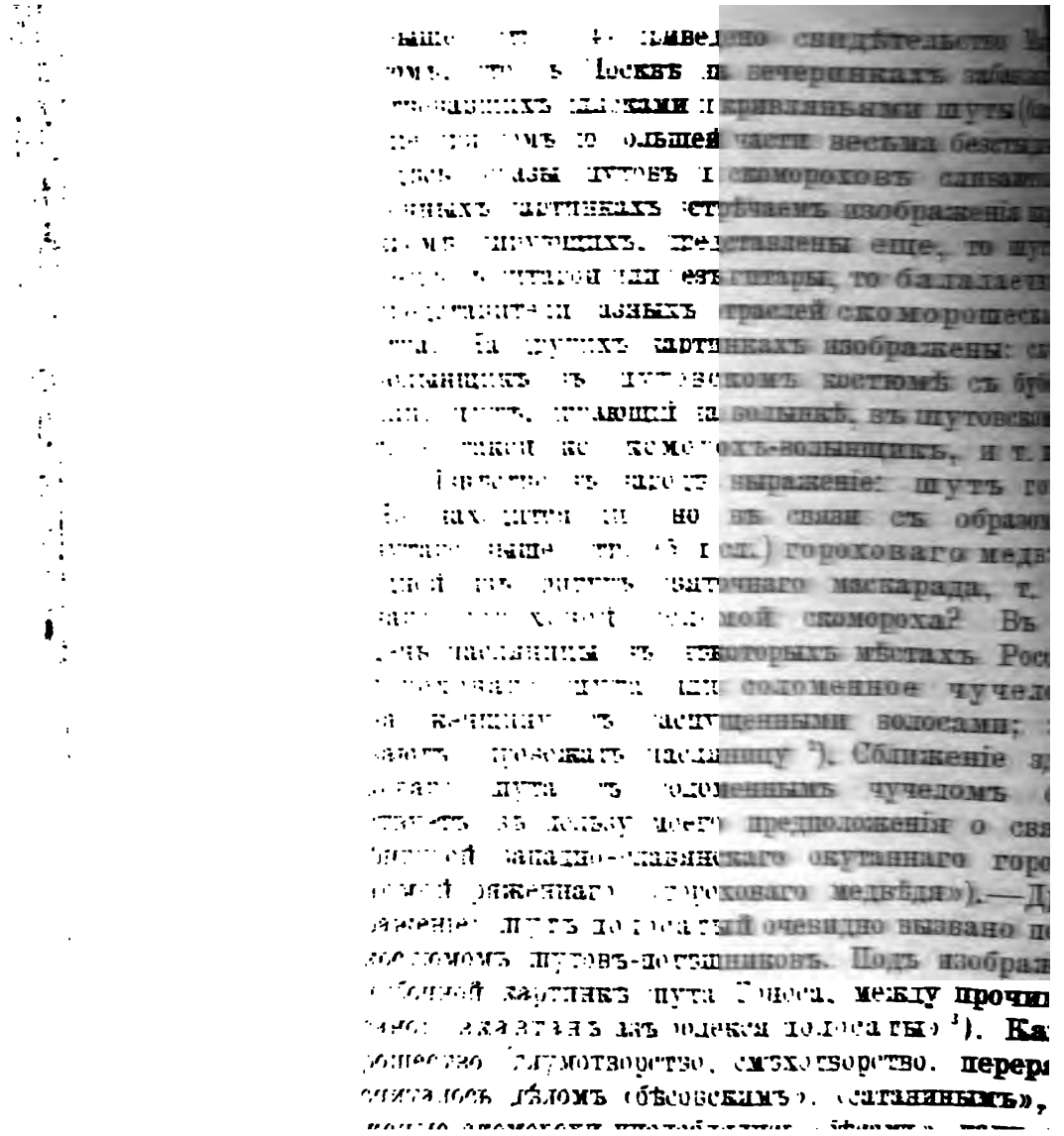


хи шутовъ, по словамъ Прыжева, сохранился
очимъ въ Московскихъ городскихъ рядахъ, гдѣ
рядъ имѣетъ собственнаго шута. Такъ лѣтъ 25
адъ Ѳ. Н. принадлежалъ Ножевой линіи, въ нижольномъ ряду былъ нѣкій И. С., въ серебря- И. К. Къ нимъ должно отнести и здороваго муребывавшаго въ гостиномъ дворѣ, гдѣ онъ за двѣ лаялъ собакою, кричалъ пѣтухомъ, блеялъ, мыпр. Этого мужика любители собачьяго лая приа на домъ, для увеселенія своихъ женъ и домо-. Ходилъ по рядамъ еще идіотъ, кричавшій пав- «Идетъ этотъ идіотъ, и кричатъ со всѣхъ стопрокричи павлинчикомъ! прокричи павлинчикомъ!» читъ, и всѣ выходятъ изъ-за прилавковъ, и смѣются, тся всѣ проходящіе. Получивъ несчастное подаяіотъ идетъ дальше»[1]). Такого рода шуты или дуоотвѣтствуютъ западнымъ народнымъ дуракамъ narr), какъ упомянутые выше царскіе шуты— мъ дуракамъ придворнымъ (Hofnarr). — Г. Ро- также замѣчаетъ, что въ Москвѣ шутовство было полномъ ходу до послѣдняго времени, въ лицѣ енаго дурака Ивана Савельича, всенародно бѣгава гуляньѣ въ Подновинскомъ, декольте, въ шикрасномъ мундирѣ, въ женской юбкѣ и въ женской задомъ на передъ, и нѣсколькихъ другихъ менѣе ныхъ шутовъ. Иванъ Савельичъ былъ любимцемъ и К. П. Толстой и многихъ московскихъ баръ и 1820 — 40 годовъ; онъ занимался разноскою по чая, сахара, табаку и разныхъ мелочей и продаихъ въ три-дорога; всякій покупалъ у него охотно, прибаутки и присказки. «Сына», разсказывалъ хотѣлъ я пустить по своей дорогѣ, выгодно право; ъ, глупъ оказался, въ гражданскую пустилъ»[2]).

ки дома», писалъ въ началѣ прошедшаго столѣтія авторъ сочиненія «Das e Russland». 1721. (I, 285). Вслѣдствіе того, на праздновавшейся въ 1710 г. арскаго карлика [Екима Волкова] съ карлицей, оказалось возможнымъ собрать, вѣ гостей, до 72 карликовъ. Обычай держать для забавы карликовъ и карманялся во многихъ русскихъ домахъ, даже не особенно богатыхъ, до средины ѣтія. Карлы и карлицы, по словамъ г. Ровинскаго, цѣнились на равнѣ съ рогими звѣрьми и собачками. (Русс. нар. карт. IV, 332; V, 274).

[2] Прыжевъ. Нищіе на святой Руси. 1862 г. Стр. 102—103.

Русс. нар. карт. V, 273—274.



«чортъ») его побери», «ну его къ шуту» (=къ
допился до шутиковъ» (= до чертиковъ)[1]). По-
что образы русскихъ шутовъ и скомороховъ не-
но не только сближаются, но и сливаются во едино.
инныя скоморошныя персоны, по замѣчанію г. Ро-
, дошли до насъ въ двухъ типахъ: мужикъ Ере-
льникъ, который на масляной вылѣзаетъ на ба-
й балконъ, вретъ всякую еремелицу впопадъ и не-
, но только всегда въ ритму, глотаетъ зажжен-
клю, вытягиваетъ изъ горла безконечную ленту,
янно пререкается и дерется съ другимъ скомо-
ь ублюдкомъ—шутомъ, выпачканнымъ въ мукѣ и
нымъ Замазкой—это итальянскій Gian Farina,
ванъ-мука.

главѣ шутовъ или дураковъ вполнѣ русскаго изо-
я стоятъ прославленные въ разныхъ повѣстяхъ,
, былинахъ, народныхъ картинкахъ, Ѳома и Ере-
они братья, друзья-товарищи, неудачники во всѣхъ
предпріятіяхъ. Дурацкая, шутовская природа обоихъ
чныхъ братьевъ обнаруживается, какъ во внѣш-
идѣ, такъ и въ похожденіяхъ ихъ:

Ерема былъ плешивъ, а Ѳома шелудивъ,
Брюхаты, пузаты, бородаты,
Носы поклапы, умомъ оба равны...
Ерема кривъ, а Ѳома съ бѣльмомъ...
. . . . . .
Еремей щепливъ, а Ѳома ломливъ;
На Еремѣ шляпа, а на Ѳомѣ колпакъ,
Ерема въ сапогахъ, а Ѳома въ чеботахъ,
Ерема въ чужомъ, а Ѳома не въ своемъ.

повѣсти о Еремѣ и Ѳомѣ по рукоп. XVIII в.)

Ерема съ Ѳомой были брательнички,
Они ладно живали, хорошо хаживали;
Ерема-то въ рогожкѣ, Ѳома въ торжицѣ;
У нихъ бороды какъ бороны, усы какъ кнуты.

сни, записанной Костомаровымъ въ Саратовской губ.)

[1] ты и скоморохи. «Историч. Вѣстн.» 1888 г., т. XXXII, стр. 463. Въ этой- читатель найдетъ обильныя свѣдѣнія о шутахъ западно-европейскихъ.

Приведу нѣкоторые отрывки изъ только т
той забавной повѣсти о названныхъ двухъ бр

Были себѣ да жили два человѣка
Торговые люди—Ерема да Ѳома.
Славные люди! славно живутъ!
Сладко пьютъ и ѣдятъ, носятъ хорошо!
У Ереме клѣть, а у Ѳомы изба.
. . . . . .
Похотѣлось двумъ братомъ—Еремѣ съ Ѳомою—
Сѣсти поѣсти, позавтракати;
Ерема сѣлъ на лавку, а Ѳома въ скамью,
Ерема за рѣдьку, а Ѳома за чеснокъ,
Ерема чеснокъ лупитъ, а Ѳома толчётъ,
Толко сидятъ, ничего не ѣдятъ,
Коя бѣда ѣсть (коли нѣтъ ничего?)
Вставши они, другъ другу челомъ,
(Другъ другу челомъ) а не вѣдаютъ о чемъ.

Собрались братья въ церковь, къ обѣднѣ:

Ерема крестится, а Ѳома кланяется,
Ерема въ книгу глядитъ, а Ѳома поклоны установлает
Ерема не учитъ, а Ѳома не умѣетъ.

Пришелъ къ нимъ лихой пономарь съ требов
денегъ на молебнъ, но денегъ у нихъ не оказало

Осердился на нихъ лихой пономарь,
Ерему въ шею, а Ѳому въ толчки,
Ерема въ двери, а Ѳома въ окно,
Ерема ушелъ въ лѣсъ, а Ѳома—въ сосникъ;
Стали они другъ другу говорить:
«Кого мы боимся, да одно себѣ бѣжимъ?»

Поступаютъ братья къ хозяину, осердился хозя
Ерему и на Ѳому, повторяется такое же, какъ
избіеніе обоихъ:

Ерему били, а Ѳомѣ не спустили,
Ерема ушелъ въ березнякъ, а Ѳома—въ дубнякъ.

Сговорились братья зайцевъ и лисицъ хватат

Ерема Ѳомѣ говоритъ:
«Брате Ѳоме, хватай, въ кошель сажай!»
— Коя бѣда хватать, коли нѣтъ ничего?»

ѣ разныхъ еще неудачныхъ похожденій,

Ерема сѣлъ въ лодку, а Ѳома въ ботникъ,
Лодка утла, а ботникъ безо дна;
Ерема поплылъ, а Ѳома не остался;
Какъ будутъ они середи рѣки,
Стрѣтился имъ на рѣкѣ шатунъ;
На Ерему навалился, а Ѳому выпрокинулъ,
Ерема (въ) водѣ, а Ѳома на дно;
Оба упрямы, со дна не бывали.
. . . . . .

тако двумъ братомъ конецъ! Еремѣ съ Ѳомою,
ѣимъ дуракамъ упрямымъ, смѣхъ и позоръ».

иальный конецъ братьевъ-дураковъ въ подписи подъ ствующей картинкой изложенъ такъ: «Ерема опро- я (въ) воду, Ѳома на дно оба упрямы содна не- (.) по еремѣ блины по ѳоме пироги а начинку вы- и воробьи».—Оба «дурака» имѣютъ и характеръ ско- овъ: на народныхъ картинкахъ они являются въ «Ѳомушки музыканта и Еремы поплюханта». музыку разумеетъ а ерема свистать щелкать пле- орошо умеетъ. Ѳома толко что іграетъ: а ерема и мигаетъ і ..... віляетъ», читаемъ въ подписи зображеніемъ обоихъ молодцовъ. По словамъ только веденной, въ выдержкахъ, повѣсти о братьяхъ-ду-

У Ереме гусли, а у Ѳомы домра...
Ерема играетъ, а Ѳома напѣваетъ [1]).

видѣли выше, что образъ дурака или шута (на- или придворнаго) неоднократно сливается на Руси зомъ скомороха; такъ точно получаютъ въ народ- редставленіи характеръ скомороховъ и дураки Ерема ой, сдѣлавшіеся героями народныхъ повѣстей, пѣ- картинокъ, игривые тексты которыхъ въ свою оче- сполнены юмора и изукрашены шутками и приба- , несомнѣнно роднящимися съ импровизаціями, «глу- и «кощунами» старинныхъ смѣхотворцевъ и глу- цевъ — скомороховъ.

---

[1]) винскій. Русс. нар. карт. I, 426, 437; IV, 295 и сл.; V, 271 и сл.

[illegible]

[illegible] 464.—О [illegible] XV в.), [illegible] [illegible] (Archiv [illegible] [illegible] [illegible]

Медвѣжья комедія заключалась въ предста-
вавшихся учеными медвѣдями, а именно:
ихъ, въ подражаніи ими разнымъ дѣйствіямъ
ъ исполненіи разныхъ гимнастическихъ упраж-
н. Все это составляло, по выраженію г. За-
бравшаго обильный матеріалъ по всѣмъ тремъ
названной потѣхи, —довольно разнообразный и
мательный спектакль для тогдашняго общества,
мѣнявшій ему наше театральное зрѣлище. Какъ
ра, такъ и медвѣжья комедія привлекла къ себѣ
комороховъ, сопровождавшихъ медвѣжьи пред-
игрою на музыкальныхъ инструментахъ. По сви-
у 2-ой Новгородской лѣтописи, въ 1571 г. въ
городахъ и селахъ набирались для царской по-
двѣди и скоморохи [1]). Олеарій упоминаетъ о
кахъ, игравшихъ подъ пляску медвѣдей при
нна Грознаго [2]). Кромѣ извѣстій о медвѣжьихъ
царскихъ, имѣемъ разныя свѣдѣнія о томъ, что
забавы распространены были и въ народѣ, какъ
, такъ и въ Литвѣ. Вундереръ, описывая вели-
ество Литовское въ 1590 г., говоритъ, что жи-
въ особенности держатъ много медвѣдей, ко-
буча̀ютъ играмъ, борьбѣ, пляскамъ, верченію
черпанію воды, ловленію рыбы, и прибавляетъ,
Москвѣ и въ Лифляндіи есть медвѣди, которые,
атросамъ, лазятъ вверхъ и внизъ по мачтовымъ
). Севастьянъ Клёновичъ (ум. 1602 г.) въ своей
и упоминаетъ, между прочимъ, о русскихъ мед-
XVI вѣка и искусствѣ обучаемыхъ ими мед-
его словамъ, послѣдніе умѣютъ подъ сиплый
ки (tibia) ударять въ тактъ въ ладони, вста-

ократно упоминается о томъ, что того или другаго бойца медвѣдь «измялъ», платье ободралъ», тому или другому «изъѣлъ руку», «изъѣлъ голову» и бойцовъ служили рогатины и вилы, которыя всаживались разсвирѣпѣвмуся на заднія лапы, медвѣдю въ грудь. (См. у Забѣлина. Дом. бытъ 167 и сл.)

ше стр. 5. Есть подобная же грамота царя Михаила Ѳедоровича (1619 г.), на сѣверъ, въ медвѣжью страну, которой приказывалось собирать для собакъ и медвѣдей. (Забѣлинъ. Дом. бытъ русс. царицъ. 462—463.)

пис. путеш. въ Москв. 79.

ager. Reise in Moskau 1590, въ Frankfurter Archiv für ältere deutsche Geschichte. 1812. II, S. 199.

[illegible] по приказанію [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]

представленіи ученыхъ медвѣдей, древній
для потѣхи толпы ученыхъ медвѣдей поди
слѣдующими свидѣтельствами, сводящимися
изложенному въ прав. 61-мъ Трулльскаго
книга по списку 1282 г. осуждаетъ «вла
ди [1]). Домострой называетъ медвѣдей
мерзскихъ дѣлъ, рядомъ съ пѣснями, пл
ніемъ и пр. [2]). Стоглавъ порицаетъ «кор
нящихъ медвѣди... на глумленіе [3]). Митро
ратуетъ противъ «водящихъ медвѣди» [4]). П
кумъ разсказываетъ о встрѣченныхъ имъ
медвѣдяхъ съ бубнами и домрами и
скахъ) [5]); Олеарій упоминаетъ о комедіан
никахъ, сопровождающихъ вожаковъ ме
царской грамотѣ 1648 г. порицаются тѣ,
водятъ» [7]), а другая грамота царя Алексѣя
того-же года ополчается противъ игрецо
скомороховъ, ходящихъ «съ домрами
ди» [8]). Въ старинной рукописи 1656 г. г
селыхъ гуляющихъ людяхъ и ихъ медвѣ
описанія Московіи (въ концѣ XVII в.) срав
ныя, по его выраженію, пляски русскихъ
ученыхъ русскихъ медвѣдей и отдаетъ
послѣднимъ [10]). Русскіе медвѣдчики заходил
вѣкѣ (если не раньше) на западъ: въ Герма
быть и далѣе [11]).

«Приходъ вожака съ медвѣдемъ—пип
скій—еще очень недавно составлялъ эпох
ской заглушной жизни: все бѣжало къ нему

---

[1]) Буслаевъ. Историческая христоматія. 1861 г. Стр. 381.
[2]) Гл. 8, стр. 16.
[3]) Гл. 93.
[4]) Пам. стар. русск. лит. IV, 201.
[5]) Тихонравовъ. Лѣт. русс. лит. и древ. I, 124.
[6]) Подр. опис. путеш. въ Москов. 178.
[7]) Ивановъ. Опис. госуд. арх. 269 и сл.—Ср. акт. истор. (ар
[8]) Сахаровъ. Сказ. русс. нар. II. VII, 99.
[9]) См. ниже, гл. 3.
[10]) Voyages hist. de l'Europe. VII, 35.
[11]) Ср. Веселовскій. Розыск. въ обл. русс. дух. стих. VII. 1
(Orl. fur. c. XI, st. 49) сравниваетъ горделивое презрѣніе Роланд
его врагамъ, съ невозмутимостью медвѣдя, водимаго русск
скими поводырями, когда на него лаютъ собаченки.

и малый... Представленіе производится обык-
на небольшой лужайкѣ; вожакъ—коренастый по-
у него къ поясу привязанъ барабанъ; помощ-
за, мальчикъ лѣтъ десяти-двѣнадцати, и нако-
вный актеръ — Ярославскій медвѣдь Михайло
съ подпиленными зубами и кольцемъ, продѣтымъ
здри; къ кольцу придѣлана цѣпь, за которую во-
водитъ Михайлу Иваныча; если же Михайло Ива-
нь «дурашливъ», то ему, для опаски, выка-
и «глядѣлки».

Нутка, Мишенька», начинаетъ вожакъ: «покло-
тнымъ господамъ, да покажи-ка свою науку, чему
тебя пономарь училъ, какимъ разумомъ награ-
какъ красныя дѣвицы, молодицы, бѣлятся, ру-
, въ зеркальце смотрятся, прихарашиваются».—
садится на землю, третъ себѣ одной лапой морду,
й вертитъ передъ рыломъ кукишъ,—это значитъ
въ зеркало смотрится.

«А какъ, Миша, малыя дѣти лазятъ горохъ во-
».—Миша ползетъ на брюхѣ въ сторону.

«А какъ бабушка Ероѳѣевна блины на масляной
обралась, блиновъ не напекла, только со слѣпу руки
, да отъ дровъ угорѣла. Ахъ блинцы, блины!»—
лижетъ себѣ лапу, мотаетъ головой, и охаетъ.

«А ну-ка, Михайло Иванычъ, представьте, какъ
Мартынъ къ заутрени не спѣша идетъ, на костыль
тся, тихо впередъ подвигается;—и какъ попъ Мар-
отъ заутрени домой гонитъ, что и попадья его не
тъ. (Или же: «А какъ бабы на барскую работу не
бредутъ?—Мишенька едва передвигаетъ лапу за
«И какъ бабы съ барской работы домой бѣгутъ?»—
нька принимается шагать въ сторону.) «И какъ ста-
ерентьичъ изъ избы въ сѣни пробирается, къ мо-
снохѣ подбирается».—Михайло Иванычъ семенитъ
ается ногами.—«И какъ барыня съ бабъ въ кор-
тальки да яйца собираетъ, складываетъ, а баринъ
дѣвичью работу посматриваетъ, не чисто-де ленъ
съ, ухмыляется, знать до Паранькинова льна доби-
».—Михайло Иванычъ ходитъ кругомъ вожака, и
тъ его за гашникъ.

— «А ну-те, Мишенька, представьт
купчиха отъ Николы на Пупышахъ, нап
шись, какъ налитой к...ъ сидитъ, мало
слово рыгнетъ, черезъ два ....» — Мише
землю и стонетъ. (Записано на самомъ ш
торое въ натурѣ бывало несравненно ско

«Затѣмъ — продолжаетъ г. Ровинскій — в
ваетъ барабанъ, а мальчикъ его устраивает
т. е. надѣваетъ на голову мѣшокъ, сквозь к
проткнута палка съ козлиной головой и р
ловѣ этой придѣланъ деревянный языкъ, о
тораго происходитъ страшный шумъ. По
выбивать дробь (отсюда произошло и бр
«ахъ ты отставной козы барабанщикъ»), д
за кольце, а коза выплясываетъ около Ми
трепака, клюетъ его деревяннымъ языко
Михайло Иванычъ бѣсится, рычитъ, вытяг
ростъ, и кружится на заднихъ лапахъ от
это значитъ: онъ танцуетъ. Послѣ такой неу
вожакъ даетъ ему въ руки шляпу и Ми
обходитъ съ нею честную публику, котора
свои гроши и копѣйки. Кромѣ того и М
подносится по рюмкѣ водки, до которой
охотникъ; если же хозяева тароватые, то
нію прибавляется еще дѣйствіе: вожакъ
шину цѣпь, со словами: «а ну-ка, Миш
ремся», схватываетъ его подъ силки, и прои
которая оканчивается не всегда благопол
вожаку иногда приходится и самому пред
малыя дѣти горохъ воруютъ» — и хорошо
отдѣлается при этомъ одними помятыми б
реломовъ».

Описанное представленіе обнаруживает
ство репертуара медвѣжьей комедіи XIX
пертуаромъ XVIII вѣка, въ подробности к
22 нумерахъ вышеприведеннаго объявлен
бургскихъ Вѣдомостей 1771 года, въ свои
номъ съ репертуаромъ XVI (см. выше стр.
роятно и еще болѣе раннихъ столѣтій. Г.
должаетъ свой разсказъ:

плютъ еще на Михайлу Иваныча, будто онъ до
тникъ, и на этотъ предметъ даже скоромная кар-
чинена; но бабы говорятъ, что это вздоръ поло-
о;—а вотъ какое повѣрье на самомъ дѣлѣ запи-
одномъ Румянцевскомъ сборникѣ 1754 г.: «тя-
де бабы, для примѣты, даютъ изъ своихъ рукъ
о хлѣбъ; если онъ при этомъ рыкнетъ — то ро-
дѣвочка, а если возьметъ молча—то будетъ маль-

льзя не замѣтить въ этомъ повѣрьѣ связи съ при-
ой выше (стр. 95—96) русской святочной пѣсней о
дѣ пыхтунѣ», предвѣщающемъ свадьбу, а равно и
дно-славянской маскарадной святочной же фигу-
гороховаго медвѣдя», обязательно пляшущаго со
женщинами и дѣвушками, способствуя тѣмъ плодо-
въ домѣ.

Обыкновенно медвѣжья компанія ходитъ только втро-
продолжаетъ г. Ровинскій: «вожакъ, медвѣдь —
ло Иванычъ и коза; но бываетъ, что, изъ финан-
ъ соображеній, два вожака соединяются вмѣстѣ:
съ Михайломъ Иванычемъ, а другой съ Марьей
овной (медвѣдицей), и берутъ съ собой только одну
[1]).

Музыкальный элементъ въ описанномъ представленіи
ичивается звуками барабана, но въ старину, какъ
о изъ приведенныхъ раньше свидѣтельствъ, медвѣди
лняли свои пляски подъ звуки волынки или трубы;
вѣдей сопровождали скоморохи съ домрами и дудами,
съ домрами и съ бубнами, также комедіанты кукольи, въ свою очередь сопровождавшіеся игроками на
яхъ и гудкѣ. Словомъ въ старину, именно въ XVII вѣкѣ,
вѣжья комедія входила въ составъ скоморошескихъ по-
ь. О такой бродячей ватагѣ скомороховъ съ двумя
вѣдями говоритъ, безъ сомнѣнія, протопопъ Аввакумъ,
сказывая про одно изъ своихъ злополучныхъ приклюій: «Пріидоша въ село мое—пишетъ онъ—плясовые
вѣди съ бубнами и съ домрами, и я грѣшникъ,
Христѣ ревнуя, изгналъ ихъ и хари и бубны изло-

[1]) Русс. нар. карт. V. 227—230.

...ялъ на полѣ единъ у ме...
...ликихъ отнялъ одного у...
отпустилъ въ поле» [1]).

Кромѣ ученыхъ медвѣдей...
...дили и другихъ ученыхъ зв...
...гочестивыми людьми признава...
...ными. грѣховными. какъ и пр...
«Иже медвѣди водящія и ини...
слабымъ» читаемъ въ пандекта...
«Кормящеи и хранящеи медвѣди...
...вотная на глумленіе и на прель...
...ловѣкъ»; говорится въ (Стоглавѣ [3]).
...ніемъ покорити подобаетъ и водящ...
...нѣкія таковыя животныя на иг...
...шимъ» говоритъ митрополитъ Даніи...
...нутой грамотѣ царя Алексѣя Михай...
...рицаются тѣ, кто «медвѣди водятъ и
...шутъ» и предписывается. чтобы «ме...
и съ сучками не плясали». Не зак...
слѣдующая пѣсня изъ Мензелинскаго у...
о потѣшникѣ-скоморохѣ. въ лицѣ крыси...
выходящаго на канатѣ и обращающагося...
...ными скоморошьими шутками и прибаут...
по словамъ пѣсни, находится яма, покры...
...мѣ завелись крысы и мыши, имѣющія свое...
плясуна на канатѣ; невольно задаемъ себѣ во...
...ли это ученыя крысы и мыши, которыхъ...
показывалъ скоморохъ—канатный плясунъ?

А крысиный господинъ по канату выходилъ,
По канату выходилъ, съ стариками говорилъ:
Ахъ вы стары старики, міроѣды мужики,
Міроѣды мужики, воры ябедники,

---

[1]) Тихонравовъ. Лѣт. русс. лит. и древ. I, 124.—Къ числу упомя...
харь (=масокъ надѣваемыхъ на голову, ср. выше стр. 85) принадлежа...
козлиная или ковья голова, украшавшая спутника медвѣдей, кову.
[2]) У Срезневскаго. Свѣд. и зам. LV, 267.
[3]) Гл. 93.—Ср. Сходныя слова Корнчей по списку 1282 г.: «Влачащи...
или таковыя животы нѣкакы на руганіе и въ родъ (=вредъ?) простѣйши...
славъ. Истор. христ. 381).
[4]) Пам. стар. русс. лит. IV, 201.

[illegible]

У меня есть молодая жена
Анютка Ивановна
Она от вечера грусна, больна
От полуночи недужна вся.—
Находили печь ей в голове,
Находили тень ей в хребте,
Простыло подуть к сердцу...
А кто бы-де под нами пособил,
Кто подуги бы прочь отгонил,
От моей молодой жены
От Анютки Ивановны.
Тому дам десять сто рублев
Вот единыя денежки.

---

1) Веселовскій. Розыск. въ обл. русс. дух. стих. VII. II, 208.
2) Ср. Буслаевъ. Русскія повѣи XI и начала XII вѣка, въ Лит. [illegible] древ. Тихонравова. I, 26.

...ь Авдотью, и Терентьи-
...дуолей [1]). Въ другомъ пересказѣ той же
...е прямо привѣтствуетъ скомороховъ, какъ
...говаривателей недуговъ, знатоковъ
...олѣзнямъ, словомъ, какъ знахарей:

...по землѣ ходокій,
...всѣмъ скорбямъ знатоки,
...би ухаживаете,
...и уговариваете [2]).

...ороны естественно отождествленіе слугъ
...ми являлись скоморохи (см. ниже), съ волх-
..., вѣдунами. Въ одномъ рукописномъ сбор-
...хи и свирѣльники именуются волхвами
...угами антихристовыми [3]).
...венная сила, которую народное представле-
...ло скоморохамъ, обнаруживается и въ непре-
...оянномъ участіи ихъ въ старину въ свадеб-
...твахъ. Выше (стр. 19) указано было на то,
...совъ игрецъ-дударь замѣняетъ у невѣсты-си-
...ей, словомъ является какъ бы ея покрови-
...ранителемъ. Онъ отпускаетъ сироту-невѣсту
съ молодымъ мужемъ, при чемъ между моло-
...емъ происходитъ слѣдующій разговоръ:

Невѣста.

Дударенку, господаренку,
Да ужу жъ мене заручали.

Дударь.

Ня бой ся, нябога (=бѣдная),
Ня будзиць ничога!
Я за тобою,
Дулъ! дулъ! въ дудою.

...роха «съ села до села», во время свадебнаго
...чиваетъ постоянное веселье, т. е. ра-

Древ. росс. стих. 11.
...ѣсни. VII, 49.
...ост. возвр. I, 344—345.

...дитъ счастье ...
...ской шлетъ лѣву...
...ее къ себѣ въ усл...
...дѣлое благословен...
...ей счастье.

...

...

...

коди прохожіе, голыши, пьяницы.—
бѣждаетъ жида-философа. — Ско-
Оказники, воры, грабители. (Воло-
Кобники. Колядовщики.)

разносторонность дѣятельности скомороховъ
принять въ соображеніе, что они, какъ люди
одячіе, снискивая себѣ пропитаніе своимъ
должны были всякими способами подлажи-
усъ поддерживавшей своими подаяніями су-
ихъ, награждавшей ихъ толпы, которую они
музыкой, пляскою, пѣснями, шутками и при-
скарадами, фарсами, кукольными комедіями,
фиглярствомъ и, наконецъ, показываніемъ уче-
Выше приведены слова былины, въ которыхъ
лтый скоморохомъ, привѣтствуется Владиміромъ
какъ «дѣтина пріѣзжая, скоморошная, гусель-
другомъ пересказѣ Владиміръ спрашиваетъ Доб.
мороха:

молодецъ, съ какой земли, съ какой орды?» [1]).

линѣ о Гостѣ Терентьищѣ герою ея попадается
у за городомъ толпа очевидно бродячихъ ско-

«А и бродишь по чисту полю,
Что корова заблудящая,
Что ворона залетящая».

ъ. Онѣж. был. 136.

[illegible]

Гусли [illegible] — все
характеризуютъ свой бытъ са
Кочевая, [illegible] и пляса
[illegible] [illegible] [illegible] [

[illegible]

[illegible]

[illegible]

азъ тебѣ два глаза выколю[1]). И снидошася
ари скоморох(а) христианска жидовинъ по-
у: Послушай, христианский философъ: въ
святомъ евангелиі пишетъ: аще хто тя уда-
е и ты и ему обрати и другую. Рече ему
слушай, философъ жидовскиі: въ томъ же
гелии пишетъ: Како вам человѣцы творятъ...
искѣ прибавлено: «и вы имъ такожде тво-
и скоморох жидовина по уху и рече жидовин
гадай ты философе, загадку: курица ли от
о от курицы. И скоморох, снявъ з жидовина
ив жидовина въ плешъ, и рече: Отгадай ты
довской: отчево трѣськъ трещит отъ плѣшъ ли
или рука от плеши? И рече жидовинъ: Оста-
; сочтемъ въ году въ коей вѣре празников
лучше вѣра. И рече скоморохъ: Добро реклъ
не философе; напередъ въ моей вѣре счести
въ году, а дай мнѣ у тебя изъ бороды по во-
ласти перед собою и перед тобою; ино тебѣ внят-
а мнѣ паметно: сколко въ году праздниковъ и
ораго дни святых, и яз столко вырву у тебя
ты, жидовин, станешь щитать въ своей
ской, сколко праздниковъ въ году, и ты у меня
ви изъ бороды, да клади перед собою і передо
че жидовинъ: Добро реклъ еси, философе: буди
ри, ясеж хощеши. Рече скоморохъ жидовину:
философъ жидовьской: въ нашей християнской
о въ году празников въ году рождество Гос-
о Іисуса Христа, иже вы, жидове, роспяше его
ависти ради і въ трети день воскресе. А у жи-
ос із бороды выдрали і положили предо всѣми.
ее у нас рожество христове праздникъ соборъ
Богородицы. Да волоз же у жидовина вырвалъ.
день святаго первомученика Стефана архидиа-
олось же у него вырвали. А на четьверты день
у насъ святыхъ мученик двѣ тмы. І поимав
а бороду обѣими руками, выдралъ у него мало

же понялъ отвѣтъ скомороха такъ: «той же сотвори и Еву», «и мыс-
ко зѣло премудръ скоморохъ отвѣтъ творитъ».

Въ XVI столѣтіи встрѣчаю
мороховъ отъ 60 до 100 челов
почти получаютъ характеръ нашес
упоминаетъ о такихъ толпахъ сво
нимъ странамъ ходятъ скомрахи,
многими до шестидесяти и до семи
ловѣкъ, и по деревнямъ у крестьянъ
ядятъ и піютъ и съ клѣтей животи
рогамъ разбиваютъ» [3]). Въ виду эт
постановлено: «чтобы впредь такое на
ніе не было». Но и раньше того, нач
вѣка, стали неоднократно появляться ус
ныя и другія грамоты, коими въ той м
ности скоморохамъ запрещалось играть,
валось право безнаказанно выгонять скомо
чаѣ если-бы они не желали слушать и в
и глумы: «а скоморохомъ у нихъ (кресть
деревень) ловчей и его тіунъ по деревнямъ
ти не ослобождаетъ: кто ихъ пустить на
вольно, и они тутъ играютъ; а учнутъ у ни
по деревнямъ играти силно, и они ихъ изъ
шлютъ вонъ безпенно (=безнаказанно)»,
одной изъ уставныхъ грамотъ (1509 г.). Та
щеніе скоморохамъ играть и разрѣшеніе жит
лать изъ селеній начинающихъ играть наси
чаемъ въ грамотахъ 1470, 1506, 1522, 1536,
1554, 1555 годовъ [1]).

Невольно дѣлаемъ сближеніе между ватаг
ховъ, появлявшимися въ праздники, и толпа
щиковъ и волочебниковъ (т. е. волочащих
людей), нынѣ еще ходящими въ извѣстные п
рождественскихъ святкахъ, на масляницѣ, и
дома къ дому съ пѣснями, въ которыхъ во
отвѣтствующій праздникъ и славятъ и велича
соотвѣтствующаго дома, испрашивая себѣ за
Толпы волочебниковъ, сохранившія слѣды ка
ренней организаціи, ближе, чѣмъ менѣе сплоче
низованные партіи колядовщиковъ, сходству

---

[1]) Акты (арх. эксп.). I, №№ 86, 144, 171, 181, 201, 217, 240, 24

А ве
Валеч
Шли з
Дорогов
Широкая
Грауко[й]—

И колядовщики пок

Хлятъ реб
Шлютъ ребят

Какъ скоморохи, по ве
) крестьяне Васильево и «г
Щедрщики и Колечебники д
) подачкахъ нерѣдко сопрово
ли, старину, быть можетъ, и
шапр, въ колядкахъ:

Щедрщикъ:

Боже, дай вечеръ доб
І намъ дайте пирог
А яко не часте,
То польму кобылу за
Повезу въ кабакъ.
Да пропью за пятакъ

Щедрщикъ...

Пышка лепешка
Въ печи сидѣла,
На насъ глядѣла,
Въ ротъ захотѣла.
Дайте намъ кешку въ локоть,
Чтобы семерымъ не слопать,
Дайте намъ ломоть пирога
Во всѣ коровьи рога...
Не дадите лепешки,
Выкидаемъ всѣ окошки.
Не дадите пирога,
Выкидаемъ ворота [1]).

[1]) Бѣлорусск. пѣсн. I, 3.
[2]) Опыты историч. Костомарова, въ этнографич. сборн. Имп. Русс. Геогр
[3]) Терещенко Быт. русс. нар. VII, 76.
[4]) Шейнъ Русс. нар. пѣсн I, 369.

[redacted]й пирога!
[redacted]не дашь пирога,
[redacted]маемъ ворота,
[redacted]и окна разобьемъ [1]).

[redacted]не дастъ пирога,
[redacted]обьемъ ворота,
[redacted] не дастъ кишки,
[redacted]обьемъ горшки [2]).

[redacted]ихъ пѣсняхъ:

[redacted]то не дастъ конца пирога,
[redacted]ы корову за рога,
Христосъ воскресъ Сына Божья! [3]).
Кто не дастъ пару яицъ,
Мы прогонимъ всѣхъ овецъ,
Кто не дастъ солонины кусокъ,
Мы свинью завалимъ [4]).

, что въ такихъ пѣсняхъ, быть можетъ, оспоминаніе о насильственной ѣдѣ и насильтіи скомороховъ въ деревняхъ, быть можетъ ніи животовъ» у крестьянъ. Гдѣ можно было, гягивали» то, что плохо лежало, какъ напр. тую бабью кубышку съ деньгами, употребсть, то насиліе. О хитрыхъ продѣлкахъ и мороховъ до сихъ поръ еще сохраняются въ нія. Отъ многихъ старожилъ и теперь еще, бѣляева, можно слышать разсказы о томъ, ки, подходя къ селу, раздѣлялись на партіи,

---

. Русс. прост. праздн. II, 106. — Ср. также зложеланіе, въ ываемое въ слѣдующихъ словахъ колядки:

Тетушка, тетушка,
Подай намъ козурку (=печеніе),
А не дашь козурки,
На новый годъ осиновый тебѣ гробъ.

кія Вѣдомости. 1860 г. № 27.)

отельница, въ этногр. сборн. V, 79—80.
ѣ каждаго двустишія.
орсаковъ. Сбор. русс. нар. пѣс. II, № 47.

изъ которыхъ одн
другая пѣснемъ и
разсказывая имъ п
домахъ. Въ Московск
деревня Лыкова. Там
какъ ватага бродячи
расположилась близъ д
дующей пѣснѣ:

Ай, матушка
Пришей къ шу

Воротившись домой съ
не нашли большей части сво
Стоглава о скоморохахъ: «с
бятъ) [1].

Въ югозападной части Томск
канты, играющіе для плясокъ, по
подъ музыку отрывки разныхъ пѣ
и нижеслѣдующій (записанный въ
промтъ, по разсказамъ мѣстныхъ ж
при такихъ обстоятельствахъ: въ одн
черка; шли воры крестьяне, одинъ изъ н
музыканту вошелъ въ избу и предложи
компаніи, а его товарищи остались на д
рить по амбарамъ, нашли много добра,
жить — не знаютъ, а на дворѣ сушились
вотъ музыканту и пришла мысль замѣнит
хами, онъ и пропѣлъ свое предложеніе громко
шали на дворѣ:

Ужь вы глупые крестьяне,
Неразумны мужики,

---

[1] Бѣляевъ. О скоморохахъ. 83—84. Прим. 3.—И современный ис
русскій дударь, по словамъ г. Шпилевскаго, «рыская по всему прав
щитъ, многое и самъ придумаетъ; умѣетъ ловко разсказать о виданномъ,
дуетъ кого удачною плутнею, особенно когда публика его бываетъ
(Мозырщина, Гъ арх. истор. и практич. свѣд. III, стр. 5).

[illegal]-же ли мѣшокъ?
[illegal]ава-то завяжи,
[illegal] что хошь положи [1]).

[illegal] связанное съ нею преданіе напоминаютъ
[illegal]лянутое преданіе деревни Ликова, а также
[illegal]ошьей воровской продѣлкѣ съ бабьей ку-

[illegal] скомороховъ доходило до грабительства.
[illegal]ваютъ заключительные стихи приведенной
[illegal]·, 134, 141) пѣсни «о Веселыхъ», обокравшихъ
[illegal]рой они пріютились для ночлега:

Ты живи баба подолѣ,
Ты копи денегъ поболѣ,
И мы дворъ твой знаемъ,
Опять зайдемъ,
Мы кубышку твою знаемъ,
Опять возьмемъ;
А тебя дома не найдемъ,
И дворъ сожжемъ [2]).

[illegal]· эти близко роднятся съ заключительными-же
разбойничьей пѣсни «Ахъ усыньки усы, уда-
цы»: послѣ того какъ разбойники ограбили бо-
жика въ его дому, они обращаются къ нему съ
ироніей, какъ выше воры-скоморохи къ обокра-
[illegal] старухѣ:

Вотъ спасибо тѣ мужикъ,
Вотъ спасибо господинъ,
Пожили мужикъ по-долѣ,
Покопи денегъ по-болѣ,
Мы назадъ пойдемъ,
Мы опять зайдемъ [3]).

[illegal]I, 61.
[illegal]· русс. нар. I. III, 221.
рест. пѣс. № 43.—Ср. К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 289.

Въ Стоглавѣ, какъ м
ватаги скомороховъ «по до
т. е. грабить [1]).

[1]) Бѣляевъ обратилъ вниманіе на слѣдующую пѣ
которой онъ узнаетъ разсказъ о грабительствѣ скоп
отрывокъ изъ этой пѣсни:

Ахъ Суздальцы, Володимерцы,
Ни сказать, ни пѣсать съ ко
Съ колокольчиками, съ бѣлобольчи
Ахъ станемъ говорить выгова
Черно на бѣло выворачивати.
Какъ у Карпова двора,
Да окатна гора;
Какъ не Карпъ ее катавъ
И не Карпова жена,
Укатали бояре семи городовъ,
(можетъ быть, по мнѣнію Бѣляева, это скоморохи, въ
члены разныхъ волостей)
Поставили избушку семи локотковъ,
(быть можетъ, это кибитка или шалашъ, поставленные ворам
Карпа, чтобы выманить изъ дома хозяйку)
А одна-то доска поперещилася,
Поперещилася, потрескалася;
Я ударю во косокъ
Промежду пяти достокъ,
Какъ понесся голосокъ
Изъ избушки во лѣсокъ,
Какъ отдался голосокъ
Въ самый тотъ-же во часокъ,
Что Ульяна отъ побою переставилася.

(Пѣсни русс. нар. IV, 103.)

При соображеніи съ другими свидѣтельствами о разбойническихъ ват
роховъ и ихъ поступкахъ, замѣчаетъ Бѣляевъ, намъ слышатся въ этой пѣс
и переклички скомороховъ, раздѣлившихся на три партіи, изъ которыхъ о
даетъ въ лѣсу, другая—обманываетъ и убиваетъ хозяйку, а третья—на кон
поетъ, пляшетъ и въ намѣренно запутанной пѣснѣ разсказываетъ крестья
дѣлается у нихъ во дворахъ. (О скоморохахъ. 83—85.)

Глава четвертая.

Скоморохи осѣдлые.

рохожихъ, проѣзжихъ скомороховъ, издавна
сѣдлые, успѣвавшіе пристраиваться къ кня-
и царскому двору, или къ домамъ богатыхъ
бояръ, или просто проживавшіе въ томъ или
тѣ (деревнѣ, слободѣ, городѣ), прокармливаясь
ью своего ремесла. По словамъ былинъ, на
язя Владиміра присутствуютъ толпами игроки,
ср. выше стр. 8—9), очевидно принадлежащіе
ому штату. Въ былинѣ о Ставрѣ, выдающая
ıа, Ставрова жена спрашиваетъ князя:

Нѣтъ-ли у тебя загусельщиковъ,
Поиграть во гуселышки яровчаты?
Какъ повыпускали они загусельщиковъ,
Всѣ играютъ, и т. д. [1]).

щики, слѣдовательно, оказываются на готовѣ,
въ нихъ встрѣчается надобность. Впрочемъ,
пересказѣ Владиміръ посылаетъ

аковыхъ людей всякихъ рукъ,
ли веселыхъ молодцовъ на княжескій дворъ [2]).

о можно лишь заключить, что зазывали ко
ороннихъ, не штатныхъ «веселыхъ молодцовъ».

въ. Пѣсни. II, 110.—Ср. Гильфердингъ. Онеж. бы. 773, 855.
въ. Древ. росс. стих. 91.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

этого опять заключаемъ, что бывали у
ѣ пѣвцы и гудцы (музыканты).

Сказанное мною выше (стр. 50) объ от-
ныхъ извѣстій о музыкальныхъ увеселе-
князей съ XIII (или даже съ XI) до конца
мню, что въ 1490 г. былъ выписанъ ко
на III органный игрецъ, по имени Иванъ
анъ бѣлыхъ чернецовъ Августинова ор-
й собою рядъ иноземныхъ потѣшниковъ
Іоаннѣ Грозномъ русскіе скоморохи, пред-
лой игры, играли при царскомъ дворѣ еще
съ ними царь самъ пѣлъ на своихъ пирахъ
сни и плясалъ въ «машкарахъ»; ихъ пляс-
нно связанными съ игрой, царь забавлялъ
стей, присутствуя на свадьбѣ Магнуса Гол-
княжной Маріей; ихъ игра на волынкѣ (вѣ-
другихъ инструментахъ) сопровождала мед-
ю, которою забавлялся царь. Тѣшили, кромѣ
вѣвая на него сонъ своими разсказами, старцы-
цѣ которыхъ, равно какъ и въ лицѣ позднѣйшихъ
гусельниковъ, мы узнаемъ преемниковъ древ-
ховъ-сказителей, т. е. пѣвцовъ старины. Баха-
чаемъ, послѣ Іоанна Грознаго, у царя Василія
ахарей, домрачеевъ и гусельниковъ — при
Михаила Ѳедоровича. Въ теченіи XVI сто-
гѣе и болѣе стали цѣниться въ Москвѣ инос-
ра всякаго рода ремеслъ и художествъ; между
возились изъ за-границы къ царскому двору
авикорды съ соотвѣтствующими игрецами;
чалѣ XVII вѣка, появляются въ царской по-
гѣ еще цимбальники и скрипотчики, русскіе
ценію, но, разумѣется, научившіеся своему
иноземныхъ мастеровъ. Всѣ вышепоимено-
цовые музыкальные искусники, къ которымъ
ся еще толпа дворцовыхъ трубниковъ, сур-
крачеевъ (подробнѣе я буду говорить о нихъ
тѣстѣ), представляютъ уже нѣчто въ родѣ
ыхъ потѣшниковъ. Иноземный элементъ въ

русс. лѣт. II, 180.

...ыва
...рода:
...Ай же ты Сад...
такъ привѣтствуетъ его, и...
гу Ильменя озера, царь мор...
же былинѣ:

Приходилъ Садко въ свой...

О томъ, что скоморохи живали...
чаемъ изъ словъ приговорной памяти...
ра Троицкой лавры (1555 г.), запрещ...
пени держать въ волости скоморохов...
имъ въ волости держати скоморохов...
учнуть держати, у котораго сотскаго въ е...
мутъ,... и на томъ сотскомъ и его сотнѣ в...
сять рублевъ денегъ, а скомороха или волхв...
ограбивъ да выбити изъ волости вонъ». Здѣсь...
лено: «а прохожихъ скомороховъ въ волость не пу...
слѣдовательно прямо дѣлается различіе между ск...

---

1) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 371.
2) Акты (арх. эксп.). I, № 244.

Глава

Награжденіе скоморохов
какъ къ слугамъ а

а. Щедрыя награды.—Пла

Мы видѣли выше, что скомор
гусельника, развлекавшаго свои
«игрой», участниковъ пировъ и сва
кончая веселыми разудалыми му
глумотворцами, потѣшавшими народ
нями, играми и представленіями, —
всякихъ увеселеній, центромъ всякихъ
рищъ. Скоморохъ былъ въ старину е
ставителемъ музыкальнаго, музыкаль
зыкально-сценическаго искусства, про
мѣется, по большей части лишь въ са
бой, но соотвѣтствовавшей современному
мѣ. Народъ, начиная съ князя или ца
гульною чернью, любилъ своихъ веселы
щедро награждая ихъ за доставляемую
Добрыня, одѣтый скоморохомъ, за игр
вается почести сидѣть рядомъ съ княземъ
«золотомъ стулѣ» и вмѣстѣ съ княземъ «х
лебедей рушати» (см. выше стр. 64—65), онъ
виномъ и казной безъ мѣры и безъ разсчета:
мала скоморошина», восклицаетъ князь,

За твою игру великую,
За утѣхи твои за нѣжныя,

рушки пей зелено вино,
асчету получай золоту казну [1]).

ересказѣ Владиміръ обращается къ Доб-
ыщею рѣчью:

ора мала смѣла скоморошина!
ъ намъ тебя буде жаловать
эту игру за умильнюю?
ль тебѣ набъ съ пригородами,
ела да ти набъ со приселками,
ного набъ безсчотной золотой казны?

ій «нѣжной игрой» Садка-гусельника, царь

орилъ таковы слова:
же ты Садко Новгородскій!
знаю чѣмъ буде тебя жаловать...
ъ безсчетной золотой казной? [2])

ается въ былинахъ и о платѣ гудочной.
омъ изъ пересказовъ былины о Добрынѣ, послѣд-
аетъ платье не скоморошеское, а «калисьнее»
ряжается каликой). Онъ приходитъ «на свадьбу
ъ и застаетъ тамъ толпу гудочниковъ:

Вси гудки играютъ, и вси увеселяютъ.
Нацяли гудосьниковъ удобривать,
И виномъ то ихъ стали попаивать;
А не даютъ калики цяры зелена вина,
Да и платы гудосьныя не даютъ,
А за то ему не даютъ,
Што не игралъ въ свой гудокъ.
И говорилъ калика перехожіе (т. е. Добрыня):
«Прикажи-тко, Олёша, во вси гудки молцети,
А я нацьну въ свой гудокъ играти,
Штобы не лишили миня платы-то гудосьныя,
Да и цярой зелена вина не обнесли» [3]).

бниковъ. Пѣсни. II, 31.
мъ же: I, 371.
рѣевскій. Пѣсни. II, 13.

Изъ этого отрывка вид
ковъ заключалось въ подая
чему присоединялось еще уг
и подносятъ вино лишь тѣм
играютъ въ гудокъ, не игр
той и чарой зелена вина.

Въ словѣ о русаліяхъ разска
граждаетъ сопѣльника «сре
и убогіе «подаютъ сребро и
щимъ роль скомороховъ, за ихъ
рицается «держащій сопѣльника»
платящій ему деньги, или с
счетъ [1]). «Друзіи же и мзды игре
въ «словѣ о томъ, како пьрвое пог
лы», приписываемомъ Іоанну Златоу
Софійскаго собора, XIV в.) [2]), а въ
исповѣданія мірянъ, кающійся произно
сладость слушая гуденія гуслей и
всякаго скоморошества, бѣсовскаго
то имъ мьзду давахъ» [3]). Выше (стр.
дѣтельство Даніила фонъ Бухау о пляс
гистріоновъ-скомороховъ, выгоды ради.
о скоморохахъ-кукольникахъ, дававшихъ в
ставленія за деньги простонародной молод
Наука скомороха, по выраженію «слова о
ской и жидовской» (по рукоп. XVIII в.):
и у христіанъ деньги выманивать» [5])
выше (стр. 154) скоморохи князей И. И. Шуй
Пожарскаго ходили «для своего промысли
играть за плату, за вознагражденіе. Бѣлору
указываетъ на подачки, которыми пользуе
рохъ,—что даютъ, то онъ и беретъ:

А скоморохова горькая доля,
Што даюць тольки, берець и тое [6]).

---

[1]) Пам. стар. русс. лит. I. 207, 208.
[2]) Тихонравовъ. Лѣт. русс. лит. и древ. IV. III, 111.
[3]) См. у Веселовскаго. Розыск. въ обл. русс. дух. стих. VII. II, 196.
[4]) Подр. опис. путеш. въ Москов. 178.
[5]) Тихонравовъ. Лѣт. русс. лит. и древ. I, 74.
[6]) Носовичъ. Слов. бѣлорусс. нарѣч. Сл.: «скомороховъ».

выше (стр. 67) малорусскую пѣсню, въ ко-
а нанимаетъ за копу дударя, чтобы онъ
удѣ.—Какъ вознаграждались пріѣзжіе, про-
ie скоморохи, такъ, разумѣется, оплачивалось
скомороховъ и потѣшниковъ осѣдлыхъ, при-
ъ къ штату царскаго двора, а равно и дворни
тныхъ лицъ. Такъ напр. сохранились свѣдѣ-
ратныхъ выдачахъ денежныхъ наградъ, или
рій на платья, придворнымъ бахарямъ и дом-
20-хъ и 30-хъ годахъ XVII столѣтія [1]).

морошество во служеніи дьявола.

съ любовью къ искусству скомороховъ, душѣ
елья и утѣхи, народъ (въ особенности болѣе про-
его часть, воспитанная на духовной литерату-
ности самихъ потѣшниковъ изстари питалъ пре-
мало способствовало тому нерѣдко предосу-
ловеденіе самихъ скомороховъ, но главною при-
о презрѣнія и извѣстной брезгливости къ ско-
ихъ атрибутамъ служилъ воспринятый отъ Ви-
церкви и воспитывавшійся духовенствомъ въ
ядъ на грѣховность скоморошьяго промысла, на
арактеръ творимыхъ ими игръ, глумовъ, «по-
музыку вообще и даже на музыкальныя ору-
на изобрѣтеніе дьявола или дьявольскую лесть,
или потѣшника,—какъ на слугу сатаны, слугу
ва, исчадіе дьяволово. Нѣтъ возможности пере-
ѣ порицательные отзывы о скоморошескихъ
махъ и представленіяхъ, щедрою рукою расточав-
вными и свѣтскими авторами, которые, въ за-
ственномъ усовершенствованіи народа, поучали
ляя на путь истинный. Не только исполненіе
ръ, глумовъ, но и слушаніе и лицезрѣніе ихъ
называются въ числѣ мытарствъ, тяжкихъ пре-

---

[1]) Забѣлинъ. Дом. бытъ русс. царицъ. 439—440.

тый» или «Никола Можайскій», или «старчище», и
щается къ нему съ такими словами:

«Полно тебѣ играть во гусельки яровчаты,
Полно губить людей безповинныихъ.
Отъ твоихъ отъ игоръ отъ бѣсовскіихъ,
И отъ тыихъ отъ плясокъ нечестивыихъ,
Окіанъ сине море всколебалося» [1]).

Ограничусь приведенными примѣрами.

бб. Пляски и пѣсни.

Несторъ, описывая нравы Радомичей, Вятичей и
вера, выражается такъ: «схожахуся на игрища, на п
санье и на вся бѣсовская игрища»; въ Софійской
вой лѣтописи читаемъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ: «
жахуся на игрища и на вся бѣсовская плясанія»
въ видѣніи Исаакія бѣсы прельщаютъ преподобнаго
пляскѣ звуками музыкальныхъ орудій; въ былинѣ о С
вызванныя игрою его пляски морскаго царя и его с
называются бѣсовскими, нечестивыми; Христолю
называетъ въ числѣ бѣсовскихъ игръ не только
ніе (см. выше стр. 160), но и плясаніе и пѣсни м
(по другой редакціи—пѣсни бѣсовскія) [3]); точно
по словамъ посланія митрополита Іоанна, осквер
чувства, кромѣ игранія и гуденія, также плясані
пѣли, гусли, пѣсни непріязньски, плясанья,
канья (=рукоплесканія) собираютъ около себе ст
бѣсы», читаемъ въ словѣ о русаліяхъ, тамъ же гово
о бѣсахъ пляшущихъ и скачущихъ, прельщающ
побуждающихъ къ тому же народъ, и далѣе: «вели
радость совершается дьяволу плясанья и плеск
съ свирѣлми» [4]); Памфилъ ратуетъ противъ «неп

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 369.
[2]) Полн. Собр. Русс. Лѣт. I, 6; V, 85.
[3]) Тихонравовъ. Лѣтоп. русс. лит. и древ. IV. III, 92.
[4]) Пам. стар. русс. лит. I, 207, 208.

ъ игръ сотонинскихъ, плясанія и плесканія», ивъ «всесквернѣныхъ пѣсень», поющихся въ Ивакую ночь; въ «повѣсти о дѣвицахъ смоленскихъ, како ы творили» (по списку XVII в.) говорится о бѣсовмъ сборищѣ, нелѣпомъ и скверномъ на канунѣ Ивана дня, «эти окоянныя бѣсомъ научены были» [1]); «соборномъ приговорѣ (1551 г.)» предписывается священникамъ, чтобы они удалялись отъ «хулныхъ потѣхъ», ющихъ мѣсто тамъ, гдѣ находятся «гусли и прегудцы» [2]), и очевидно обозначающихъ пляски и пѣсни; «всякаредіе творятъ и всякія бѣсовскія дѣла: блудъ, естоту, сквернословіе, срамословіе, пѣсни бѣсовскія, ясаніе, скаканіе, гуденіе, трубы, бубны, сопѣли», аемъ въ Домостроѣ [3]); въ Стоглавѣ, въ памяти митролита Іоны, въ указѣ патріарха Іоакима (1684 г.) и въ угихъ памятникахъ порицаются «бѣсовскія пѣсни», атанинскія пѣсни», въ грамотѣ царя Алексѣя Михайвича (1648 г.) «богомерзкія и скверныя пѣсни»; «скорохи и плясци... ихъ же отрекоша святіи апосли», читаемъ въ поученіи митрополита Даніила, повтоющаго далѣе слова св. Ефрема: «егда же діаволъ повѣтъ гусльми и плясци и пѣсньми непріязненныи, тогда мнози собираются на то» [4]). Въ одной повѣсти VI вѣка разсказывается о бѣсѣ, явившемся старцу въ дѣ отрока въ скоморошеской одеждѣ и начавшемъ ясать передъ старикомъ [5]). Въ стихѣ о страшномъ судѣ трѣчаемъ такое обращеніе къ грѣшникамъ: «вы въ гусливирѣли играли, скакали, плясали—все ради дьяола» [6]). Еще въ 1684 г. патріархъ Іоакимъ, порицая свячныя увеселенія народа, восклицалъ: «плясаніе творятъ разженіе блудныхъ нечистотъ и прочихъ грѣхопаденій [7]).

Особенно преслѣдуется нѣкоторыми поучительными словами пляска женщины: «о злое проклятое плясаніе,

---

[1]) См. у Буслаева. Историческіе очерки русской народной словесности. 1861. II. р. 14—15.
[2]) Акты (арх. эксп.). I, № 232.
[3]) Гл. 8, стр. 16.
[4]) Пам. стар. русс. лит. IV, 201, 203.
[5]) Тамъ же: I, 202.
[6]) См. у Аѳанасьева. Поэт. возр. I, 348.
[7]) Ср. выше стр. 87.

говоритъ одинъ проповѣдникъ, о лукавыя жены
тимое плясаніе! пляшуще бо жена—любодѣйница
воля, супруга ада, невѣста сатанина». Даже
на пляски—грѣхъ: «не зрите плясанія и иныя
скихъ всякихъ игоръ злыхъ прелестныхъ, да
льщени будете, зряще и слушающе игоръ всякихъ
скихъ, таковыя суть нарекутся сатанины любовни
Въ другомъ памятникѣ (рукоп. XVII в.) читаемъ:
вертимое плясаніе (женское) отлучаетъ человѣка от
и во дно адово влечетъ» [1]). Въ повѣсти о танцу
дѣвицѣ (XVII в.) разсказывается, какъ «дѣвка
пребывавшая во дни святые «во играхъ, въ весел
танцѣхъ», похищена была во снѣ «отъ бѣсовъ» [2]).

вв. Переряживанія.

Несторъ къ дьявольскимъ лестямъ причисляет
русалія, въ которыхъ мы узнаемъ скоморошескія и
связанныя съ переряживаніемъ (ср. выше стр. 89 и
русаліями, по словамъ пролога XV вѣка, называ
игры, изобрѣтенныя бѣсами въ образѣ человѣческомъ,
которыхъ одни играютъ на музыкальныхъ инструмент
а другіе надѣваютъ на лица скураты (маски); въ
главѣ подъ «скаредными образованіями» [3]) вѣро
должно понимать личины; святочная кобылка
нуется въ царской грамотѣ 1648 г. бѣсовскою;
точныя же игры наряженныхъ должно понимать
однократно подъ общими выраженіями: «бѣсовское
ство», «бѣсовская игралища и позорища»,
тонинскія игры», встрѣчающимися въ разныхъ
ринныхъ памятникахъ; «бѣсовское и кумирское
чать, косматые и иными бѣсовскими ухищреньми
дѣянные образы надѣвающе» говоритъ патріархъ Іоа

[1]) См. у Аѳанасьева. Повт. воззр. I, 345.
[2]) Пам. стар. русс. лит. I, 209.
[3]) Гл. 92.

точныхъ ряженныхъ, прибавляя, что они «бѣсов-
игралища и позорища содѣваютъ». Наконецъ,
остраненное между набожными людьми понятіе, что
вать «харю» грѣшно и что единственное средство
титься отъ грѣха—окунуться въ крещенскую про-
послѣ водосвятія,—понятіе это исходитъ изъ одного
ника съ разъясненіемъ Нантскаго собора, по которому
и суть личины демоновъ [1]).

гг. Глумы, медвѣжья комедія и проч.

коморохи—игрецы, глумцы и смѣхотворцы—неодно-
ю называются кощунниками, безчинниками,
рнословцами; представленія ихъ, происходившія на
щахъ, на распутіяхъ, на улицахъ и поляхъ, а равно
домахъ, называются позорами «отъ бѣса за-
ненаго дѣла» (Несторъ), «чюдесами бѣсовскими»
столюбецъ), «сатанинскими играми», «кощуна-
(Іоасафъ) и т. п. Такія же выраженія относятся и
едставленій медвѣжьихъ поводчиковъ, и прочихъ по-
ыхъ представленій скоморошескихъ, дававшихся, по
женію духовныхъ писателей, «напакость слабымъ»,
зредъ простѣйшимъ».

См. у Снѣгирева. Русс. прост. праздн. II, 33, 37. Я упоминалъ уже выше 5) о томъ, что, подобно ряженнымъ, и такъ называемые халдеи должны были омы-крещенской водой: «Сказанные халдеи—пишетъ Олеарій—во все время ихъ по-бѣганья по городу, считаются какъ бы язычниками и нечистыми, такъ что если утъ въ это время, то ихъ причисляютъ къ осужденнымъ на вѣчное мученіе. По-ь день Богоявленія (крещеніе), какъ вообще въ великій священный день, надъ вершается снова крещеніе, чтобы омыть ихъ отъ такой безбожной нечистоты и ихъ снова причастными церкви христіанской. Послѣ этого новаго крещенія они ываются такъ же чисты и святы, какъ и всѣ другіе. Иной такой молодецъ могъ креститься разъ 10, и даже болѣе». (Подр. опис. путеш. въ Москов. 315).

ю, объясняющею содержаніе картины: «И рече са-
: любилъ еси въ мірѣ различныя потѣхи, игры;
едите же ему трубачей. Бѣси же начаша ему во уши
ить въ трубы огненныя; тогда изъ ушей, изъ очей,
ноздрей проиде сквозь пламень огненный...» [1]). На
ой народной картинкѣ изображена нагая женщина на
онѣ; въ объяснительномъ текстѣ выписана исповѣдь
«дѣвицы» отцу ея духовному: «азъ есмь проклятая
ь твоя духовная, видиши ли оче,... стрѣлы въ ушахъ
лушаніе пѣсней бѣсовскихъ» [2]). Въ упомянутой
з (стр. 163) «повѣсти о дѣвицахъ Смоленскихъ како
: творили», разсказывается, что Господь прислалъ къ
, св. Георгія, для увѣщеванія, «чтобы онѣ перестали
такого бѣснованья (игръ своихъ въ Иванонскую
); но онѣ нелѣпо ему возбраняли съ великимъ сра-
. Тогда онъ проклялъ ихъ, и всѣ онѣ тотчасъ же
енѣли и донынѣ на полѣ томъ видимы, стоятъ, какъ
:: въ поученіе намъ грѣшнымъ, чтобы такъ не тво-
, да не будемъ съ дьяволомъ осуждены въ муку
ую» [3]).

г. Презрѣніе къ скоморохамъ.

При такихъ обстоятельствахъ естественно сложились
цныя поговорки о скоморохахъ и ихъ ремеслѣ, въ
слѣдующихъ: «Богъ далъ попа, а чортъ—скомо-
», «пѣсня и пляска отъ сатаны», «скоморошья
ка—сатанѣ въ утѣху», «ни Богу свѣча, ни чорту
»—и т. п. Въ связи съ такимъ взглядомъ, даже атри-
скомороховъ, т. е. музыкальныя орудія и «маски»,
или посрамленіемъ для держащихъ ихъ.
азгнѣванный на архіепископа новгородскаго Пимена

Аѳанасьевъ. Поэт. воззр. I, 348.
Ровинскій. Русс. граверы и ихъ произв. 139.
Буслаевъ. Ист. оч. русс. нар. слов. II, 14—15.

(въ 1570 г.), царь Іоаннъ Грозный, между прочимъ, по
вергнулъ его слѣдующему поруганію: его посадили на б
лую кобылу, въ худой одеждѣ, съ волынкою и бу
номъ въ рукахъ, какъ шута и скомороха, и возили и
улицы въ улицу [1]). По словамъ Олеарія, царь Іоаннъ г
зилъ архіепископу, что опредѣлитъ его въ Москвѣ
разрядъ волынщиковъ», чтобы онъ игралъ подъ плас
медвѣдя. Ему связали ноги подъ брюхомъ лошади,
шею повѣсили лиру, цитру (гусли?) и волынку и
такомъ видѣ заставили ѣздить по Новгороду, приказы
ему играть на волынкѣ, хотя онъ и не умѣлъ этого
Нѣчто сходное повторилось въ Москвѣ 36 лѣтъ спус
По убіеніи лже-Димитрія (въ 1606 г.), обнаженный тр
его чернь потащила кругомъ дворца на площадь; зд
положили его на столъ, а одинъ изъ бояръ бросилъ
на животъ маску, на грудь—волынку, а въ ротъ сун
дудку и притомъ сказалъ: «долго мы тѣшили тебя
теперь самъ насъ позабавь» [3]). Я упоминалъ уже о томъ
годованіи, съ которымъ князь Рѣпнинъ отвергъ предлож
Іоанна Грознаго, надѣть на лицо свое машкару: «он
отверже ю — пишетъ князь Курбскій — и потопталъ и реч
буди ми се безуміе и безчиніе сотворити, въ совѣтничес
чину сущу мужу» [4]). Презрѣніе Іоанна Грознаго къ ско
хамъ и близкородственнымъ имъ шутамъ, которыми онъ
не менѣе любилъ окружать себя, видно изъ слѣдующаго
сказа: однажды, недовольный какою-то шуткою одного
нихъ (князя Осипа Гвоздева), царь сперва вылилъ на
мису горячихъ щей, а потомъ ударилъ его ножемъ: «ис
слугу моего добраго», обратился онъ вслѣдъ за тѣм
доктору Арнольфу, но тотъ могъ лишь удостовѣрить см
Гвоздева. Царь махнулъ рукой, назвалъ мертваго
псомъ и продолжалъ веселиться [5]). Маскѣвичъ въ св
запискахъ (подъ 1611 г.) свидѣтельствуетъ, что ру
бояре надъ западными танцами смѣются, «считая не
личнымъ плясать честному человѣку... Честны

---

[1]) Карамзинъ. Ист. гос. росс. IX, 89.
[2]) Подр. опис. путеш. въ Москов. 79.
[3]) Сказ. соврем. о Димитр. Самозв. I, 79; III, 159; IV, 175.
[4]) Сказанія. 81.
[5]) Карамзинъ. Ист. гос. росс. IX, 97.

ъ—говорятъ они—долженъ сидѣть на своемъ мѣстѣ
ько забавляться кривляніями шута, а не самъ
шутомъ для забавы другого, —это не годится» [1]).
(русскіе бояре) не любятъ пляски (т. е. не любятъ
плясать) и думаютъ, что она унизительна для ихъ
ости», пишетъ англичанинъ Коллинсъ, бывшій вра-
царя Алексѣя Михайловича [2]). И такъ, занятіе ско-
лествомъ, т. е. игрою на музыкальныхъ инструмен-
пѣніемъ, пляской, глумотворствомъ и смѣхотвор-
ъ, признавалось ремесломъ безчестнымъ, унизи-
нымъ.

ъ описаніи Русскаго Государства въ половинѣ XVII
(Юрія Крыжанича) встрѣчаемъ перечисленіе «дур-
ь сословій людей»; тутъ, между прочимъ, поиме-
ваются музыкальные и другіе искусники, предста-
и разныхъ отраслей скоморошества: «игроки, борцы,
сники, канатные плясуны, бандуристы, и всѣ
канты, незнающіе музыки военной и художествен-
. Скоморохи, въ особенности въ XVII столѣтіи, отлу-
ь отъ церкви, подвергались проклятію; отъ нихъ,
и отъ волхвовъ, чародѣевъ и т. п. людей, вмѣстѣ
коморохами проклинавшихся и отлучавшихся отъ
ви, запрещалось даже принимать дары въ церковь:
ономъ изъ поученій священнослужителямъ, изъ вре-
царя Іоанна III, находимъ наставленіе: «приноса
риноси на Божій жертвенникъ отъ невѣрныхъ
ковъ, развратниковъ, воровъ... волхвовъ... «игре-
» и т. д. [4]); «скоморохи и ихъ дѣло... будутъ...
ляти», по словамъ Домостроя [5]); «да будетъ отлу-
обавникъ, чародѣй, скоморохъ, узольникъ» гово-
: въ посланіи неизвѣстнаго епископа. Въ статьѣ одного
писнаго сборника налагается проклятіе на гусли,
ы, сопѣли, бубны, скомороховъ и свирѣльниковъ:
вси волсви плотяные бѣсовѣ и слуги антихристовы,

Сказ. совр. о Димитр. Самозв. V, 41—42.
Чтенія въ Имп. общ. ист. и древ. росс. при Моск. Унив. 1846. III. Нынѣшнее
е Россіи. Гл. 6).
«Русская Бесѣда» 1859 г. Прил. къ № 4.
См. у Соловьева. Истор. Росс. V, 245.
См. выше, стр. 166.

и сіе творяще да будутъ прокляти» [1]). Въ пам
митрополита Іоны запрещаются скоморошескія игры,
заключеніе говорится, что если игры эти еще будутъ
должаться и люди будутъ принимать къ себѣ въ дома
именованныхъ потѣшниковъ, то «тѣмъ людемъ и ск
рахомъ и медвѣжьимъ поводчикамъ быть отъ
святителя въ великомъ смиреніи и наказаніи безъ пощ
и во отлученіи отъ церкви» [2]). Во всѣхъ этихъ отно
ніяхъ русскіе игрецы и смѣхотворцы испытывали с
ную, но все-таки далеко не столь горькую участь, к
современные имъ западные собратья ихъ по ремеслу, ши
маны и жонглёры, еще болѣе униженные, поруганны
опозоренные отвергавшимъ ихъ обществомъ [3])

Мѣсто скомороховъ на княжескихъ пирахъ, по слов
былинъ, было также не особенно почетное: обыкнове
они помѣщаются «на печкѣ, на запечкѣ». Добрыня,
крученный скоморохомъ, здоровается съ княземъ Вл
міромъ и спрашиваетъ его:

«Скажи, гдѣ есть наше мѣсто скоморошское?»
Съ сердцемъ говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
Что ваше мѣсто скоморошское
На той печкѣ на муравленой,

---

[1]) См. у Аѳанасьева. Поэт. возр. I, 344—345.
[2]) Акты (арх. эксп.). IV, № 98.
[3]) Въ Византіи мимъ и мима, потѣшникъ и потѣшница, оживлявшіе народныя и
представители народнаго веселья, по словамъ проф. Веселовскаго, противуполаг
первый, какъ язычникъ—полноправнымъ гражданамъ, вторая, какъ непремѣнно
ница,—свободной женщинѣ: «они лишены были права наслѣдства, права быть
телями на судѣ; скиникамъ не было выхода изъ ихъ званія, приходилось умир
немъ, церковь неохотно пріобщала ихъ къ своимъ таинствамъ, отказывала въ
смертномъ напутствованіи, свѣтская власть призывала ихъ къ участію въ обрядѣ
съ цѣлью усилить ея позоръ элементомъ площаднаго глумленія... Какъ въ ви
скомъ, такъ и въ германскомъ мірѣ, церковь явилась открытымъ врагомъ
мана, званіе котораго причислялось къ крайне грѣховнымъ. Она громила его
проповѣдью, постановленіями соборовъ, не допускала до причастія и лишь въ
чительныхъ случаяхъ дозволяла ему пріобщиться христовыхъ тайнъ, подъ усло
не заниматься своимъ ремесломъ за двѣ недѣли до причастія и столько же с
Опредѣленія свѣтскаго закона не отставали отъ церкви: саксонское зерцало при
шпильмановъ безправными, лишаетъ ихъ права наслѣдства. Швабскій кодекс
случаѣ оскорбленія кѣмъ-нибудь шпильмана, предоставлялъ послѣднему, въ уховлети
свое—ударить тѣнь обидчика. Право города Гаймбурга еще сильнѣе поглумилось над
женнымъ шпильманомъ: кто ударитъ его, не платитъ за то никакой пени на судѣ, и
женному, которому можетъ дать еще три удара сверхъ прежнихъ, и т. п. (Розыск.
русс. дух. стих. VII. II, 134—135, 152—153.—Ср. Reissmann. Illustr. Gesc
deutsch. Mus. 132—133.)

На муравленой печки на запечки.
Онъ скочилъ скоро на мѣсто на показанно,
На тую на печку на муравлену;
Натягивалъ тетивочки шелковыя
На тыя струночки золоченыя,
Учелъ по струночкамъ похаживать,
Учелъ онъ голосомъ поваживать [1]).

Въ другомъ пересказѣ Владиміръ уже безъ сердца указываетъ то-же мѣсто Добрынѣ-скомороху. Говоритъ Добрыня:

«Солнышко, князь стольно-кіевскій!
«Нѣтъ ли мѣстечка немножечка
«Малой скоморошинкѣ,
«Поиграть въ гуселышки яровчаты».
Говоритъ какъ солнышко князь стольно-кіевскій:
Ай же ты малый скоморошина!
Всѣ мѣстечки позасяжены:
Есть на печкѣ муравленой
Мѣстечка немножечко.
Тутъ то Добрыня на ножку легохъ-то былъ,
Подскочилъ онъ на печку муравлену [2]).

Въ третьемъ пересказѣ Владиміръ предлагаетъ Добрынѣ-скомороху три мѣстечка: одно противъ стола, другое противъ себя (князя), а третье—«на печкѣ на земляныя». Добрыня же, очевидно избравъ обычное «мѣсто скоморошское», «скочилъ на печку на земляную [3]).

У простыхъ людей скоморохи принимались съ бо́льшимъ почетомъ. Терентьева жена обращается къ зазваннымъ ею «веселымъ молодцамъ» съ приглашеніемъ сѣсть на лавочки:

Садитесь на лавочки,
Поиграйте во гусельцы [4]).

Народъ обращается съ ними за панибрата: «веселые», по словамъ пѣсни, отыскивая себѣ ночлегъ, заходятъ къ

---

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 136.—Ср. Гильфердингъ. Онеж. был. 44—45.
[2]) Рыбниковъ. Пѣсни. II, 30—31.—Ср. Гильфердингъ. Онеж. был. 1029:
— Только мѣстечка да на печи печи,
— На печи печи, да на печномъ столбѣ.
[3]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 144.
[4]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 13.

старой бабѣ: одинъ играетъ, другой пляшетъ, а тр
по видимому, безцеремонно располагается будт
спать [1]).

Впрочемъ, презрительное отношеніе народа къ отве
тымъ обществомъ потѣшникамъ-скоморохамъ, кромѣ
веденныхъ выше (стр. 167) нелестныхъ для нихъ в
ныхъ поговорокъ, выражается, напр. и въ народной
тинкѣ (изъ первой половины XVIII в.), изображающей п
«Масляницы»: масляницѣ на картинкѣ предшествуют
тыре музыканта (скомороха), играющіе на гудкѣ, д
волынкѣ и чеканѣ. Первые два идутъ пѣшкомъ, а посл
изображены верхомъ на свиньяхъ; подъ картинкой
писаны слова: «переднею (=масляницею) скачут на сви
верхами сразными музыки и гудками» [2]). Всадникъ на с
во всякомъ случаѣ представляетъ фигуру, способную в
вать лишь презрительный смѣхъ окружающей толп
XVI столѣтіи скоморохи, какъ мы видѣли выше (стр.
ходятъ большими толпами, часто насильно играютъ в
ревняхъ и насильно ѣдятъ и пьютъ, и даже обво
ваютъ и грабятъ жителей. Противъ такихъ нахаль
нашествій народъ, именно въ XVI столѣтіи, ограж
многочисленными грамотами, запрещавшими скомор
совершать насильственныя посѣщенія. Впрочемъ, въ
ствѣ людей, занимавшихся «безчестнымъ» ремесломъ, и
скоморохами иногда производились насилія со сторон
дей «честныхъ», злоупотреблявшихъ нерасположеніе
скоморохамъ властей, а слѣдовательно и невозможност
ходить имъ себѣ защиту. Такъ въ 1633 г. били госуда
ломъ скоморохи князя И. И. Шуйскаго (Павлушка Зару
да Вортышка Михайловъ, да Конашка Дементьевъ) и
Д. М. Пожарскаго (Ѳедька Степановъ, сынъ Чечотка) и
казнаго села Дунилова, Ондрѣя Крюкова, да на его л
въ томъ что, когда челобитчики пришли въ Дун
«для своего промыслишку и съ ходьбы къ нему, Он
явились», то Ондрѣй ихъ, «сиротъ, зазвалъ къ се
дворъ и, зазвавъ, заперъ въ баню и, заперши, в

---

[1]) См. выше стр. 141.
[2]) Ровинскій. Русс. нар. карт. I, 304.

къ у нихъ, сиротъ, у Павлушки 7 рублевъ, у Ѳедьки рублевъ, да Артюшкиныхъ денегъ 5 рублевъ...» [1]). Подные случаи «вымучиванія» у презрѣнныхъ скомороховъ раннныхъ ими денегъ «честными», т. е. не занимавшися скоморошескимъ промысломъ, людьми — вѣроятно торялись неоднократно, тѣмъ болѣе, что даже оффиціальки грамотами въ нѣкоторыхъ случаяхъ разрѣшалось, а гда и приказывалось, не только выгонять непрошенныхъ тей-скомороховъ, но даже бить и грабить ихъ; такъ р. приговорною памятью монастырскаго собора Троицлавры (1555 г.) предписывалось «скомороха или волх-.. бивъ да ограбивъ да выбити изъ волости вонъ» [2]).

---

[1]) См. у Аѳанасьева. Поэт. воззр. I, 346—347.
[2]) Акты (арх. эксп.). I, № 244.

мною раньше, иноземное вліяніе на характеръ и со-
въ царскихъ музыкальныхъ потѣхъ. Появляются при
скомъ дворѣ органы, клавикорды, скрипки, цимбалы,
одятся хоры трубной музыки; наконецъ, при Алексѣѣ
хайловичѣ открываются театральныя представленія съ
естровой музыкой. Придворные бахари, домрачеи и гу-
ьники исчезаютъ и только уже позже, въ XVIII сто-
іи, какъ бы въ замѣнъ ихъ, появляются иногда при
сскомъ дворѣ малорусскіе бандуристы, воспѣвающіе уже
вднѣйшія событія изъ исторіи казачества, т. е. уже изъ
менъ христіанскихъ. Древнее-же искусство пѣнія или
азанія старины, центромъ которой продолжаетъ пре-
ущественно служить окруженный богатырями «князь
адиміръ стольно-кіевскій», не исчезло: на далекихъ,
ухихъ сѣверныхъ окраинахъ земли русской до сихъ поръ
учитъ эта пѣсня, конечно видоизмѣненная подъ влія-
емъ иныхъ временъ и обстоятельствъ, но несомнѣнно
изко роднящаяся съ древнимъ пѣснопѣніемъ гусляровъ-
мороховъ; распѣваютъ, «сказываютъ» ее, но уже безъ
провожденія гуслей, старики пѣвцы или «сказители»
линъ, изъ устъ которыхъ удалось записать ихъ, спасти
ъ совершеннаго забвенія, увѣковѣчить, нѣкоторымъ лю-
телямъ и почитателямъ русской старины [1]). Значитель-
ая доля такихъ пѣсень дошла до насъ и въ сборникѣ
Древнія русскія стихотворенія К. Данилова», открытомъ
ъ видѣ рукописи въ срединѣ прошедшаго столѣтія.

Впрочемъ, не при однихъ княжескихъ и царскихъ дво-
ахъ звучала въ старину эта «великая игра», но и въ
ѣдѣ частныхъ, преимущественно знатныхъ, богатыхъ
ицъ. Мы видѣли выше, что богатый гость Соловей Бу-
міровичъ самъ играетъ, окруженный своею дружиною
остями-корабельщиками и цѣловальниками); другой бо-
атый гость, Садко, также играетъ среди своей дружины,
оихъ «наемныхъ людей» («цѣловальниковъ и прикащи-
въ»): когда выпадаетъ ему злополучный жребій, то онъ,

---

[1]) См. неоднократно цитированные мною выше сборники былинъ Кирѣевскаго, Рыбникова, Гильфердинга.

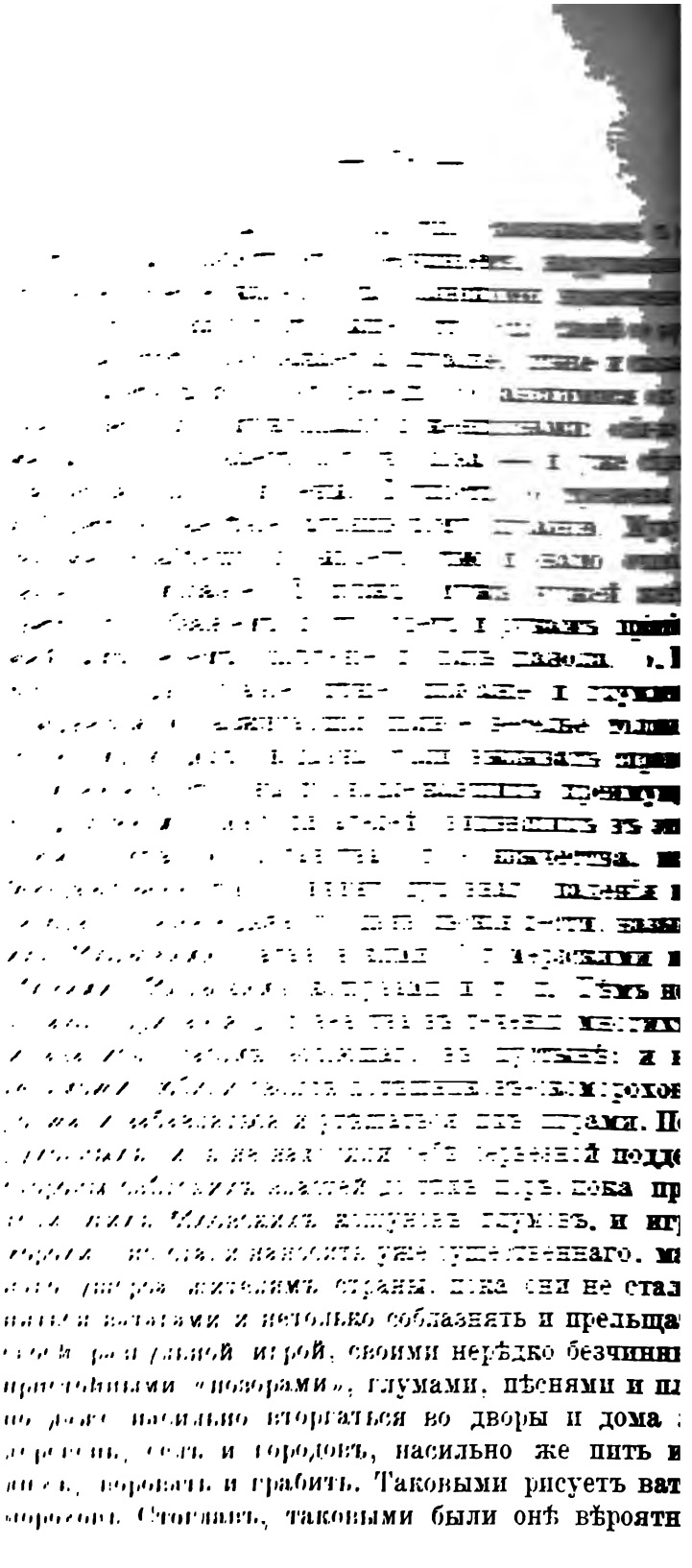
прежде тѣмъ броситься въ море, обращается съ
братцамъ», къ «дружинѣ хороброй»:

Пойдите русскіе архичы
Поиграть-то мнѣ въ останнее...

На пиру, за великимъ столомъ» у князя В
Васильевича Скопина почтся слава хозяину пер
мую былину о подвигахъ и смерти Скопина по
селые молодцы, соединяющіе свое повѣствованіе
леніемъ того «боярина великаго», того «хозяи
каго», у котораго, сидючи въ бесѣдѣ смиренны
«испиваютъ медъ, зелено вино». Ладожскіе му
(скоморохи), которыхъ слышалъ Олеарій, пѣли
комъ царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ за столомъ пр
пословъ. Я упоминалъ выше о томъ, что, какъ
Іоанна Грознаго, Василія Шуйскаго, Михаила
вича, были свои сказочники-бахари, преемники д
сказителей старины—скомороховъ, такъ держали
и зажиточные частные люди, даже еще въ начал
няго столѣтія; разумѣется, бахари-холопы эти н
ляли собою измельченный типъ прежняго скази
ляра,—дѣло ихъ было: то развлекать, то усыпля
господина и въ послѣднемъ случаѣ сходствовало,
лось съ холопскою-же обязанностью чесать господс
на сонъ грядущій, практиковавшеюся во врем
постнаго права. Какъ при царѣ Михаилѣ Ѳедор
стояли пѣвцы и игрецы: домрачеи и гусельники, и
сѣѣ Михайловичѣ исчезнувшіе, а въ послѣдств
нившіеся малорусскими бандуристами, такъ и въ
частныхъ домахъ, именно въ теченіи XVII столѣт
чаются гусельники (вспомнимъ «повѣсть о прел
Евгеніи», «притчу о старомъ мужѣ и молодой
и позже, въ XVIII вѣкѣ, — бандуристы. Какъ
скомъ дворѣ, начиная съ конца XV и въ тече
XVII и слѣдующихъ столѣтій, состояли игроки
ныхъ иноземныхъ инструментахъ (органахъ, клави
скрипкахъ, цимбалахъ) и, начиная съ XVII вѣк
хоры музыкантовъ: трубниковъ, сурначеевъ, на
и т. п., такъ и въ частныхъ домахъ, именно въ X
заводились подобныя-же потѣхи: вспомнимъ музы

ъ боярина Никиты Ивановича Романова, друга
, устроивавшаго свои музыкальныя потѣхи на нѣ-
ладъ; вспомнимъ дворовыхъ людей боярина Арте-
ргѣевича Матвѣева, участвовавшихъ, вмѣстѣ съ
ми нѣмцами, въ первыхъ придворныхъ театраль-
редставленіяхъ при Алексѣѣ Михайловичѣ; вспом-
гру трубниковъ, сурначеевъ, набатчиковъ и пр.,
ихъ на пирахъ въ повѣсти о прекрасномъ Девге-
притчѣ о старомъ мужѣ и молодой дѣвицѣ, въ бы-
Никитѣ Романовичу дано село Преображенское».
ца XVII столѣтія постепенно заводятся разными
ми людьми свои музыканты и оркестры, существо-
при дворахъ нѣкоторыхъ вельможъ даже до сре-
ашего вѣка.

только что перечисленныя музыкальныя потѣхи
въ состояніи были - бы вызывать серьезные про-
стороны не только свѣтскихъ, но и духовныхъ
, кромѣ развѣ порицанія со стороны послѣднихъ,
наго на воспринятомъ духовенствомъ изъ Византіи
ии въ грѣховности занятія музыкой вообще. Дѣй-
ьно, изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ мы
что преп. Ѳеодосій лишь съ нѣкоторымъ наме-
оризны отнесся къ играмъ и пѣснямъ, происхо-
ь при дворѣ князя Святослава: «Такъ-ли будетъ
свѣтѣ?» Вотъ все, что проговорилъ Ѳеодосій, за-
эти игры въ полномъ ихъ разгарѣ. Далѣе мы встрѣ-
съ предписаній лицамъ духовнаго званія, удаляться
ѣзъ, гдѣ бываютъ гуденіе или «играніе» на ин-
тахъ. Но дѣйствительно заслуживало порицанія и
нія играніе, сопровождавшее попойки и оргіи, въ
сти раздававшееся въ праздничные дни на ули-
лощадяхъ, или въ корчмахъ, среди народной толпы;
о въ большинствѣ случаевъ вызывало и «прокля-
ыноговертимое плясаніе», которое, не удерживаясь
ицахъ благопристойности и приличія, нерѣдко пе-
въ циническія, соблазнительныя тѣлодвиженія;
вызывало здѣсь и пѣсни плясовыя и разгульныя,
реходившія въ «сквернословіе» или «срамословіе».
опять связывалось съ переряживаніемъ, глумле-
позорами», также обыкновенно далеко пересту-



кѣ, такъ какъ съ этого столѣтія свѣтскія власти
ъ ставить преграды ихъ алчности и нахальству,
раждая особыми грамотами, въ видѣ чрезвычай-
виллегіи или льготы, тѣ или другія селенія, ту
ую волость, отъ насильственнаго нашествія ско-
, а затѣмъ постепенно принимая уже болѣе ши-
ры противъ скоморошества вообще. Но и эти гра-
указы въ общемъ имѣли мало успѣха и широко
ранившагося зла не искореняли. Только со вре-
ря Михаила Ѳеодоровича власти начинаютъ дѣй-
противъ скомороховъ съ большею энергіею. Со
іемъ-же на царскій престолъ Алексѣя Михайло-
торый, подъ наплывомъ благочестія, съ омерзе-
носился ко всякаго рода отечественному скомо-
у, даже на собственной своей свадьбѣ отмѣнилъ
музыку, замѣстивъ ее пѣніемъ духовныхъ сти-
который, удаливъ отъ своего двора бахарей, дом-
и гусельниковъ, на мѣсто ихъ поселилъ во дворцѣ
зываемыхъ «верховыхъ нищихъ» [1]), занимавшихъ
іемъ духовныхъ стиховъ, — со вступленіемъ Але-
ихайловича на царскій престолъ началось усилен-
слѣдованіе и коренное истребленіе скомороховъ и
ъ, подкрѣпляемое строгими наказаніями ослушни-
рскаго слова.

слѣдимъ главнѣйшія изъ вышеупомянутыхъ запре-
ыхъ грамотъ и постановленій въ хронологическомъ
ядкѣ. Въ 1470 г. выдана жалованная грамота о
гобы въ Инобожскихъ селахъ Троицко - Сергіева
ря княжескіе ѣздоки не ставились,.. «также и ско-
у нихъ въ тѣхъ селахъ не играли». Въ устав-
мотѣ 1506 г. читаемъ: «а скоморохомъ у нихъ
новскаго стана крестьянъ) въ волости играти (во-
) не освобождаетъ». Въ другой уставной гра-
ъ 1509 г. предоставляется ловчему и его тіуну
кать въ Бобровыхъ деревняхъ насильственной игры
ковъ и безнаказанно выгонять ихъ: «кто ихъ (скомо-
пуститъ на дворъ добровольно, и они тутъ играютъ;
ь у нихъ скоморохи по деревнямъ играти силно,

[1]) у Забѣлина. Дом. быт русс. царицъ. 152.

и они ихъ изъ волости вышлютъ вонъ безпенно»
ванная грамота великаго князя Василія Іоанновича
освобождаетъ монастырскія села и деревни въ Уг
уѣздѣ отъ пошлинъ и отъ игры скомороховъ: «ско
хомъ (въ тѣхъ деревняхъ) не играти; а учнутъ у н
скоморохи играти, и язъ тѣхъ велѣлъ имати и дав
поруки, и ставити передъ собою, Великимъ Княземъ
уставной Онежской грамотѣ 1536 г. читаемъ: «а с
рохомъ у нихъ въ волости силно не играти; а
нихъ учнетъ въ волости играти силно, а старосты
лостные люди вышлютъ ихъ изъ волости вонъ, а пен
въ томъ нѣтъ». Въ уставныхъ и жалованныхъ грам
1544 г. (Звенигородскаго уѣзда, дворцоваго Андреев
села крестьянамъ), 1548 г. (Троицкому Сергіеву монаст
1554 г. (дворцовыхъ Аѳанасьевскаго и Васильевскаг
крестьянамъ) повторяются такія-же привиллегіи, о
давшія данныя селенія отъ насильственной игры с
роховъ. Наконецъ, въ приговорной грамотѣ монастыр
собора Троицкой Лавры 1555 г. (см. выше стр. 154
подъ угрозою пени запрещалось держать въ во
скомороховъ, а равно предписывалось и «прохо
скомороховъ въ волость не пущать» [1]). Повторя
во всѣхъ данныхъ случаяхъ лишь отдѣльныя мѣст
ограждались отъ непрошеннаго посѣщенія и игры, сло
отъ нашествія ватагъ скомороховъ. Въ постановле
стоглаваго собора находимъ уже болѣе общія запре
отчасти направленныя противъ оскорбительнаго для
гіознаго чувства вторженія скоморошескихъ игръ въ
гіозныя дѣйствія, отчасти — противъ гуденія, игранія,
ленія и т. п. вообще: такъ Стоглавомъ предписывалос
щенникамъ, убѣждать духовныхъ дѣтей своихъ, чтоб
отстраняли скомороховъ отъ свадебныхъ поѣздовъ, гд
морохи шли рядомъ со священникомъ; также отъ вт
нія бѣсовскихъ игръ скоморошескихъ въ обрядъ поми
нія усопшихъ. Вотъ эти постановленія Стоглава:
вѣнчанію ко святымъ церквамъ скоморохомъ и
цомъ предъ свадбою не ходити и о томъ свящ
камъ такимъ запрещати съ великимъ запрещеніемъ,

[1]) Акты (арх. эксп.). I, №№ 86, 144, 150, 171, 181, 201, 217, 240, 2

вое безчиніе никогдаже не именовалося» [1]). «Скомо-
комъ и гудцомъ и всякимъ глумцомъ запрещали (бы
омые) и возбраняли, чтобы въ тѣ времена коли ро-
телей поминаютъ православныхъ хрестьянъ не сму-
ли и не прельщали тѣми бѣсовскими своим играми.» [2])
другомъ мѣстѣ Стоглава читаемъ: «праздность бо и
ство и играніе всему злу начало есть и погубленіе
іе; сего ради отрицаютъ вся божественная писанія и
щенныя правила всякое играніе... и гусли и смыки
опѣли и всякое гуденіе и глумленіе и позорище и
исаніе» [3]). «Бога ради, Государь, вели ихъ (скомороховъ) извести, кое бы (= чтобы) ихъ не было въ твоемъ
рствѣ, и тебѣ, Государю, въ великое спасеніе, аще бѣ-
ская игра ихъ не будетъ», писалъ Іоанну Грозному
трополитъ Іасафъ [4]). Но царь самъ пилъ и плясалъ въ
икарахъ со скоморохами, самъ посылалъ по городамъ
селамъ набирать медвѣдей и скомороховъ для своей по-
хи, самъ, въ утѣху нѣмецкимъ гостямъ, устраивалъ без-
ыдныя скоморошьи пляски, а потому и постановленія
оглаваго собора противъ скомороховъ оставались столь-же
успѣшными, какъ и прежнія порицанія скоморошескихъ
уръ, которыми продолжали тѣшиться народъ на улицахъ
площадяхъ, а знатные люди —въ своихъ домахъ и дворахъ.

Въ царствованіе Михаила Ѳедоровича начинается уже
лѣе серьезное преслѣдованіе безчинныхъ игрищъ, заклю-
авшихся въ скоморошескихъ играхъ и позорахъ, мед-
ѣжьей комедіи, кулачныхъ бояхъ, разгулѣ и пьянствѣ.
ъ 8-ой дополнительной статьѣ къ судебнику (1626 г.) чи-

---

[1]) Гл. 41, вопр. 16.

[2]) Гл. 41, вопр. 23. — Ср. тамъ-же: вопр. 24, запрещеніе, чтобы въ навечерія ждества Христова и Крещенія Христова, т. е. на святкахъ, когда происходили ноч ща скоморошескія, перераживанія и прочія вечернія и ночныя увеселенія, также и Ивановѣ дни, мужи, жены и дѣти «на нощное плещованіе и на безчинный говоръ на бѣсовскія пѣсни и на плясаніе и на скаканіе и на многія богомерзкая дѣла не одинся и таковыхъ бы древнихъ бѣсованій еллинскихъ не творили и въ конецъ престали».

[3]) Гл. 92.—Слѣдуетъ замѣтить, что въ данномъ случаѣ имѣются въ виду исклю ры народныя, въ Ивановскую ночь, на рождественскихъ святкахъ, въ Петровское на веніе,—игры, различныя по своему характеру, такъ какъ онѣ болѣе или менѣе со разовались съ характеромъ праздествъ, въ старину отправлявшихся, отчасти и нынѣ правляемыхъ народомъ, согласно древнимъ, еще не умершимъ въ немъ языческимъ пр ніямъ. Праздники эти и связанные съ ними народные обряды разсматриваются мною 2-мъ выпускѣ сочиненія «Бож. врем. Славянъ».

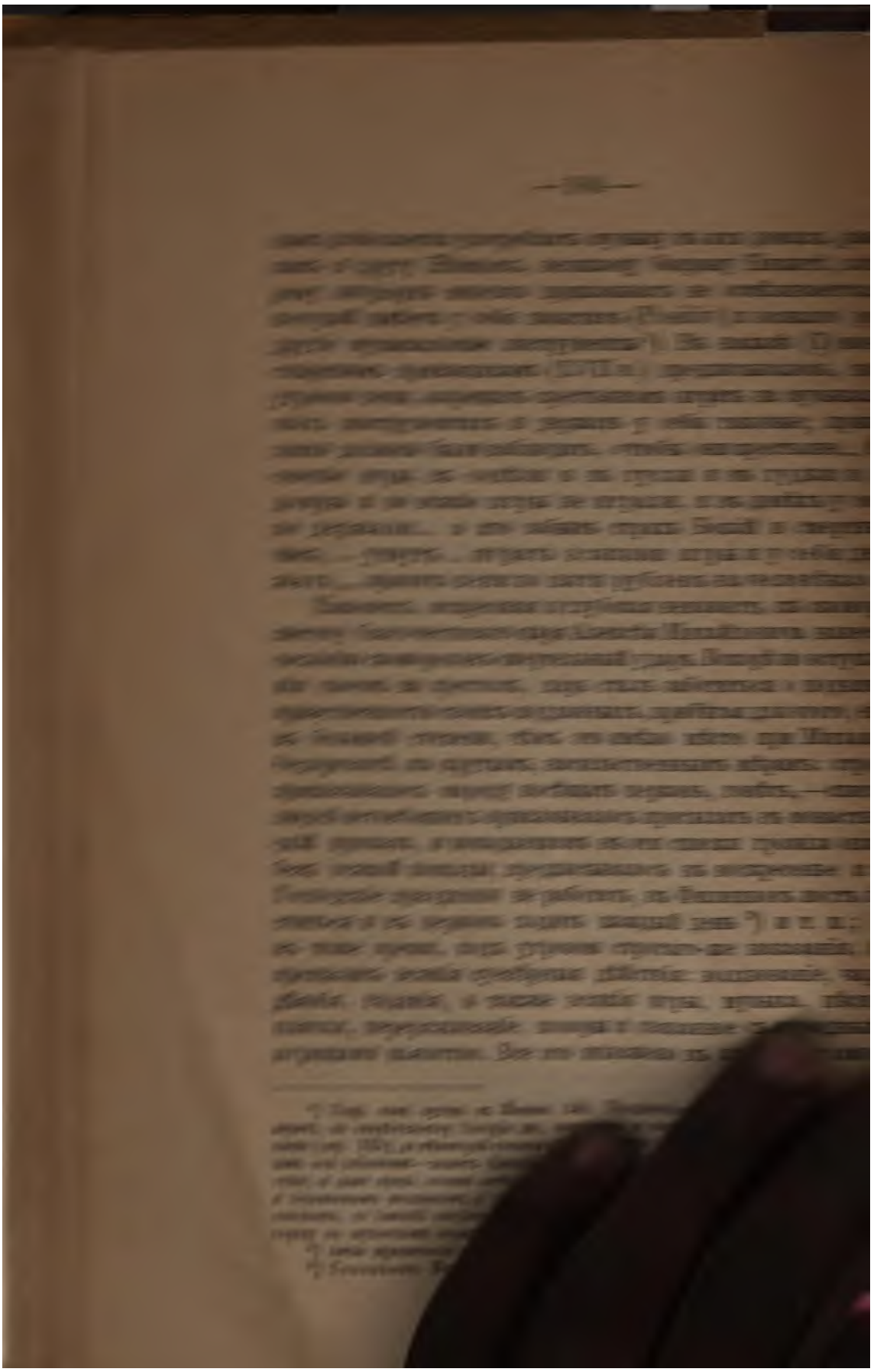
[4]) Стоглавъ. Гл. 100.

[redacted]

таемъ: «Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳедо
вичъ всеа Русіи указалъ: послать бирича кликать въ К
тае и въ Бѣломъ Каменномъ городѣ, по торгомъ, и по бо
шимъ улицамъ и по крестцомъ, и по переулкомъ и по
лымъ торжкамъ, не по одинъ день, чтобъ впередъ за С
рое Ваганково, никакіе люди не сходились на безлѣпи
николи; а будетъ учнутъ ослушаться и учнутъ на без
пицу ходить, и Государь указалъ тѣхъ людей имать и
ослушанье бить кнутомъ по торгомъ. И на Новую Че
верть о томъ память послана, чтобъ на безлѣпицу, за В
ганково, съ кабацкимъ питьемъ не въѣзжали» [1]). Ч
чемъ именно заключалась эта столь строго наказуемая «бе
лѣпица», ясно не видно, но вѣроятно подразумѣвались здѣ
народныя игрища, воодушевляемыя упоминаемымъ данно
статьею «кабацкимъ питьемъ». Подтвержденіемъ такой
толкованію въ настоящемъ случаѣ слова «безлѣпица» м
жетъ служить другая, аналогичная дополнительная къ с
дебнику статья (32-ая) отъ 1640 г.: «Государь Царь и В
ликій Князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи указалъ: к
торые всякіе люди учнутъ биться кулачки въ Китаѣ,
въ Бѣломъ Каменномъ городѣ, и въ Земляномъ городѣ,
тѣхъ людей имать и приводить въ Земской Приказъ, и чи
нить наказаніе» [2]). Здѣсь «безлѣпица» и кулачный бо
преслѣдовались и запрещались царскимъ указомъ уже по
страхомъ строгаго наказанія. Слѣдующія слова патріар
Филарета какъ бы иллюстрируютъ только что упомянуту
«безлѣпицу»: ратуя противъ святочныхъ переряжив
ній и игрищъ, патріархъ въ 1628 г. указалъ «клика
биричю по рядомъ, и по улицамъ и по слободамъ и въ со
няхъ, чтобы съ «кабылками» не ходили и на игрища
мірскіе люди не сходились, тѣмъ бы смуты православны
крестьяномъ не было и коледу бы и овсеня и плуги
кликали» (т. е. не пѣли бы святочныхъ колядокъ и ав
невыхъ пѣсень) [3]). Въ тоже приблизительно время, опо
чается противъ «сотонинскихъ игръ», плясокъ и рукоп
сканій преемникъ Филарета патріархъ Іоасафъ. Въ пам

[1]) Акты истор. (арх. комм.) III. № 92, VIII. стр
[2]) Тамъ же: XXXII, стр. 108.
[3]) Тамъ же: X, стр. 96.

и по его указу въ 1636 г., патріархъ сѣтуетъ
вмѣсто радости духовной, воздыханіе творятъ
овской и воспріимши непріязненные прелп
суть угодное дьяволу творяще и
ихъ, ходяще
вующе.



(ср. выше указъ патріарха Филарета): и въ такихъ позорищахъ своихъ многіе люди въ блудъ впадаютъ... (Далѣе царь переходитъ къ участію скомороховъ въ свадьбахъ:) Да въ городскихъ же и въ уѣздныхъ людѣхъ у многихъ бываютъ на свадьбахъ всякіе безчинники и сквернословцы и скоморохи со всякими бѣсовскими игры; и уклоняются православные крестьяне къ бѣсовскимъ прелестемъ и ко пьянству, и отцовъ духовныхъ... наказанія не слушаютъ». По изложеніи всѣхъ этихъ безчинствъ и беззаконныхъ дѣлъ, грамота предписываетъ, приказать людямъ, чтобы они отъ пьянства уклонились, «скомороховъ съ м(д)омрами и съ гусли и съ волынками и со всякими игры... въ домъ къ себѣ не призывали,... и медвѣдей (не водили) и съ сучками не плясали, и никакихъ бѣсовскихъ дивъ не творили,... богомерзкихъ и скверныхъ пѣсней (на свадьбахъ и по ночамъ на улицахъ и поляхъ) не пѣли, и сами не плясали и въ ладоши не били, и всякихъ бѣсовскихъ игръ не слушали, и кулашныхъ боевъ межъ себя не дѣлали, и на качеляхъ ни на какихъ не качались,... и личинъ на себя никакихъ не накладывали, и кобылокъ бѣсовскихъ (не наряжали), и на свадьбахъ безчинства и сквернословія не дѣлали. А гдѣ объявятся домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякіе гудебные бѣсовскіе сосуды, и тыбъ тѣ бѣсовскіе велѣлъ вынимать и, изломавъ тѣ бѣсовскіе игры, велѣлъ жечь. А которые люди отъ того ото всего богомерзкаго дѣла не отстанутъ, и учнутъ впредь такова богомерзкаго дѣла держатся, и по нашему указу тѣмъ людемъ вѣлено дѣлать наказанье: гдѣ такое безчиніе объявится, или кто на кого такое безчиніе скажутъ, и выбъ тѣхъ велѣли бить батоги: а которые люди отъ такова безчинія не отстанутъ, а вымутъ такіе богомерзкіе игры въ другіе, и выбъ тѣхъ ослушниковъ велѣли бить батоги: а которые люди отъ того не отстанутъ, а объявятся въ такой винѣ въ третіе и въ четвертые, и тѣхъ, по нашему указу, велѣно ссылать въ украйные городы за опалу. Однолично бъ есте нашу грамоту всякихъ чиновъ людемъ велѣли прочесть по многіе дни, чтобъ о богомерзкихъ и о чародѣйныхъ играхъ всякихъ чиновъ людемъ городскимъ и уѣзднымъ были вѣдомы, и съ сей на-

й грамоты списки слово въ слово разослали въ станы
ъ волости, и велѣли тѣ списки по торшкомъ прочи-
ъ многижды, чтобъ сей нашъ крѣпкой заказъ вѣ-
ъ былъ всѣмъ людемъ»[1]). Такимъ почти дословнымъ
скомъ съ этой грамоты представляется извѣстная на-
ъ Верхотурскаго воеводы Рафа Всеволожскаго прика-
ку Арбатской слободы[2]).

Въ другой царской грамотѣ, Шуйскому воеводѣ Змѣеву,
того-же года, повторяется сходное-же порицаніе свя-
ныхъ игрищъ, несоблюденіе народомъ праздничныхъ
й, брань, пьянство, а далѣе опять упоминается о ско-
ухахъ—душѣ всякихъ народныхъ увеселеній: «въ во-
есные-жъ дни и въ господскіе праздники и богоро-
ные, и въ среду и въ пятки, и посты игрецы бѣ-
скіе—скоморохи съ домрами, и съ дудами, и съ
цвѣди ходятъ». Указъ этотъ, запрещающій всѣ перечи-
ленныя въ немъ безчинныя дѣйствія, «велѣно въ тѣхъ
одѣхъ по улицамъ и по торжкамъ и по крестцамъ,
переулкамъ, прокликати бирючемъ по многіе дни»,
бы «всякихъ чиновъ люди» нынѣ и впредь поимено-
ныхъ «неистовствъ» не творили. Кто-же будетъ осту-
ься, «и тѣмъ людямъ за такія супротивныя христіан-
ку закону за неистовства, быти отъ насъ въ великой
лѣ и въ жестокомъ наказаньѣ»[3]). Нѣсколько лѣтъ
стя (въ 1657 г.), ростовскій митрополитъ Іона счелъ нуж-
ъ особою «памятью» предписать, «чтобъ отнюдь ско-
уховъ и медвѣжьихъ поводчиковъ не было, и въ
и-бъ и въ домры и въ суры и въ волынки и во всякія
овскія игры не играли, и пѣсней сатанинскихъ не пѣли
ірскихъ людей не соблажняли; а буде.... поводчики съ
вѣди учнутъ ходити и скомрахи въ гусли и въ домры
ъ суры и въ волынки и во всякія бѣсовскія игры
ять. и сатанинскія пѣсни пѣть, и мірскихъ людей соб-
нять, или мірскіе люди тѣхъ скомороховъ и мед-
ьихъ поводчиковъ съ медвѣдями въ домы своя пускати,
ку, великому святителю [illegible] учинится, и

---

[1]) Иванов. Опис. [illegible]
[2]) Акты истор. (арх. [illegible]
[3]) Сахаровъ. Сказ. [illegible]

и стиль музыки скомороховъ. мы
шь предположенія, такъ какъ пись-
они намъ не оставили, да и оста-
конечно, нотныхъ знаковъ не знали
ень своихъ не записывали. Предпо-
нія о мелодіяхъ послѣднихъ можно
емниковъ скомороховъ—сказителей
ь относительно «великой», а также
е въ народѣ играмъ (на инструмен-
вымъ и разгульнымъ —относительно
Къ этому вопросу я возвращусь въ

GV 1805 .R9 .S55 C.1
Skomorokhi na Rusi
Stanford University Libraries
3 6105 038 695 164

STANFORD UNIVERSITY L
CECIL H. GREEN LIBF
STANFORD, CALIFORNIA 9
(415) 723-1493

All books may be recalled a

DATE DUE

28D DEC 1996

NOV 2 1 1996